

Том 4 · # 2 · 2019

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА · 2019

Vol. 4 · # 2 · 2019

**URBAN
STUDIES
AND PRACTICES**

MOSCOW · 2019

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Учредитель:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«**ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ**»

Позиция редакции
может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов
возможна только
по согласованию
с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77 - 66568

**Адрес редакции
фактический:**
101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 13,
стр. 4, оф. 416
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
тел.: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

**Адрес издателя
и распространителя
фактический:**
117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4
Издательский дом ВШЭ
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90*15298,
e-mail: id@hse.ru

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
Том 4 · # 2 · 2019

Главный редактор
АНАШВИЛИ В.В. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)

Редакторы-составители
ЗУПАН Д. (*Университет Баухауса, Германия*)
СМИРНОВА В.К. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)

Редакционная коллегия
ВАРШАВЕР Е.А. (*РАНХиГС, Российская Федерация*)
ГАВРИЛОВА С.А. (*Институт региональной географии им. Лейбница, Германия*)
КОТОВ Е.А. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
ОСТРОГОРСКИЙ А.Ю. (*Архитектурная школа МАРШ, Российская Федерация*)
РОЧЕВА А.Л. (*РАНХиГС, Российская Федерация*)

Редакционный совет
БЛИНКИН М.Я. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
АСС Е.В. (*МАРШ, Российская Федерация*)
ЗАМЯТИН Д.Н. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
ЗАПОРОЖЕЦ О.Н. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
ИЛЬИНА И.Н. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
КИЧИГИН Н.В. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
КОЛОКОЛЬНИКОВ А.Б. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
КОРДОНСКИЙ С.Г. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
КУРЕННОЙ В.А. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
КОСАРЕВА Н.Б. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
КРАШЕНИННИКОВ А.В. (*МАРХИ, Российская Федерация*)
НИКОЛАЕВ В.Г. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
ПУЗАНОВ А.С. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
РЕВЗИН Г.И. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
РУБЛ Б. (*Международный научный центр имени Вудро Вильсона, США*)
САФАРОВА М.Д. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
СИВАЕВ С.Б. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
ТРУТНЕВ Э.К. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)
ХЕЙНЕН Н. (*Университет Джорджи, США*)
ШОМИНА Е.С. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)

Ответственный секретарь
Кодзокова Д.Р. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)

Менеджер
Бурова А.А. (*НИУ ВШЭ, Российская Федерация*)

Компьютерная верстка А.В. Меерсон

FACULTY OF URBAN AND REGIONAL DEVELOPMENT

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Publisher:
NATIONAL
RESEARCH
UNIVERSITY
**HIGHER SCHOOL
OF ECONOMICS**

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77 - 66568

Address:
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

URBAN STUDIES AND PRACTICES
Vol. 4 · # 2 · 2019

Editor-in-Chief

VALERY ANASHVILI (*HSE University, Russian Federation*)

Compiling Editors

DANIELA ZUPAN (*Bauhaus-Universität, Weimar, Germany*)
VERA SMIRNOVA (*HSE University, Russian Federation*)

Editorial Board

ALEXANDER OSTROGORSKIY (*MARCH Architecture School, Russian Federation*)
ANNA ROCHEVA (*RANEPA, Russian Federation*)
EGOR KOTOV (*HSE University, Russian Federation*)
EVGENY VARSHAVER (*RANEPA, Russian Federation*)
SOFIA GAVRILOVA (*Leibniz Institute for Regional Geography, Germany*)

Editorial Council

MICHAEL BLINKIN (*HSE University, Russian Federation*)
EUGENE ASSE (*MARCH, Russian Federation*)
NIK HEYNEN (*University of Georgia, USA*)
IRINA ILINA (*HSE University, Russian Federation*)
NIKOLAY KICHIGIN (*HSE University, Russian Federation*)
ANDREY KOLOKOLNIKOV (*HSE University, Russian Federation*)
SIMON KORDONSKY (*HSE University, Russian Federation*)
NADEZHDA KOSAREVA (*HSE University, Russian Federation*)
ALEXEY KRASHENINNIKOV (*Moscow Institute of Architecture, Russian Federation*)
VITALY KURENNOY (*HSE University, Russian Federation*)
VLADIMIR NIKOLAEV (*HSE University, Russian Federation*)
ALEXANDER PUZANOV (*HSE University, Russian Federation*)
GRIGORY REVZIN (*HSE University, Russian Federation*)
BLAIR RUBLE (*Woodrow Wilson International Center for Scholars, USA*)
MARIYA SAFAROVA (*HSE University, Russian Federation*)
ELENA SHOMINA (*HSE University, Russian Federation*)
SERGEY SIVAEV (*HSE University, Russian Federation*)
EDOUARD TRUTNEV (*HSE University, Russian Federation*)
DMITRY ZAMYATIN (*HSE University, Russian Federation*)
OKSANA ZAPOROZHETS (*HSE University, Russian Federation*)

Executive secretary

Diana Kodzokova (*HSE University, Russian Federation*)

Manager

Anastasia Burova (*HSE University, Russian Federation*)

Pre-Press Anastasia Meyerson

© National Research University
Higher School of Economics, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ

7/ В.К. СМЕРНОВА, Д. ЗУПАН

Введение. Город между центром и периферией

СТАТЬИ

21/ А.А. ЖЕЛНИНА

**«Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»:
районные дискурсы и реновация в Москве**

37/ Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

Российское *гетто*: воображаемая маргинальность новых жилых районов

59/ А.А. МИХАЙЛОВ, А.Х. ФАТЕХОВА, В.А. МОЛОДЦОВА

Восприятие и репрезентация московской периферии (пример района Ясенево)

73/ А.В. РУСАНОВ

**«Дачные города» Северного Подмосковья: роль сезонного населения
в трансформации сельской местности**

86/ К.П. ГЛАЗКОВ

Археология периферии: шесть лет спустя

104/ Я.А. ГОЛУБЕВА, Д.И. ВЕРЕТЕННИКОВ, В.И. КОРОТЫЧ, Л.В. КРУТЕНКО,
Г.Н.МАЛЫШЕВ, Г.Р. НИЗАМУТДИНОВА

Нестоличная реновация

CONTENTS

EDITORIAL

7/ VERA SMIRNOVA, DANIELA ZUPAN

Introduction: The City Between Center and Periphery

ARTICLES

21/ ANNA ZHELNINA

“Ghetto in a Good Sense” Versus “The Concrete Ghetto”: Neighborhood Discourses and Renovation in Moscow

37/ LIUBOV CHERNYSHEVA

Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates

59/ ALEKSANDR MIKHAYLOV, ALSU FATEHOVA, VARVARA MOLODTSOVA

Perception and Representation of the Moscow Periphery: A Case Study of Yasenevo

73/ ALEXANDER RUSANOV

“Summer Towns” in the North of the Moscow Region: Seasonal Population as a Factor in the Transformation of Rural Areas

86/ KONSTANTIN GLAZKOV

The Archeology of the Periphery: Six Years Later

104/ YANA GOLUBEVA, DANIIL VERETENNIKOV, VICTOR KOROTICH, LYUBOV KRUTENKO, GAVRIIL MALYSHEV, GULNAZ NIZAMUTDINOVA

Renovation Outside Moscow: Searching for Alternative Development Methods in Post-Soviet Cities

В.К. СМИРНОВА, Д. ЗУПАН

**ВВЕДЕНИЕ. ГОРОД МЕЖДУ
ЦЕНТРОМ И ПЕРИФЕРИЕЙ**

Смирнова Вера Константиновна, PhD, научная сотрудница постдокторантуры НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: +7 925 470 48 60

E-mail: verasmirnova@ksu.edu

Зупан Даниэла, PhD, младшая профессорка программы «Европейские города и городское наследие» Веймарского Университета Баухауса; Germany, 599423, Weimar, 5 Belvederer Allee; научная сотрудница постдокторантуры, НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: +49 3643 58 26 51

E-mail: daniela.zupan@uni-weimar.de

Данное введение и соответствующий тематический номер служат площадкой для дискуссии о динамике отношений центра и периферии в постсоциалистическом развитии городов. Цель дискуссии — не только изучить противостояние между так называемыми центрами и перифериями в борьбе за экономические, политические и символические ресурсы, но и предложить новые концептуальные подходы и новый методологический аппарат для анализа этих процессов. Таким образом, особое внимание в номере уделяется реляционному подходу к изучению отношений центра/периферии как гибких категорий, которые только в процессе социального (вос-)производства и под влиянием властных отношений приобретают фиксированный пространственный характер. Следовательно, такие аспекты, как знание и дискурс, ностальгия и память, миф и стигма, эмоции и репрезентации, выступают главным объектом исследования. Представленные статьи развивают новые эпистемологические подходы для реляционного анализа динамики центра/периферии, а также предлагают преодолеть бинарные позитивистские методики для осмысления и фиксации постсоциалистической городской реальности.

Ключевые слова: центр и периферия; городское развитие; социально-пространственное неравенство; властные отношения; постсоциалистическое пространство

Цитирование: Смирнова В.К., Зупан Д. (2019) Введение. Город между центром и периферией // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4220197-20>

Благодарность

Мы благодарим студенток и студентов Мастерской «Город на периферии: управление, наследие и критическая городская теория» за их интерес к данной теме и активную работу, послужившую импульсом для появления этого тематического номера. Мы также хотим поблагодарить Факультет городского и регионального развития НИУ ВШЭ за поддержку семинара, организованного в июле 2019 года, на котором обсуждались предварительные версии собранных в этом номере статей. Выражаем искреннюю благодарность тем, кто принял участие в семинаре, прежде всего Ксении Аверкиевой (Институт географии РАН), Марии Гунько (Институт географии РАН) и Оксане Запорожец (НИУ ВШЭ) — за полезные комментарии. Также мы хотим сказать спасибо Институту региональных исследований и городского планирования за приглашение на время постдокторской программы в НИУ ВШЭ. Мы адресуем благодарность редакции данного журнала — Диане Кодзоковой и Анастасии Буровой — и анонимным рецензенткам и рецензентам за их ценные отзывы на статьи в этом номере.

Введение

В настоящий момент перед вами тематический номер (в двух выпусках), послуживший площадкой дискуссии о динамике отношений центра и периферии в постсоциалистическом городском развитии и одновременно ареной для связанных с данной темой теоре-

тических дебатов. Цель номера — не только изучить противостояние между так называемыми центрами и перифериями в борьбе за экономические, политические и символические ресурсы, но и предложить новые концептуальные подходы и новый методологический аппарат для анализа этих процессов. Идея тематического номера возникла в связи с инициативой Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского организовать Мастерские — новый формат научно-исследовательских групп, объединяющий всех заинтересованных для работы над актуальными проблемами развития городов и регионов России.

Главной темой нашей Мастерской¹ стала исключительная роль Москвы в современной России. Многие эксперты предупреждали об опасности растущего социально-пространственного неравенства между столицей и остальными городами и регионами страны [Brade, Rudolph, 2004; Зубаревич, 2019; Зубаревич, Сафронов, 2019]. Москва, несомненно, занимает особое место среди российских городов: после распада Советского Союза столица оправилась от кризиса намного быстрее, чем другие города России, в немалой степени благодаря ее центральному политическому и экономическому положению. В Москве сконцентрированы мощные финансовые и культурные ресурсы, ведущие экономические организации, здесь и институты власти, и общенациональные средства массовой информации, и штаб-квартиры крупных государственных и частных корпораций [Brade, Rudolph, 2004, p. 71; Argenbright, 2013; Зубаревич, Сафронов, 2013, с. 17]. Столица страны была заново реинтегрирована в «вертикаль власти» в 2010 году, когда на смену многолетнему мэру города Юрию Лужкову пришел Сергей Собянин [Büdenbender, Zupan, 2017, p. 301, 303]. В силу тесных связей города с центром принятия решений, Кремлем, Москва получает непропорционально много средств за счет остальной территории страны [Trubina, 2015a, p. 30]. Это в том числе влияет на состояние городского планирования в России. Городское развитие всегда характеризовалось интенсивным обменом идей, опыта и практик между городами [Healey, 2010]². Но в сегодняшней России один, хоть и большой, город как никогда привлекает наибольшую долю ресурсов, знаний и капитала. Москва служит генератором гегемонистских дискурсов и передовых практик в урбанистике, что по своей сути может противоречить демократическому и дифференцированному развитию. Реальные эффекты этого тренда неясны — он либо усиливает зависимость от центра и дальнейшую «периферизацию», либо, наоборот, вызывает противостояние и противодействие.

Исходя из всего вышесказанного, Мастерская поставила перед собой задачу проблематизировать динамику отношений центра и периферии в современном городском развитии в России. Основной интерес теоретических воркшопов, лекций и студенческих исследовательских проектов состоял в изучении циркуляции капитала, знаний, идеологий и практик с целью раскрытия центр-периферийных взаимоотношений внутри этих процессов. Нам представляется, что проблематизация данных тенденций может улучшить наше понимание постсоциалистического городского развития. В этой оптике были рассмотрены различные темы, например внедрение передовой международной практики арт-фестиваля в городе Выкса или заимствование столичных практик благоустройства из Москвы в город Пермь. Также некоторые результаты исследований были представлены в докладе «Ассамбляжи центра и периферии: перенос, внедрение и отторжение городских практик» на ежегодной Апрельской конференции в НИУ ВШЭ в 2019 году [Арзаманов, Бикмансурова, Михайлов, Нефедова, 2019].

В работе Мастерской мы смогли лишь поверхностно затронуть множество тем, связанных с дихотомией центра и периферии, естественным выглядело решение организовать отдельный тематический номер. В первую очередь было решено сосредоточиться на России как географическом фокусе номера. Однако ясна необходимость изучения данной тематики в более широком контексте, например, в постсоветском или евразийском пространстве либо в ареале так называемого Глобального Востока [Chan et al., 2018; Müller, 2018]. Выбранная нами географическая оптика объясняется особой актуальностью обсуждаемых вопросов для современной России, где имеет место растущее пространственное неравенство, рецентрализация вла-

1 Наша Мастерская на тему «Город на периферии: управление, наследие и критическая городская теория» проводилась с ноября 2018 по май 2019 года. В Мастерской принимали участие (в алфавитном порядке): Анастасия Аляпкина, Григорий Арзаманов, Анна Бикмансурова, Марьям Бучулаева, Софья Галкина, Семен Гудков, Арсений Матвеев, Александр Михайлов, Анастасия Нефедова, Ирина Симаква, Полина Сурина, Георгий Фролов, Дарья Фролова и Алина Шестакова.

2 О советском периоде см.: [Stanek, Avermaete, 2012; Cook, Ward, Ward, 2014].

сти и авторитаризм [Gel'man, Ryzhenkov, 2011, p. 450; Зубаревич, Сафронов, 2019]. Большинство работ этого номера посвящены изучению процессов городского развития в России, тогда как исследование Алены Ляшевой рассматривает тенденции финансирования жилищного строительства на Украине. Мы надеемся, что, несмотря на ограничения, данный номер стимулирует дискуссию и за пределами своих географических рамок.

Все одиннадцать статей номера объединяет одна идея: какие методологические подходы были бы продуктивны для понимания комплексного характера отношений между так называемыми центрами и перифериями в постсоциалистическом городском развитии. То есть оба выпуска тематического номера попытаются ответить на следующие вопросы: как периферия описывает себя и формирует по отношению к центру, как периферия описывает центр, и наоборот? Как градостроительные практики центра перенимаются, адаптируются или отторгаются на периферии и как периферийные практики перенимаются в центре? Каковы особенности этих процессов в сегодняшнем политическом и экономическом контексте? И какие теоретические и концептуальные подходы могут помочь в распознавании и переосмыслении динамики отношений центра и периферии в современных постсоциалистических условиях?

Чтобы ответить на заданные вопросы, данный тематический номер объединил в себе междисциплинарную ветвь исследований — включая обращения к социологии, географии, политологии, архитектуре и градостроительству. Работы предлагают разные оптики рассмотрения процессов городского развития, их анализ через призму финансиализации, глобализации, маргинализации, геттоизации, комфортизации, мобильности городских политик, городских эмоций и т. д. Некоторые статьи приглашают читателей ознакомиться с постпозитивистскими подходами к изучению городских процессов и критически переосмыслить категории «центра» и «периферии» как социально сконструированных феноменов. Иными словами, тематический номер ориентирован на то, чтобы инициировать междисциплинарный диалог, который, как мы надеемся, сгенерирует новые подходы к исследованию городского пространства.

Центр/периферия в урбанистической мысли

Ввиду непропорционального экономического развития и неравномерного перераспределения ресурсов социальные отношения в городах, регионах и между ними нередко рассматривались через призму центра и периферии [Myrdal, 1957; Friedman, 1966; 1973]. Предпринимались также многочисленные попытки адаптации этого теоретического аппарата для рассмотрения динамики отношений центра и периферии в постсоциалистическом контексте, где «под воздействием системного кризиса 1990-х годов слабые стали еще слабее, а сильные — сильнее» [Карачурина, Мкртчян, 2010, с. 70; Golubchikov et al., 2014; Nagy, Timár, 2017]. На фоне усиления диспропорции этих взаимоотношений в постсоветский период неудивительно, что растущее социальное и экономическое неравенство по-прежнему представляет собой одну из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем постсоциалистической России [Зубаревич, Сафронов, 2013]. Хотя пространственная динамика этих тенденций проявляется от микрорайонов и городов до регионов по-разному [Golubchikov et al., 2014, p. 619], многие исследователи отмечают долговременную тенденцию роста «концентрации населения в региональных центрах и ближайших к ним районах», при этом «остальные территории, если только они живут не благодаря ренте местоположения или добычи, будут быстро пустеть» [Карачурина, Мкртчян, 2010, с. 71].

Приток креативного капитала и депопуляция, туристификация и экономический застой, пригородная экспансия и сжатие, прогресс и отсталость — все эти категории по-прежнему являются продуктивными для описания пространственного неравенства в России. Городская и экономическая география разработала и адаптировала многие методы для изучения динамики центра-периферии в постсоциалистическом контексте, например, использование модели дифференциальной или пространственной урбанизации для объяснения концентрации и деконцентрации населения [Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991; Трейвиш, Нефедова, 2002], модели кольцевого развития рыночных центров и их периферий [Иоффе, Нефедова, 2001] и другие теоретические подходы для изучения различных вариаций постсоциалистического перехода в России [Зубаревич, 2003; Трейвиш, 2009].

Российская градостроительная наука также выдвинула свою традицию и системный подход, осмысляющие особенности пространственного развития по оси «центр/периферия». В этом плане необходимо отметить концепцию «каркаса» и «ткани» А.Э. Гутнова [Гутнов,

1984] и «неравномерно-районированную модель» А.А. Высоковского [Высоковский, 1983; 2005], являющиеся главными инструментами для анализа и оценки сложившейся социально-пространственной структуры города. Эти модели последней четверти прошлого века до сих пор представляют собой базовые методологии для прикладных исследований в области урбанистики в России [Котов и др., 2016; Лейзерова, 2016; Гончаров, Никогосян, 2017; Гостев, 2018; Потапенко, 2018]. Важный вклад в развитие понимания центра и периферии и изучение процессов формирования культурных очагов за пределами столичных центров внес В.Л. Глазычев благодаря своим исследованиям «глубинной России» [Глазычев, 2003].

Культурно-географическая школа через разработку комплексной теоретической типологии «культурного ландшафта» также внесла свою лепту в исследование центра и периферии [Каганский, 2001; 2012; Родоман, 2002; Замятин, 2004]. Эти работы оформили феноменологический подход к исследованию пространства, который, в свою очередь, может быть противопоставлен упоминавшимся позитивистским исследовательским методам. Кроме того, различные парадигмы теоретической географии признали ограничения и недостатки диалектического подхода «центр/периферия» [Каганский, 2012, с. 23] и выдвинули более нюансированные категории пространственного анализа, такие как центр, провинция, периферия, граница и др. [Каганский, 1998; Макарычев, 2006].

Наконец, стоит отметить ряд исследований, анализирующих постсоциалистическое городское развитие в современной России через призму социально-экономических тенденций и властных отношений. Зачастую отказываясь от непосредственной оптики категорий центра и периферии, данные работы делают акцент на том, что внутренняя логика капиталистического развития является ключевым фактором городской поляризации в России [Golubchikov et al., 2014, p. 619]. Такой подход позволяет пролить свет на процессы неравномерного социально-пространственного развития в городе [Badyina, Golubchikov, 2004], на политику рыночно ориентированного или неолиберального городского управления [Golubchikov, 2004; 2010; Kalyukin et al., 2015; Büdenbender, Zupan, 2017] или на влияние глобальной рыночной конкуренции на развитие городов [Dixon, 2010; Kangas, 2013; Makarychev, Yatsyk, 2015; Trubina, 2019]. Некоторые исследователи обращают также внимание на специфику властных отношений между столичными, местными или региональными элитами [Kinossian, 2012; 2017; Trubina, 2015b; Ткаченко, 2019], тем самым раскрывая и проблематизируя вертикаль политических отношений в современной России.

Отталкиваясь от этих теоретических соображений и исследовательских традиций, мы обращаем особое внимание на динамичный и взаимозависимый характер отношений между центром и периферией в постсоциалистическом пространстве, тем самым оспаривая территориально-фиксированное и стационарное понимание данных категорий. Нам представляется, что реляционный поворот в географии [Amin, Massey, Thrift, 2003; Massey, 2005; Harvey, 2006] может помочь концептуализировать «центр» и «периферию» как гибкие категории, которые приобретают фиксированный пространственный характер только в процессе их социального воспроизводства и в среде властных отношений. Анализ городского развития с реляционной точки зрения в первую очередь ставит акцент на изучении активных социальных, экономических и политических действий, которые воспроизводят социально-пространственные неравенства [Jones, 2009, p. 493].

Таким образом, изучение городского развития с реляционной точки зрения призывает нас сфокусировать внимание на нематериальных силах, действующих за кулисами. Это позволяет расставить акценты, например, на повседневных практиках и социальных конфликтах, через которые зачастую формируются и усиливаются социально-пространственные неравенства. В этом смысле такие аспекты, как знание и дискурс, ностальгия и память, миф и стигма, эмоции и репрезентации, играют активную роль не только в формировании отношений между центром и периферией, но и (вос-)производстве категорий «центра» и «периферии» как таковых.

Важно также отметить, что в постсоциалистическом контексте эти взаимоотношения могут быть охарактеризованы многими пересекающимися, а иногда даже противоречивыми тенденциями. Например, централизованный государственный контроль и преобладание неолиберальных установок, коллективное управление городскими ресурсами и индивидуальная ответственность за благополучие, авторитарные политические тенденции и упор на партиципацию горожан. Таким образом, статьи, представленные в тематическом номере, вносят свой вклад в теоретизацию динамики центра/периферии с позиции постсоциалистического контекста [Ferenčuhová, 2016; Hirt, Ferenčuhová, Tuvikene, 2016], воспринимаемого как «ординарное

другое» в русле глобального подхода в изучении городов [Robinson, Roy, 2015; Robinson, 2006; 2016]. Соответственно, номер может предложить как новые эпистемологические оптики для реляционного анализа динамики отношений центра и периферии в более широком географическом контексте, так и возможность преодолеть бинарные позитивистские рамки в урбанистике посредством привнесения междисциплинарного подхода.

Обзор тематического номера

Тематический номер состоит из двух выпусков, которые отражают разные масштабы изучения центра и периферии и различные позиции данного рассмотрения. В первом выпуске собраны работы, рассматривающие динамику отношений между центром и периферией внутри городского пространства. Основное внимание здесь уделяется анализу процессов периферизации в крупнейших городах России — Москве и Санкт-Петербурге. Второй выпуск затрагивает вопросы отношений центра и периферии в межгородских аспектах финансиализации, глобализации, капиталистического производства пространства, обмена градостроительных политик и передовых практик. Статьи представляют развернутый анализ этих процессов на примерах Киева, Ельца, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга среди других городов.

I. Центр/периферия в пространстве города

Важную роль в дискуссии о центрально-периферийных отношениях занимает проблема стигматизации городских районов, расположенных за пределами так называемого городского центра, в соответствии или несоответствии с определенным социально-экономическим статусом и характеристиками. Анна Желнина и Любовь Чернышева в своих статьях раскрывают эту тему на примерах стигматизации жилых районов «новой» и «старой» периферии Москвы и Санкт-Петербурга. Используя методологию дискурс-анализа, они показывают появление и распространение концепции «гетто» в публичной сфере и подчеркивают перформативные эффекты этого процесса.

Анна Желнина рассматривает роль городских эмоций в воспроизводстве понятия «гетто» для описания жилых районов. Последнее используется в том числе жителями, в принимающих или отвергающих московскую программу реновации дискурсах. Желнина [2019] оперирует концепцией «периферии-крайности», выражающейся в «удаленности, плотности, а также эмоциональной нагруженности места», чтобы описать различные отклонения от понятия «нормальной» городской среды, конструируемые жителями [Желнина, 2019, с. 22]. Более гибкая теоретизация концептов центра и периферии позволяет продуктивно рассмотреть, как эмоциональное конструирование «периферийности» не только обосновывает представления горожан об идеальном и нежелательном городе, но и используется как инструмент политической мобилизации в городских конфликтах.

Любовь Чернышева в своей работе предлагает концепцию «воображаемой маргинальности» (*imarginality*), чтобы проанализировать, как описывается и формируется восприятие новых периферийных районов Санкт-Петербурга в спектре понятия «гетто». В частности, она изучает проявление дискурсивных практик через категории «гетто-в-настоящем» и «гетто-в-будущем», в рамках которых происходит так называемая геттоизация новостроек. Работа Чернышевой показывает, что воспроизводство самого понятия «гетто» не имеет эмпирических оснований в случае ЖК «Северная долина». Исследование приводит к выводу, что сама по себе тенденция описания и прогнозирования трансформации новых жилых районов в терминах геттоизации влечет за собой «риски создания гетто, поскольку эта категория работает как перформатив» [Чернышева, 2019, с. 50].

Александр Михайлов, Алсу Фатехова и Варвара Молодцова [2019] продолжают дискуссию о (не-)соответствии между имиджем городского пространства и его социально-экономическими характеристиками. Однако тема рассматривается с несколько иной точки зрения, чем в предыдущих работах. На примере московского района Ясенево исследование показывает, как восприятие жителями городской среды идет вразрез с ее «объективными характеристиками». Таким образом, периферия Москвы — или так называемый «панельный бублик» — рассматривается как феномен, который может быть охарактеризован наслоением множества различных локальных идентичностей [Михайлов, Фатехова, Молодцова, 2019, с. 68]. Тем самым данная

работа предостерегает от предвзятых суждений и, напротив, приглашает оспорить не только наши предположения о нецентральных районах, но и сами категории «центра» и «периферии», к которым мы зачастую апеллируем, чтобы эти районы описать.

Автор четвертой статьи выпуска, Александр Русанов, изучает формирование так называемых дачных городов и их роль в трансформации городской периферии Москвы. Дача, «второй дом горожан, используемый сезонно или эпизодически», рассматривается как уникальный «социально-географический феномен», имеющий существенное значение для формирования «новой логики» урбанизации в России [Русанов, 2019, с. 74]. Через анализ взаимосвязи активно развивающихся «дачных городов» и городских округов, на территории которых они расположены, рассматриваются процессы депериферизации в северном Подмоскowie. Автор показывает трансформацию дачных участков в комплексные центры активности, влекущие за собой трансляцию сезонным дачным населением городского образа жизни в сельскую местность, тем самым акцентируя гибкость границ между категориями «центра» и «периферии» [Русанов, 2019].

Выпуск завершается двумя актуальными и практико-ориентированными дискуссиями, которые существенно дополняют и развивают заявленные темы.

В своей статье Константин Глазков поднимает вопрос преемственности и продолжения линии первого обширного урбанистического исследования «Археология периферии», проведенного в 2013 году и посвященного осмыслению окраин Москвы. На основе материалов интервью с авторским коллективом «Археологии» ставится задача посредством рамки центр/периферия осмыслить перемены, происходящие в Москве в течение прошедших шести лет. Вместе с автором статьи мы приходим к выводу, что московская периферия до сих пор остается малоизученной, а попытки ее осмысления и очерчивания сталкиваются с проблемой «концептуальных противоречий между разными подходами к определению, что считать центром, периферией, периферизацией, центральностью, полицентричностью, агломерацией и так далее» [Глазков, 2019, с. 100].

Работая в схожем ключе, но практическом направлении, Яна Голубева, Любовь Крутенко, Гульназ Низамутдинова, Виктор Коротыч, Даниил Веретенников и Гавриил Малышев — члены международного бюро MLA+ — разрабатывают концепцию городского развития «Нестолничная реновация». Последняя является обоснованной альтернативой моделям городского развития, распространенным в российской практике, таким как модель экстенсивного развития и нашумевший проект московской реновации жилья. В качестве альтернативы исследование развивает концепцию интенсивного развития и роста, основанного на локальной самоорганизации при сохранении существующих городских структур. На примере Санкт-Петербурга авторский коллектив выделяет серию конкретных морфотипов, характерных для среды постсоветского города, через анализ которых раскрывается существующий потенциал уплотнения городской ткани, что, в свою очередь, дает возможность разработки новых инструментов работы с застроенными территориями.

II. Центр/периферия в межгородском пространстве

Второй выпуск тематического номера включает в себя пять статей, рассматривающих различные процессы периферизации, разворачивающиеся «за пределами» города, в том числе финансиализацию, глобализацию, комфортизацию или коммеморацию городской среды среди других. В представленных работах прослеживается, каким образом отношения центра/периферии (пере-)создавались или вписывались в упомянутые процессы в рамках российского градостроительства и градопланирования [Zupan, Gunko, 2019; Wolfe, 2019] либо на примере городских политик отдельно взятого города [Москалева, 2019; Ляшева, 2019; Скуперских, 2019].

В работе Даниэлы Зупан и Марии Гунько рассматривается траектория возникновения и развития концепции «комфортного города» — популярного термина в профессиональном сообществе, зародившегося в российском градостроительстве в начале 2000-х годов. Через теоретическую призму мобильности политик (*policy mobility*) и качественный анализ профессиональных журналов, документов и серии интервью удастся произвести оценку приоритетных программ и проектов по благоустройству, комфортизации и «бьютификации» городской среды [Zupan, Gunko, 2019]. Тем самым работа затрагивает острую проблему центр-периферийных отношений на примере доминирования столичного опыта в федеральной градостроительной повестке и распространения московских «лучших практик» по всей стране.

Даниэль Вольфе изучает влияние на городское развитие чемпионата мира по футболу, прошедшего в России в 2018 году. Трансформация городов ввиду чемпионата рассматривается через призму мегасобытия как мобильной политики, или передовой практики, импортированной в принимающие страны из-за рубежа с сопутствующими нормами и принципами. Таким образом, удается раскрыть специфику российского опыта и показать, что при проведении чемпионата был использован неолиберальный дискурс, хотя фактически управление процессом происходило под полным контролем федеральных властей [Wolfe, 2019, с. 28]. Соответственно, автор приходит к выводу, что «чемпионат мира не был выражением региональной демократии и даже не был стратегией межгородской дифференциации, а, скорее, был еще одним примером развития, внедренным и продиктованным из центра и издалека» [Wolfe, 2019, p. 37].

Статья Светланы Москалевой на примере управления архитектурным наследием в Санкт-Петербурге анализирует влияние как глобальных трендов, так и отечественного законодательства и практик местных сообществ, а также показывает, как передовые планировочные практики привносятся в постсоветский контекст. В частности, Москалева изучает конфликтующие дискурсивные практики и формы рациональности различных профессиональных сообществ и активистских групп, принявших участие в архитектурном конкурсе на реконструкцию Большой Морской улицы в 2016 году. Таким образом, в статье раскрывается столкновение двух парадигм — государственной логики центрального управления и рыночной коллаборативной логики городского планирования. Статья доказывает, что, перенимая международные тенденции гражданского соучастия, активистские группы стремятся контролировать управление наследием и активно мобилизуют рыночные и международные дискурсы, вокруг которых выстраиваются новые идентичности [Москалева, 2019, с. 43].

Алена Ляшева в своей работе затрагивает проблему глобальной периферизации украинской экономики на примере финансиализации жилищной политики. Процессы конструирования «периферийности» исследуются здесь посредством оптики неравномерного географического развития стран периферийного капитализма и ядра. Хотя эффекты этой периферизации, как отмечает Ляшева [Ляшева, 2019, с. 61], просачиваются и на уровне локальных сообществ. Используя анализ статистических данных и серии глубинных интервью, в статье рассматриваются альтернативные режимы и механизмы накопления капитала в сфере жилищного строительства, развернувшиеся в Киеве в результате кризиса кредитного рынка 2014 года. Тем самым статья поднимает важную для городских исследований тему сложной взаимосвязи между геополитическим раскладом, глобальными тенденциями и локальным городским развитием.

Второй выпуск тематического номера завершает статья Александра Скиперских, которая рассматривает логику формирования понятия «центр» на примере анализа культурного ландшафта Ельца как центра Липецкой области. Посредством дискурс-анализа рассматривается специфика бытования различных концепций центра. По мнению Скиперских, попытки говорить, а значит, определять и называть центр «центром», могут рассматриваться как политические и вызывают определенный набор политических решений [Скиперских, 2019, с. 72]. Поэтому в случае Ельца конструкция «центральнойности» апеллирует к различным в зависимости от политического контекста мифам, то как театральной провинции, центре жизни известных интеллектуалов, то как месте коммеморации военных побед и деятельности известных людей, связанных с развитием советской государственности. На эти мифы, в свою очередь, нанизываются определенные, иногда и противоречивые, решения о брендинге города, чтобы заполнить «патриотический вакуум в общественном сознании» города [Скиперских, 2019, с. 77].

Собранные в данном тематическом номере статьи привлекают широкий спектр концепций, методологий и терминологий для изучения динамики отношений центра и периферии и призывают критически обсудить, и оценить предлагаемые подходы с точки зрения осмысления и фиксации постсоциалистической городской реальности.

Источники

Арзаманов Г.Г., Бикмансурова А.Р., Михайлов А.А., Нефедова А.В. (2019) Ассамбляжи центра и периферии: перенос, внедрение, и отторжение городских практик//XX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Неопубликованная статья.

- Высоковский А.А. (1983) Градостроительные резервы для размещения застройки в центрах крупнейших городов. Дисс. на соискание учен. степ. канд. арх. наук, Москва.
- Высоковский А.А. (2005) Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане. Бишкек: Ега-Басма.
- Голубева Я.А., Крутенко Л.В., Низамутдинова Г.Р., Коротыч В.И., Веретенников Д.И., Малышев Г.Н. (MLA+) (2019) Нестолничная реновация//Городские исследования и практики. Т.4. № 2. С. 104–128.
- Глазков К.П. (2019) Археология периферии: шесть лет спустя//Городские исследования и практики. Т.4. № 2. С. 86–103.
- Глазычев В.Л. (2003) Глубинная Россия: 2000-2002. М.: Новое издательство.
- Гончаров Р.В., Никогосян К.С. (2017) Выявление центров активности в городе: сопоставление объективных и когнитивных данных//XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. С. 1–9.
- Гостев М.В. (2018) Об эвристической природе моделей эволюционного городского развития//Городские исследования и практики. Т. 3. № 1. С. 7–22.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. (1991) Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука.
- Гутнов А.Э. (1984) Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат.
- Замятин Д.Н. (2004) Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф.
- Зубаревич Н.В. (2003) Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Москва: УРСС.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2013) Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение?//Общественные науки и современность. № 6. С. 15–26.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2019) Развитие больших городов России в 2010-х годах//Региональные исследования. № 1. С. 39–51.
- Зубаревич Н.В. (2019) Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы?//Общественные науки и современность. № 4. С. 57–70.
- Желнина А.А. (2019) «Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»: районные дискурсы и реновация в Москве//Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 21–36.
- Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. (2001) Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов//Проблемы прогнозирования. №6. С. 100–110.
- Каганский В.Л. (2001) Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО.
- Каганский В.Л. (1998) Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта//Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Москва, Смоленск: СГУ. С. 72–101.
- Каганский В.Л. (2012) Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 23–34.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2010) Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центр-периферийной концепции пространственного развития (1989–2002 гг.)//Региональные исследования. № 3. С. 69–83.
- Котов Е.А., Гончаров Р.В., Новиков А.В., Никогосян К.С., Городничев А.В. (2016) Москва: Курс на полицентричность. Оценка эффектов градостроительных проектов на полицентрическое развитие Москвы. М.: Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ.
- Лейзерова А.В. (2016) Устойчивость «каркаса» и «ткани» исторических кварталов на примере г. Екатеринбург//Современное строительство и архитектура. № 4 (04). С. 10–17.
- Ляшева А. (2019) Жилищный в бум в посткризисном Киеве: рост без финансов//Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 60–70.
- Макарычев А.С. (2006) Концепты центра и периферии в политической регионалистике: возможности постструктуралистской деконструкции//Псковский регионологический журнал. № 2. С. 22–27.
- Михайлов А.А., Фатехова А.Х., Молодцова В.А. (2019) Восприятие и репрезентация московской периферии (пример района Ясенево)//Городские исследования и практики. Т.4. № 2. С. 59–72.
- Москалева С.М. (2019) Управление городским наследием в Санкт-Петербурге: между локальным и глобальным//Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 42–59.
- Нефедова Т.Г., Иоффе Г.В. (2001) Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов//Проблемы прогнозирования. № 6. С. 100–110.
- Потапенко А.А. (2018) Построение неравномерно-районированной модели (на примере г. Владивостока)//Информационные технологии и архитектура. № 4 (45). С. 402–415.
- Родоман Б.Б. (2002) Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена.

- Русанов А.В. (2019) «Дачные города» северного Подмосковья: роль сезонного населения в трансформации сельской местности//Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 73–85.
- Скиперских А.В. (2019) Город Елец в региональном культурном пространстве: провинция или центр?//Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 71–88.
- Ткаченко С. (2019) Один век московского градостроительства. Книга вторая. Москва после 1991 года. Москва: Прогресс-Традиция.
- Трейвиш А.И. (2009) Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа//Новый хронограф. С. 274–279.
- Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. (2002) Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов России на рубеже XXI века//Проблемы урбанизации на рубеже веков/А. Г. Махрова (ред.). Смоленск: Ойкумена. С. 71–86.
- Чернышева Л.А. (2019) Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов//Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 37–58.
- Amin A., Massey D., Thrift N. (2003) *Decentering the National: a Radical Approach to Regional Inequality*. London: Catalyst.
- Argenbright R. (2013) *Moscow on the Rise: from Primate City to Megaregion*//*The Geographical Review*. Vol. 103. No. 1. P. 20–36.
- Badyina A., Golubchikov O. (2005) *Gentrification in Central Moscow – a Market Process or a Deliberate Policy?*//*Geografiska Annaler*. Vol. 87. No. 2. P. 113–129.
- Brade I., Rudolph R. (2004) *Moscow, the Global City? The Position of the Russian Capital within the European System of Metropolitan Areas*//*Area*. Vol. 36. No. 1. P. 69–80.
- Büdenbender M., Zupan D. *The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992-2015*//*Antipode*. 2017. Vol. 49. No. 2. P. 294–313.
- Chan K.W., Gentile M., Kinossian N., Oakes T., Young C. (2018) Editorial – Theory Generation, Comparative Analysis and Bringing the “Global East” into Play//*Eurasian Geography and Economics*. Vol. 59. No. 1. P. 1–6.
- Cook I.R., Ward S.V., Ward K. (2014) *A Springtime Journey to the Soviet Union: Postwar Planning and Policy Mobilities through the Iron Curtain*//*International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 38. No. 3. P. 805–822.
- Dixon M. (2010) *Gazprom versus the Skyline: Spatial Displacement and Social Contention in St. Petersburg*//*International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 34. No. 1. P. 35–54.
- Ferenčuhová S. (2016) *Accounts from behind the Curtain: History and Geography in the Critical Analysis of Urban Theory*//*International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 40. No. 1. P. 113–131.
- Friedmann J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge: MIT Press.
- Friedmann J. (1973) *A Theory of Polarized Development*//*Urbanization, Planning, and National Development*/Friedmann J. Beverly Hills: Sage. P. 41–67.
- Gel'man V., Ryzhenkov S. (2011) *Local Regimes, Sub-national Governance and the 'Power Vertical' in Contemporary Russia*//*Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 3. P. 449–465.
- Golubchikov O. (2004) *Urban Planning in Russia: Towards the Market*//*European Planning Studies*. Vol. 12. No. 2. P. 229–248.
- Golubchikov O. (2010) *World-city-entrepreneurialism: Globalist Imaginaries, Neoliberal Geographies, and the Production of New St Petersburg*//*Environment and Planning A*. Vol. 42. No. 3. P. 626–643.
- Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. (2014) *The Hybrid Spatialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring*//*Urban Studies*. Vol. 51. No. 4. P. 617–633.
- Harvey D. (2006) *Space as a Keyword*//*David Harvey: a Critical Reader*/N. Castree, D. Gregory (eds.). Oxford: Blackwell. P. 270–94.
- Healey P. (2010) *Introduction: the Transnational Flow of Knowledge and Expertise in the Planning Field*//*Crossing Borders: International Exchange and Planning Practices*/P. Healey, R. Upton (eds.). London: Routledge. P. 1–25.
- Hirt S., Ferenčuhová S., Tuvikene T. (2016) *Conceptual Forum: the “post-socialist” city*//*Eurasian Geography and Economics*. Vol. 57. No. 4–5. P. 497–520.
- Jones M. (2009) *Phase Space: Geography, Relational Thinking, and Beyond*//*Progress in Human Geography*. Vol. 33. No. 4. P. 487–506.
- Kalyukin A., Borén T., Byerley A. (2015) *The Second Generation of Post-Socialist Change: Gorky Park and Public Space in Moscow*//*Urban Geography*. Vol. 36. No. 5. P. 674–695.
- Kangas A. (2013) *Governmentalities of Big Moscow: Particularising Neoliberal Statecraft*//*Geopolitics*. Vol. 18. No. 2. P. 299–314.
- Kinossian N. (2012) *“Urban Entrepreneurialism” in the Post-Socialist City: Government-Led Urban Development Projects in Kazan, Russia*//*International Planning Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 333–352.

- Kinossian N. (2017) State-Led Metropolisation in Russia//Urban Research & Practice. Vol. 10. No. 4. P. 466–476.
- Makarychev A., Yatsyk A. (2015) Brands, Cities, and (Post-)Politics: a Comparative Analysis of Urban Strategies for The Universiade 2013 and the World Football Cup 2018 in Russia//European Urban and Regional Studies. Vol. 22. No. 2. P. 143–160.
- Massey D. (2005) For Space. London: Sage.
- Müller M. (2018) In Search of The Global East: Thinking Between North and South//Geopolitics. Vol. 25. No. 3. P. 734-755.
- Myrdal G. (1957) Economic Theory and Underdeveloped Regions. London: Duckworth.
- Nagy E., Timár J. (2017) The (Re-)Production of Peripherality in Central and Eastern Europe//European Spatial Research and Policy. Vol. 24. No. 2. P. 5–16.
- Robinson J. Ordinary Cities: Between Modernity and Development. Psychology Press. 2006.
- Robinson J. (2016) Thinking Cities Through Elsewhere: Comparative Tactics for a More Global Urban Studies//Progress in Human Geography. Vol. 40. No. 1. P. 3–29.
- Robinson J., Roy A. (2016) Debate on Global Urbanisms and the Nature of Urban Theory//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 40. No. 1. P. 181–186.
- Stanek L., Avermaete T. (eds.) (2012) Cold War Transfer: Architecture and Planning from Socialist Countries in the 'Third World'//Journal of Architecture. Vol. 17. No. 3. P. 299–477.
- Trubina E. (2015a) Configuring Center-Periphery Relations: Relational Legacy in the Over-Centralized State//Journal of Architecture and Urbanism. Vol. 39. No. 1. P. 28–36.
- Trubina E. (2015b) Manipulating Neoliberal Rhetoric: Clientelism in the Run-up to International Summits in Russia//European Urban and Regional Studies. Vol. 22. No. 2. P. 128–142.
- Trubina E. (2019) The Sochi 2014 Olympics: Nationalism, Globalized Place-making and Multiscalar Legitimacy//Urban Geography. Vol. 40. No. 4. P. 387–408.
- Wolfe S.D. (2019) Urban Development Through the 2018 Men's Football World Cup: Mutated Mobile Policies in the Peripheries//Urban Studies and Practices. Vol. 4. No. 3. P. 23–41.
- Zupan D., Gunko M. (2019) The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities//Urban Studies and Practices. Vol. 4. No. 3. P. 7–22.

VERA SMIRNOVA, DANIELA ZUPAN

INTRODUCTION: THE CITY BETWEEN CENTER AND PERIPHERY

Vera K. Smirnova, PhD, Postdoctoral Research Fellow, HSE University; 20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russia Federation, tel.: +7 925 470 48 60

E-mail: verasmirnova@ksu.edu

Daniela Zupan, PhD, Assistant Professor for “European Cities and Urban Heritage”, Bauhaus-Universität, Weimar; Postdoctoral Research Fellow, HSE University; 5 Belvederer Allee, Weimar, 99423, Germany; 20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russia Federation, tel.: +49 3643 58 26 51

E-mail: daniela.zupan@uni-weimar.de

Abstract

This editorial and the double issue it introduces serve as the potential ground for a dialogue on center-periphery relations in urban development and the theoretical debates it inspires. It not only reflects on the ongoing struggles between the so-called “centers” and “peripheries” in the post-socialist context, but also sheds light on the changing conceptual and methodological apparatus we use to study these relations. We argue against the stationary understanding of center and periphery, and towards the dynamic and interdependent nature of these relations. We think that the relational turn in geography can prompt the field of urban studies to think of center and periphery less as spatially rigid, and more as fluid categories, which only through their constant social production and reproduction, and the power relations inherent therein acquire a spatial character. This calls for a shift in the focus to the everyday practices and social struggles that (co-)constitute socio-spatial inequalities. From such a perspective, matters such as knowledge orders and discourses, nostalgia and memory, myth and stigma, emotions and representations take on an active role – not only in framing the relations between centers and peripheries, but in the continuous and contested production of centers and peripheries per se. The eleven contributions to this issue engage with multiple perspectives and theoretical approaches, and a variety of urban experiences, contributing to the unpacking of the complexity of center-periphery relations. These are explored through the processes of peripheralization via financialization, globalization, marginalization, ghettoization, comfortization, commemoration, and other guiding forces. Hence the issue provides new epistemological perspectives from the post-socialist urban condition for the relational analysis of center-periphery formations and encourages a rethinking of the conventional approaches to the study of space.

Key words: center and periphery; urban development; socio-spatial inequality; power relations; post-socialist space

Citation: Smirnova V.K., Zupan D. (2019) Introduction: The City Between Center and Periphery. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 7–20 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4220197-20>

References

- Amin A., Massey D., Thrift N. Decentering the national: a radical approach to regional inequality. London: Catalyst, 2003.
- Argenbright R. (2013) Moscow on the rise: from primate city to megaregion. *The Geographical Review*, vol. 103, no 1, pp. 20–36.
- Arzamanov G.G., Bikmansurova A.R., Mikhaylov A.A., Nefedova A.V. Assamblyazhi tsentra i periferii: Perenos, vnedreniye, i ottorzheniye gorodskikh praktik [Center and periphery assemblies: Transfer, implementation, and rejection of urban practices]. *XX Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [XX April International Academic Conference on Economic and Social Development] (unpublished paper).
- Badyina A., Golubchikov O. (2005) Gentrification in central Moscow – a market process or a deliberate policy? *Geografiska Annaler*, vol. 87, no 2, pp. 113–129.
- Brade I., Rudolph R. (2004) Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas. *Area*, vol. 36, no 1, pp. 69–80.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The evolution of neoliberal urbanism in Moscow, 1992-2015. *Antipode*, vol. 49, no 2, pp. 294–313.
- Chan K.W., Gentile M., Kinossian N., Oakes T., Young C. (2018) Editorial – theory generation, comparative

- analysis and bringing the “Global East” into play. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 59, no 1, pp. 1–6.
- Chernysheva L. (2019) Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 37–58. (in Russian)
- Cook I.R., Ward S.V., Ward K. (2014) A springtime journey to the Soviet Union: postwar planning and policy mobilities through the Iron Curtain. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 3, pp. 805–822.
- Dixon M. (2010) Gazprom versus the skyline: Spatial displacement and social contention in St. Petersburg. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 34, no 1, pp. 35–54.
- Ferenčuhová S. (2016) Accounts from behind the curtain: History and geography in the critical analysis of urban theory. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 40, no 1, pp. 113–131.
- Friedmann J. (1966) Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge: MIT Press.
- Friedmann J. (1973) A theory of polarized development. *Urbanization, Planning, and National Development*/Friedmann J. (ed.). Beverly Hills: Sage, pp. 41–67.
- Gel'man V., Ryzhenkov S. (2011) Local regimes, sub-national governance and the ‘Power Vertical’ in contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no 3, pp. 449–465.
- Glazkov K.P. (2019) Archeology of the Periphery: Six Years Later. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 86–103. (in Russian)
- Glazychev V.L. (2003) Glubinnaya Rossiya: 2000–2002 [Deep Russia: 2000–2002]. Moskva: Novoye izdatel'stvo. (in Russian)
- Golubchikov O. (2004) Urban planning in Russia: Towards the market. *European Planning Studies*, 2004, vol. 12, no 2, pp. 229–248.
- Golubchikov O. (2010) World-city-entrepreneurialism: globalist imaginaries, neoliberal geographies, and the production of new St Petersburg. *Environment and Planning A*, vol. 42, no 3, pp. 626–643.
- Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. (2014) The hybrid spatialities of transition: capitalism, legacy and uneven urban economic restructuring. *Urban Studies*, vol. 51, no 4, pp. 617–633.
- Golubeva Y., Veretennikov D., Korotich V., Krutenko L., Malyshev G., Nizamutdinova G. (2019) Renovation outside Moscow. Searching for Alternative Ways of Development in Post-Soviet Cities. *Urban Studies and Practices*, no 2, pp. 104–128. (in Russian)
- Goncharov R.V., Nikogosyan K.S. (2017) Vyyavleniye tsentrov aktivnosti v gorode: sopostavleniye ob'yektivnykh i kognitivnykh dannyykh [Identification of activity centers in the city: a comparison of objective and cognitive data]. *XVII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obschestva* [XVII April International Academic Conference on Economic and Social Development], pp. 1–9. (in Russian)
- Gostev M.V. (2018) On the Heuristic Nature of Evolutionary Urban Development Models. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 1, pp. 7–22. (in Russian)
- Gritsay O.V., Ioffe G.V., Treyvish A.I. (1991) Tsentri i periferiya v regional'nom razvitii [Center and periphery in regional development]. Moskva: Nauka. (in Russian)
- Gutnov A.E. (1984) Evolyutsiya gradostroitel'stva [The Evolution of Urban Planning]. M.: Stroyizdat. (in Russian)
- Harvey D. (2006) Space as a keyword. *David Harvey: a critical reader*/N. Castree, D. Gregory (eds.). Oxford: Blackwell, pp. 270–94.
- Healey P. (2010) Introduction: the transnational flow of knowledge and expertise in the planning field. *Crossing borders: international exchange and planning practices*/P. Healey, R. Upton (eds.). London: Routledge, pp. 1–25.
- Hirt S., Ferenčuhová S., Tuvikene T. (2016) Conceptual forum: the “post-socialist” city. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 57, no 4–5, pp. 497–520.
- Ioffe G.V., Nefedova T.G. (2001) Tsentri i periferiya v sel'skom khozyaystve rossiyskikh regionov [Center and periphery in agriculture of the Russian regions]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of Forecasting], no 6, pp. 100–110. (in Russian)
- Jones M. (2009) Phase space: geography, relational thinking, and beyond. *Progress in Human Geography*, vol. 33, no 4, pp. 487–506.
- Kaganskiy V.L. (2001) Kul'turnyy landshaft i sovetskoye obitayemoye prostranstvo [Cultural landscape and Soviet habitable space]. Moskva: NLO. (in Russian)
- Kaganskiy V.L. (1998) Tsentri-provintsiya-periferiya-granitsa. Osnovnyye zony kul'turnogo landshafta [Center-province-periphery-border. The main areas of the cultural landscape]. *Kul'turnyy landshaft: voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Cultural landscape: questions of theory and research methodology]. Moskva Smolensk: SGU, pp. 72–101. (in Russian)
- Kaganskiy V.L. (2012) Vnutrennyaya periferiya–novaya rastushchaya zona kul'turnogo landshafta Rossii [The inner periphery is a new growing zone of the cultural landscape of Russia]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], no 6, pp. 23–34. (in Russian)
- Kalyukin A., Borén T., Byerley A. (2015) The second generation of post-socialist change: Gorky Park and public space in Moscow. *Urban Geography*, vol. 36, no 5, pp. 674–695.
- Kangas A. (2013) Governmentalities of big Moscow: Particularising neoliberal statecraft. *Geopolitics*, vol. 18, no 2, pp. 299–314.
- Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. (2010) Dinamika chislennosti naseleniya munitsipal'nykh obrazovaniy RF kak otrazheniye tsentro-periferiynoy kontseptsii prostranstvennogo razvitiya (1989–2002 gg.) [The dynamics of the population of municipalities of the Russian Federation as a reflection of the center-peripheral concept of spatial development

- (1989-2002)]. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional studies], no 3, pp. 69–83. (in Russian)
- Kinossian N. (2012) “Urban entrepreneurialism” in the post-socialist city: Government-led urban development projects in Kazan, Russia. *International Planning Studies*, vol. 17, no 4, pp. 333–352.
- Kinossian N. (2017) State-led metropolisation in Russia. *Urban Research & Practice*, vol. 10, no 4, pp. 466–476.
- Kotov E.A., Goncharov R.V., Novikov A.V., Nikogosyan K.S., Gorodnichev A.V. (2016) Moskva: Kurs na politsestrichnost'. Otsenka effektiv gradostroitel'nykh proyektov na politsestricheskoye razvitiye Moskvyy [Moscow: The course on polycentricity. Assessment of the effects of urban development projects on the polycentric development of Moscow]. Moskva: Vysshaya shkola urbanistiki NIU VSHE. (in Russian)
- Leyzerova A.V. (2016) Ustoychivost' «karkasa» i «tkani» istoricheskikh kvartalov na primere g. Ekaterinburga [The stability of the “frame” and the “fabric” of historical quarters on the example of the city of Yekaterinburg]. *Sovremennoye stroitel'stvo i arkhitektura* [Modern construction and architecture], vol. 4, no 4, pp. 10–17. (in Russian)
- Lyasheva A. (2019) Housing Boom in Post-Crisis Kyiv: Growth without Finance. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 60-70. (in Russian)
- Makarychev A.S. (2006) Kontsepty tsentra i periferii v politicheskoy regionalistike: vozmozhnosti post-strukturalistskoy dekonstruktsii [The concepts of the center and the periphery in political regional studies: the possibilities of post-structuralist deconstruction]. *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regional Journal], no 2, pp. 22–27. (in Russian)
- Makarychev A., Yatsyk A. (2015) Brands, cities, and (post-)politics: A comparative analysis of urban strategies for the Universiade 2013 and the World Football Cup 2018 in Russia. *European Urban and Regional Studies*, vol. 22, no 2, pp. 143–160.
- Massey D. (2005) *For space*. London: Sage.
- Mikhaylov A., Fatehova A., Molodtsova V. (2019) Perception and Representation of Moscow Periphery: Case Study of Yasenevo. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 59-72. (in Russian)
- Moskaleva S. (2019) Urban Heritage and Governmentality in St. Petersburg: Between Local and Global. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 42-59. (in Russian)
- Müller M. (2018) In Search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*, pp. 1–22.
- Myrdal G. (1957) *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth.
- Nagy E., Timár J. (2017) The (re-)production of peripherality in Central and Eastern Europe. *European Spatial Research and Policy*, vol. 24, no 2, pp. 5–16.
- Nefedova T.G., Ioffe G.V. (2001) Tsentri i periferiya v sel'skom khozyaystve rossiyskikh regionov [Center and Periphery in the agriculture of the Russian regions]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of Forecasting], no 6, pp. 100–110. (in Russian)
- Potapenko A.A. (2018) Postroyeniye neravnomerno-rayonirovannoy modeli (na primere g. Vladivostoka) [The construction of an uneven-zoned model (case of Vladivostok)]. *Informatsionnyye tekhnologii i arkhitektura* [Information Technologies and Architecture], vol. 45, no 4, pp. 402–415. (in Russian)
- Robinson J. (2006) *Ordinary cities: between modernity and development*. Psychology Press.
- Robinson J. (2016) Thinking cities through elsewhere: Comparative tactics for a more global urban studies. *Progress in human geography*, vol. 40, no 1, pp. 3–29.
- Robinson J., Roy A. (2016) Debate on global urbanisms and the nature of urban theory. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 40, no 1, pp. 181–186.
- Rodoman B.B. (2002) *Polyarizovannaya biosfera* [Polarized biosphere]. Smolensk: Oykumena. (in Russian)
- Rusanov A. (2019) «Summer towns» in the North of the Moscow Region: Seasonal Population as a Factor of Transformation of Rural Areas. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 0, pp. 00-00. (in Russian)
- Skiperskikh A.V. (2019) Yelets in a regional cultural space: province or center? *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 73-85. (in Russian)
- Stanek L., Avermaete T. (eds.) (2012) *Cold war transfer: architecture and planning from socialist countries in the 'third world'*. *Journal of Architecture*, vol. 17, no 3, pp. 299–477.
- Tkachenko S. (2019) *Odin vek moskovskogo gradostroitel'stva. Kniga vtoraya. Moskva posle 1991 goda* [One Century of Moscow Urban Planning. The second book. Moscow after 1991]. Moskva: Progress-Traditsiya. (in Russian)
- Treyvish A. I. (2009) *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitiye Rossii glazami stranoveda* [City, district, country and world. The development of Russia through the eyes of a country desk officer]. *Novyy khronograf* [New chronograph], pp. 274–279. (in Russian)
- Treyvish A. I., Nefedova T. G. (2002) *Teoriya «differentsial'noy urbanizatsii» i iyerarkhiya gorodov Rossii na rubezhe XXI veka* [The theory of “differential urbanization” and the hierarchy of Russian cities at the turn of the 21st century]. *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [The problems of urbanization at the turn of the century]/A. G. Makhrova (ed.). Smolensk: Oykumena, pp. 71–86. (in Russian)
- Trubina E. (2015a) Configuring center-periphery relations: relational legacy in the over-centralized state. *Journal of Architecture and Urbanism*, vol. 39, no 1, pp. 28–36.
- Trubina E. (2015b) Manipulating neoliberal rhetoric: Clientelism in the run-up to international summits in Russia. *European Urban and Regional Studies*, vol. 22, no 2, pp. 128–142.
- Trubina E. (2019) The Sochi 2014 olympics: nationalism, globalized place-making and multiscalar legitimacy. *Urban Geography*, vol. 40, no 4, pp. 387–408.
- Vysokovskiy A.A. (1983) *Gradostroitel'nyye rezervy dlya razmeshcheniya zastroyki v tsestrakh krupneyshikh gorodov* [City planning reserves for housing devel-

- opment in the centers of the largest cities]. *Dissertatsiya na soiskaniye uchen. step. k. arkh* [Thesis for the degree of Doctor of Architecture]. Moskva. (in Russian)
- Vysokovskiy A.A. (2005) *Pravila zemlepol'zovaniya i zastroyki: rukovodstvo po razrabotke. Opyt vvedeniya pravovogo zonirovaniya v Kyrgyzstane* [Land use and development rules: development guide. An experience of legal zoning integration in Kyrgyzstan]. Bishkek: Ega-Basma. (in Russian)
- Wolfe S.D. (2019) Urban Development Through the 2018 Men's Football World Cup: Mutated Mobile Policies in the Peripheries. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 23-41.
- Zamyatin D. N. (2004) *Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva* [Metageography: The Space of Imageries and the Imageries of Space]. Moskva: Agraf, 2004. (in Russian)
- Zhel'nina A. (2019) Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 21-36. (in Russian).
- Zubarevich N.V. (2003) *Sotsial'noye razvitiye regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda* [Social Development of Russian Regions: Issues and Trends of Transitional Period]. Moskva: URSS, 2003. (in Russian)
- Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2013) *Neravenstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i gorodov Rossii 2000-kh godov: rost ili snizheniye?* [Inequality of socio-economic development of regions and cities of Russia in the 2000s: growth or decrease?]. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 6, pp. 15–26. (in Russian)
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2019) *Razvitiye bol'shikh gorodov Rossii v 2010-kh godakh* [Russia Largest Cities Development in 2010s]. *Regional'nyye issledovaniye* [Regional Studies], no 1, pp. 39–51. (in Russian)
- Zubarevich N.V. (2019) *Neravenstvo regionov i krupnykh gorodov Rossii: chto izmenilos' v 2010-e gody?* [Inequality of regions and large cities of Russia: what was changed in the 2010s?]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 4, pp. 57–70. (in Russian)
- Zupan D., Gunko M. (2019) The "Comfortable City" Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 7-22.

А.А. ЖЕЛНИНА

«ГЕТТО В ХОРОШЕМ СМЫСЛЕ» ПРОТИВ «БЕТОННОГО ГЕТТО»: РАЙОННЫЕ ДИСКУРСЫ И РЕНОВАЦИЯ В МОСКВЕ¹

Желнина Анна Александровна, кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге; Российская Федерация, 192148, г. Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

E-mail: azhelnina@gmail.com

Программа реновации жилья в Москве была официально объявлена в начале 2017 года и еще до формирования списков домов под снос вызвала сильный эмоциональный отклик у москвичей. В данной статье я демонстрирую, как городские эмоции были задействованы в ходе мобилизации за и против программы. Интересным элементом этой эмоциональной работы стало эмоциональное конструирование периферийности: отталкиваясь от различных представлений о том, что такое периферия, горожане формулировали представления об идеальном и нежелательном городе. Восприятие прошлого и будущего, а также эстетика, связанная с ними, как я покажу ниже на примере нарративов о реновации, не только формируют восприятие места, но могут превратиться в инструмент политического действия. Противники и сторонники реновации пытались отстаивать свое право не быть на периферии: сторонники старались избежать замедленного и заброшенного существования районов пятиэтажек, максимизировать современность и интенсивность своей жилой среды. Противники реновации, наоборот, противились наступлению периферии — высотного, насыщенного социальными проблемами жилья.

Ключевые слова: программа реновации жилья; Москва; периферия; эмоции; темпоральность

Цитирование: Желнина А.А. (2019) «Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»: районные дискурсы и реновация в Москве // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 21 – 36.
DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201921-36>

Введение

Московские районы, затронутые реновацией, трудно классифицировать с точки зрения спектра «центр/периферия». Возникшие в середине XX века на периферии тогдашней Москвы, в начале XXI века эти районы оказались в «серой» зоне между историческим центром города и новыми окраинами. И хотя районы социалистической застройки середины прошлого века не были «забыты», они не были и центром внимания московского показательного благоустройства. Агрессивно продвигаемые интересы московского центра, нашедшие свое воплощение в реновации, нарушили спокойное существование этих районов, которым теперь суждено видоизмениться и стать более похожими на то, какой часто представляется новая городская периферия, — зонами с высотным жильем, скудной зеленью и выросшим населением.

В этой статье я предлагаю рассмотреть «периферийность» не столько как пространственную характеристику, сколько как состояние, которому свойственны ряд социальных характеристик

¹ Публикация подготовлена в результате проведения исследования 19-04-010 «Неравенство в новых жилых районах Москвы» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

и специфическая темпоральность. Периферийность территории может заключаться в ограниченности поступающих туда ресурсов: финансовых, административных, а также ресурса внимания (медийного, политического, обывательского). В социологических исследованиях города именно это измерение периферии — социальная и политическая исключенность — наиболее изучено.

Другое связанное с социальным исключением измерение, которое я обозначаю как «периферия-крайность», выражается в удаленности, плотности, а также эмоциональной нагруженности места. Периферия-крайность может восприниматься как отклоняющаяся от «нормального» города по обеспеченности инфраструктурой, уровню преступности, особенностям образа жизни. Периферия-крайность привлекает к себе внимание СМИ, может вызывать моральные паники и превратиться в стигму.

Наименее изучено темпоральное измерение периферии. Ритм жизни места (замедленность/ускоренность) задает разнородные правила для разных городских территорий, определяет их восприятие местными жителями и сторонними наблюдателями. Самый очевидный пример — скорость предоставления услуг, в частности, государственных, которая в периферийных районах ниже. Этот показатель напрямую связан с упомянутым выше механизмом социального и политического исключения. Специфическая темпоральность может проявляться и в восприятии места как укорененного в прошлом или нацеленного в будущее.

Исключенность или положение в центре внимания, замедленность или интенсивность, ориентация на прошлое или будущее — потенциальные оси для анализа периферийности. Их можно рассматривать как объективные характеристики места (анализируя потоки ресурсов, сроки предоставления услуг и другие измеряемые показатели), однако сейчас фокусом моего внимания будет то, как подобные критерии структурируют восприятие мест горожанами и участвуют в процессах социального конструирования и производства периферии.

Эти процессы неожиданным образом проявились как реакция на объявление программы реновации жилья в Москве в 2017 году. В интервью с жителями районов, попавших в реновацию, встречаются нарративы о них как «сонных», самодостаточных, «гетто в хорошем смысле слова»; программа реновации при этом выступает как способ изменения статуса района. Сторонники реновации иногда видят в ней не только возможность улучшить свои жилищные условия, но и модернизировать всю среду обитания, привести ее в соответствие с более «центральными», современными представлениями. Противники реновации, наоборот, часто сопротивляются превращению своего любимого, обжитого района в очередную типичную периферию, «бетонное гетто». В данной статье я анализирую представления о центральности и периферийности в контексте мобилизации москвичей за и против включения их домов в программу реновации.

Методы

Статья основана на материалах социологического исследования, начатого весной 2017 года и продолжающегося по настоящее время. На данный момент собран массив интервью с жителями четырех московских районов, затронутых реновацией. Среди них есть как сторонники, так и противники программы, люди с разной степенью вовлеченности и активности. Подавляющее большинство — жители домов, которые находились под угрозой включения в программу. В дополнение к интервью собрана база документов, публикаций в СМИ, а также проведен анализ тематических групп в социальных сетях.

Четыре района, в которых проводилось исследование, были отобраны на основе результатов голосования о включении в реновацию. На основании доли вышедших из программы зданий был сформирован рейтинг районов Москвы. Для исследования был отобран один район из числа лидеров по выходу из программы, один район с невысоким уровнем голосования против и два района со средними показателями. В каждом из четырех районов были проведены интервью со сторонниками и противниками реновации, жителями вошедших и вышедших из реновации домов, а также соседних зданий. Такой дизайн исследования обусловлен фокусом на социальных процессах на уровне районов и зданий: формирование и укрепление гражданских инфраструктур, активистских сетей и районных идентичностей.

Кроме того, с весны 2017 года проводилась цифровая этнография социальных сетей, в частности, тематических групп, посвященных реновации. Здесь также соблюдался принцип кон-

центрации на четырех районах, выбранных для проведения интервью. Однако общегородские тематические платформы и группы за и против реновации тоже были включены в анализ. Городские и районные медиа, посвященные реновации, стали основной платформой для рекрутинга информантов. Использовалась, хотя и ограниченно, методика «снежного кома»: дизайн исследования требовал выборки разных зданий в районе и людей с разной позицией. В целях сохранения анонимности информантов в данной статье используются псевдонимы. Районы также анонимизированы, и названия районных форумов в данной работе не разглашаются. Поэтому в статье приводятся цитаты из анонимизированных интервью и данные из общегородских тематических групп.

Что такое периферия?

Самое распространенное и лаконичное определение периферии — географическое: периферией исследователи называют территории на окраине городского образования, противопоставляя их городскому ядру или центру [Beauregard, 1995; Ranganathan, 2014; Желнина и др., 2013]. Такие территории на стыке городской и сельской местности, на географическом краю города, как отмечает Абдумалик Симон [Simone, 2010], приобретают особые содержательные характеристики, постоянно меняются и развиваются, преобразовывая не только городские границы, но и городскую жизнь.

Хотя географическая периферийность таких районов важна, не она является их основной характеристикой. Определение периферийности исключительно на основании отношения к центру приводит к тому, что это понятие применяется для описания содержательно весьма разнообразных мест. Например, в случае Москвы исследователи часто обозначают как периферийное все пространство города между Третьим транспортным кольцом [ТТК] и Московской кольцевой автодорогой (МКАД) [Григорян, 2013; Шляховая, Дохов, 2018]. В результате «[м]осковская периферия в таких границах занимает 90,4% площади города, там проживает около 90% населения Москвы» [Шляховая, Дохов, 2018, с. 42]. Такое определение оправданно в контексте исследований центра, который противопоставлен всему остальному, но едва ли может быть полезно для понимания процессов, происходящих на огромной и разнообразной территории, обозначенной как периферия.

Периферийность как содержательная характеристика основана в первую очередь не на географической окраинности места, а на его положении в социальном пространстве. В этом контексте городские периферии — это районы социального исключения: самострой, трущобы, районы с отсутствующей или плохо развитой транспортной и санитарной инфраструктурой [do Rio Caldeira, 2000; Holston, 2008; Oviedo Hernandez, Titheridge, 2016]. И хотя периферийное положение в географическом и социальном пространстве нередко совпадают, это необязательное условие.

Наиболее ярко это показал в своих работах Лоик Вакан: сравнивая французские и американские районы-«гетто», он подчеркивает не столько их географическую, сколько социальную маргинальность [Wacquant, 1993, 1999, 2008]. В силу специфической логики развития городов в США центр города (или «внутренний город», inner-city) во второй половине XX века стал местом концентрации бедности и маргинальности. Пространственная логика окраины в таких случаях уже неприменима, однако ограниченность ресурсов и внимания, повышенные страхи и моральные паники (по поводу преступности, стилей жизни местной молодежи) приравнивают эти географически центральные районы к периферии-крайности.

Социальное исключение и политическое игнорирование — основные процессы, которые производят социальную периферию. Совпадение пространственной и социальной периферийности неудивительно: социальное пространство стремится реализоваться и объективироваться в пространстве физическом [Бурдьё, 2007]. Кроме того, исследователи нередко подчеркивают политический аспект производства места [Golubchikov, Phelps, 2011]. Обычно в таких случаях имеется в виду способность облеченных властью игроков — представителей городских органов управления и бизнеса — задавать направление развитию территорий.

Однако обычные граждане также участвуют в этих процессах формирования места, в том числе политически. Например, Ранганатан [Ranganathan, 2014] анализирует, как жители окраин индийского Бангалора вовлекаются в коллективные действия, чтобы добиться не только благоустройства своего района, но и его символического и политического признания. Майлс

и Эбри [Miles, Ebrey, 2017], анализируя повседневную жизнь окраинных районов шотландского Абердина, приходят к выводу, что они являются самодостаточными и полноценными благодаря укорененной и органичной культуре гражданского участия их жителей.

Темпоральность периферии — многообещающее направление, относительно недавно появившееся в городских исследованиях [Ghertner, 2017; Rast, 2012; Sakizlioglu, 2014; Wallace, 2015]. В контексте исследований реновации в Москве и социально-политических процессов, которые эта программа спровоцировала, особенно интересны работы, посвященные темпоральности районов под угрозой — джентрифицируемых [Wallace, 2015] или предназначенных под снос [Sakizlioglu, 2014]. Восприятие прошлого и будущего, а также эстетика, связанная с ними, как я покажу ниже на примере нарративов о реновации, формируют восприятие места, а также могут превратиться в инструмент политического действия. Эстетическое суждение, как показывает Эшер Гертнер, не безобидно: оно может стать инструментом принятия решений о судьбе городских районов (например, о сносе трущоб в Дели за их неэстетичность), подменяя другие, более обоснованные, инструменты городского планирования [Ghertner, 2015].

Таким образом, периферия в социологическом смысле — это результат не физической окраинности, а политического и социального производства места и исключения. Критические городские исследования обычно фокусируются на том, как облеченные властью и владеющие экономическими и административными ресурсами агенты участвуют в производстве районов социального и политического исключения. Однако обычные горожане, их повседневность и политические действия также играют ключевую роль в производстве городской периферии. Производство периферийности — многогранный процесс, включающий в себя, наравне с политико-экономическим компонентом, ряд социальных процессов, в том числе аффективное, эмоциональное производство места.

Теоретическая оптика данной статьи — роль эмоций в процессах производства периферии и связанного с ней социального и политического исключения. Именно эмоциональные дискурсы о городских территориях позволяют проследить, как конструируются и политизируются образы города и конкретных городских территорий, как проговаривается представление об идеальном и нежелательном городе.

Городские эмоции и политика

Жилье неизбежно вызывает эмоции: дом — это центр онтологической безопасности человека. Кроме того, дом — элемент идентичности человека, основа его связи с сообществом, чувства принадлежности к нему [Duyvendak, 2011]. Городская жизнь всегда эмоционально нагружена: горожане осмысливают и классифицируют места и людей при помощи эмоций, выкраивают свои «эмоциональные географии» в анонимном и обезличенном пространстве города, обозначают места как знакомые, важные, страшные или враждебные. Городские эмоции помогают раскрыть отношение к месту и людям — это чувства по поводу городских мест и людей в их отношении к этим местам. Места и пространство города выступают медиаторами в социальных процессах — например, в формировании социальных границ или солидарностей [Bondi et al., 2016; Sigona, 2015; Turam, 2013], а эмоции являются одним из механизмов этой медиации.

Эмоциональная жизнь городов всегда была предметом интереса городских исследований: Зиммель, Вебер, классики Чикагской школы обращали внимание на специфический эмоциональный эффект, который производят городская среда и ритм городской жизни на людей. В последние десятилетия в социальных науках наблюдается новый аффективный поворот: антропологи, географы и социологи все больше внимания уделяют роли эмоций в городских социальных и политических процессах.

Особый интерес вызывает проблема влияния эмоций на политическую жизнь. Например, как отмечает Найджел Трифт [Thrift, 2004, p. 58], городской аффект может быть задействован политическими игроками для достижения своих целей: дизайн городских территорий может быть сознательно направлен на стимулирование одних эмоций и подавление других. Отмечу, что не только облеченные властью игроки могут стратегически прибегать к эмоциональной работе по производству места — обычные горожане также способны это делать.

Существующие работы о городских эмоциях чаще всего фокусируются на страхе: его роли в формировании образов городских территорий, принципов городского планирования и го-

родского управления в целом [Bannister, Fyfe, 2001; Kramer, 2010; Low, 2008; Pain, 2001; Silverman, Della-Giustina, 2001]. В работах о городском страхе также развивается идея о стратегическом использовании страха для достижения политических целей — перераспределения городских ресурсов, установления ограничений и особого контроля за представителями отдельных социальных групп [Pain, 2001]. Нередко риторика страха используется для обоснования редевелопмента городских территорий — с помощью масштабных проектов реконструкции (и реновации), эти «страшные» территории должны быть «вызволены» из лап беспорядка и страха [England, Simon, 2010, p. 204]. Ниже я продемонстрирую, что похожие риторики нагнетания страха и городского реваншизма были использованы в ходе подготовки программы реновации.

Однако эмоциональные механизмы, являющиеся частью конструирования мест и городской политики, не ограничиваются страхом. На примере реновации ниже я постараюсь показать, как противники и сторонники реновации апеллировали к чувствам москвичей, создавая разные аффективные дискурсы о районах пятиэтажной застройки. Сторонники реновации мобилизовывали чувство отвращения по отношению к пятиэтажкам, чтобы оправдать необходимость их сноса и «приведения в порядок» застроенных ими территорий. Ностальгия и любовь к малой родине — противоположные эмоции, к которым апеллировали противники реновации.

Ниже я привожу примеры эмоционального конструирования существующих и воображаемых городских районов как территорий социального исключения и концентрации социальных проблем. В контексте реновации горожане, как и чиновники, используют эти образы политически, как аргумент в споре о желательном и нежелательном развитии города. Важно понимать, что конкретные термины, используемые в этих спорах («гетто» и «периферия»), не так важны, как те координаты, которые используются в таких аргументах: оси «прошлое — будущее», «порядок — беспорядок», «окраина — центр». Характерно, что термин «гетто» может изменить свою эмоциональную окраску (например, превратиться в «гетто в хорошем смысле», как я покажу ниже), однако система координат останется неизменной. Эмоции — центральный механизм, позволяющий горожанам расположить городские территории в этой системе координат.

Городские эмоции и производство места в дискурсах о реновации

Программа реновации жилья в Москве была официально объявлена в начале 2017 года, и еще до формирования списков домов под снос вызвала сильный эмоциональный отклик у москвичей. Критерии включения жилых зданий в программу были сформулированы достаточно размыто: основной принцип включения — отнесение зданий к «первому периоду индустриального домостроения», то есть времени «индустриального строительства в Москве многоквартирных домов с количеством этажей не более девяти по типовым проектам, разработанным в период с 1957 по 1968 год, с использованием типовых изделий стен и (или) перекрытий» [Постановление Правительства..., 2017]. Под это описание подходит, по разным подсчетам, около четверти всего жилого фонда столицы. Более того, опубликованные в мае 2017 года списки включали здания, которые не проходили даже по этим размытым критериям: дома, построенные до и после указанного периода, по индивидуальным проектам, другой этажности. Технические характеристики зданий явно не были главным резонансом запуска программы. Обитатели этих домов принимали решение о том, как проголосовать и как вести себя на общих собраниях собственников не на их основании. Образы города, своего района, эмоциональная оценка настоящего и будущего играли важную роль в процессе принятия этих решений.

Воображаемые районы-«гетто» — часто встречающийся дискурсивный якорь в разговорах о городе. В данной статье речь пойдет именно о гетто как понятии, которое горожане используют, чтобы сформулировать свою позицию по отношению к определенным городским территориям и городским образам. Гетто как социологическое понятие имеет к этому эмическому понятию только косвенное отношение.

Сравнение с воображаемым «гетто» позволяет некоторым горожанам сформулировать свое представление о том, каким должна быть их обитаемая среда — их дом, район и город. «Гетто» — это также образ негативного будущего, с которым нужно бороться, из страха перед которым горожане формируют свои стратегии сегодня. Возвращаясь к предложенной

мной терминологии, «гетто» — это воображаемая «крайность», район, переполненный социальными проблемами, неконтролируемый и чуждый. Необходимость формулировать точку зрения, обозначать свою позицию по отношению к районам пятиэтажного жилья появилась в ходе противостояния противников и сторонников реновации, и образы негативного прошлого или будущего в высказываниях оппонентов нередко оформлялись в терминах периферии.

Нужно отметить, что активизм противников реновации более заметен, ведь им пришлось проводить больше публичной работы по мобилизации поддержки. Сторонники реновации вынуждены были предпринимать активные действия, если их подходящий по критериям дом не был включен в списки для голосования или если в их доме были активные противники реновации. В остальных случаях они могли просто воспользоваться предложенными механизмами голосования и ждать результата. Однако эмоционально вовлечены были обе стороны: активизировавшиеся противники реновации испытали шок, будущее представлялось им полным ужаса и неуверенности, в то время как сторонники реновации представляли свои будущие комфортные квартиры в современных высотных домах.

Этот процесс эмоционального производства городского будущего интересен и сам по себе: программа разделила людей на основании того, как виделось им будущее и какие эмоции они по этому поводу испытывали. Людям приходилось додумывать, каким может быть постреновационное будущее, исходя из своего опыта и базового уровня доверия к общественным институтам. В результате одни видели в реновации источник надежды, другие — угрозу. Например, моя собеседница Рита определила свое отношение к реновации довольно быстро, руководствуясь печальным опытом своей семьи, которая потеряла семейную квартиру в результате махинаций нечистоплотного брокера и не смогла добиться помощи от государственных институтов. В результате Рита жила в коммунальной квартире, пока не получила в наследство от дальнего родственника однокомнатную квартиру в хрущевке. Помня травматичный жилищный опыт своей семьи, она настороженно отнеслась к обещаниям столичных властей, и будущее реновации представляла себе в мрачных тонах. Сравнивая себя со сторонниками реновации, она сказала: «Когда человек не сталкивается, когда человек живет хорошо, ровно, он не знает, что бывает хуже. А когда человек знает, что бывает хуже, он уже мало верит обещаниям».

После того как решение было принято, сторонники и противники реновации начинали искать ему подтверждение. В процессе образы мест и будущего кристаллизировались и приобретали все более четкие очертания. Так, противники реновации находили дополнительные свидетельства низкого качества строительства современных многоэтажек, коррупционные связи между застройщиками и представителями городских властей, а также примеры неудачного переселения из пятиэтажек в новые дома. Такая информация в большом количестве появлялась в социальных сетях, в группах противников реновации, где пользователи коллективно представляли себе масштабы бедствия, стараясь привлечь на свою сторону жителей соседних зданий, не попавших в программу. Многие посты и листовки были адресованы этим людям, домам которых не угрожал снос, но которым угрожала «жизнь на стройке» с раскопанными дворами и улицами, шумом и летящей в окна грязью.

Городские страхи — рост пробок и нагрузки на общественный транспорт, коллапс систем канализации и водоснабжения, переполнение школ, детских садов и больниц — были связаны с увеличением плотности населения ввиду строительства высоток. Пользователи социальных сетей культивировали ощущение угрозы, нависшей над уютными, малоэтажными районами: они рисковали превратиться в «бетонные гетто». В антиреновационных группах в социальных сетях регулярно появляются записи с антиутопическими городскими образами: бетонные высотки, заслоняющие солнечный свет, вышедшая из-под контроля преступность приходят на смену зеленым и приятным глазу пятиэтажным кварталам. Страх «гетто» подпитывается ностальгией по «старой Москве», малоэтажной, родной и знакомой.

Сторонники реновации также подпитывали свою позицию эмоциональными картинками. Однако в их случае основными эмоциями были отвращение к зданиям и кварталам советской застройки и надежда на новую жизнь в современных жилых кварталах, которые полностью изменят облик районов, застроенных «разваливающимися» пятиэтажками. Они воспринимали свои дома и кварталы как «морально устаревшие», даже когда признавали, что техническое со-

стояние здания не настолько плохо. Например, Алена, поддержавшая реновацию, подчеркнула эмоциональный эффект жилой среды во время нашей прогулки по ее кварталу, полностью застроенному пятиэтажками:

Страшнее наших хрущевок нет ничего. Если даже вот так посмотреть: вот этот дом стоит, и вот наши панельные, 510-я серия. 1-510. Они даже с виду, при свете дня, они просто депрессивные. Вот меня, если честно, вгоняют в какое-то чувство безысходности, что ли.

Соседи с разным видением ситуации совершенно по-разному характеризовали качество одних и тех же жилых кварталов. Противники реновации говорили о них при помощи других эмоций — их высказывания апеллировали к любви к «своему» месту и ностальгии. Александра, активная противница реновации, объяснила свое желание сохранить район малоэтажным так:

Я обожаю пятиэтажки. Ты идешь — и у тебя есть пространство рядом с тобой. Когда у тебя все дома вот такие [высотные. — А.Ж.], ты идешь, и у тебя коридор, ты идешь в коридоре. И ты видишь, как лошадь, — только вперед. Пятиэтажки — это офигенски. У тебя есть деревья, есть небо, есть ощущение мира. Я люблю, я обожаю пятиэтажки. Я за малоэтажную Москву. Очень тяжело жить, когда... тем более то, что они показывают, что они хотят делать, — эта квадратно-гнездовая застройка <...>. Это же вообще, везде были эксперименты, что это не работает — превращается в гетто.

В ходе разговора Александра подчеркивала свою связь с районом, рассказывая о своей семейной истории, бабушке, которая жила в этом месте еще до строительства хрущевок, о своих детских воспоминаниях о районе. Ее рассказ был окрашен ностальгией и болью, которую вызывали у нее перспективы реновации и полного изменения облика места, эстетика которого была для нее такой родной.

Противники реновации: ностальгия и страх перед фронтиром

Эмоциональное конструирование места, как видно из приведенных выше цитат, может задействовать образы «гетто» и периферии. Противники реновации нередко апеллировали к таким образам, чтобы объяснить мне, какого будущего, уготованного им программой реновации, они не хотят. Эти образы могли быть абстрактными, а могли подкрепляться примерами каких-либо районов, которые, по мнению говорящего, имели нежелательные характеристики. Чаще всего это были районы на окраине или московские окраины прошлого. Так, в качестве подобного образа в одном из интервью (с Александрой, противницей реновации) фигурирует Бибирево 1990-х:

Например, в Бибиреве первые 15 лет, когда мы жили, там было гетто. Были 90-е, ну, гетто — там как бы... весь шлак жил в Бибиреве. Разборки на цепях среди молодежи. Это было нормально, никто на это не обращал внимания. Это сейчас там все проросли, от Бибирева там уже откопали дальше. Когда мы переехали туда — наш дом был последний. После нашего дома ничего не было. <...> И потом там построили новые дома — это же тоже социальное жильё все было. Это реальное гетто было.

Судя по цитате, в Бибиреве 1990-х все нормализовалось, когда оно перестало быть географической окраиной (появились более дальние дома) и когда «там все проросли»: когда место было освоено и обжито, перестало быть «крайностью». Новое место, даже если оно технически находится не на самом краю города, может тем не менее восприниматься как крайность: отсутствие укорененности, обжитости может отпугивать. Поквартальный снос и застройка новых жилых комплексов, высотных и даже визуально напоминающих то, что многие горожане привыкли представлять себе как городскую окраину, могут восприниматься так же, как и реальный городской фронт-окраина.

Противоположность этой пугающей новизне-крайности — восприятие районов, затронутых реновацией, как укорененных в прошлом, с характерной неспешностью и ненасыщенностью жизни. Периферийность таких районов — результат того, что они не находятся в цен-

тре внимания — ни девелоперов, ни городских властей, ни СМИ, что позволяет им сохранять характеристики, которые кажутся некоторым москвичам привлекательными. Интересно, что одна из моих собеседниц, Анна, противница реновации, также использовала слово «гетто», но подчеркнула другую грань:

[Наш район] — это такое гетто, но гетто в таком хорошем смысле, советском. Где все друг друга знают, где зеленые дворы, где коробка во дворе, лед заливают, и каждый день энтузиасты заливают эту коробочку льдом и закрывают ее на замочек, чтобы не портили этот лед. Вот в хорошем смысле — такой небогатый, но остаточек советской Москвы <...>. Там общность такая, небольшая советская общность осталась, там остаточки вот этой вымирающей Москвы советской. Тоже хорошо.

Периферия-крайность в контексте реновационных дискуссий — это в первую очередь крайне высотная жилая застройка. С этой физической характеристикой противники реновации связывают всевозможные социальные проблемы: в первую очередь размывание социального контроля и порядка. Виктор, противник реновации и ответственный житель пятиэтажки, который лично следит за состоянием своего дома и постоянно взаимодействует с соседями по этому поводу, проблемы районов новостроек связывает именно с высотой. «Советское гетто» в них сменяется «проблемным гетто»:

Восемь [этажей] — уже напрягает. Четырнадцать — [ни в коем случае] нет! Потому что все равно в подъезде я знаю всех соседей. <...> Поэтому как-то контролировать маленькое пространство — это проще. Я считаю, что эти дома безопаснее. Четырнадцать, двадцать этажей — кто эти люди, я их не знаю! Если те же 50% будут сдавать, это 200 квартир, которые постоянно меняются, ротация происходит раз в полгода.

Виктор подкрепил свое мнение примером района Солнцево, где ему пришлось оказаться в поисках украденного велосипеда:

Я вызвал полицию солнцевскую, я один не могу туда поехать. Ну поехали. Так они в дом не могли попасть. У меня все наряды в отделении полиции знают все коды от домофонов в нашем районе. <...> В общем, они знают тех, кто живет долго. Они тоже меняются, но они быстро узнают. А если у тебя эта стенка — мы стоим как три дурака, два патрульных и я. И мы не знаем, как консьержке позвонить, кто-то сорвал. И стоим, и все. Они позвонили в какую-то квартиру: вот, полиция! И чо? И трубку повесили. Я в такой дом не хочу. Мне важно малоэтажность, малозаселенность. Чем меньше людей, тем проще с ними взаимодействие. Чем меньше система, тем более она управляема.

Солнцево, Некрасовка, Выхино, Митино — с образом этих московских районов высотных новостроек обитатели пятиэтажек сопоставляли свои кварталы, представляя свое будущее в новостройках. Периферия-крайность представлялась им как «муравейник», с высотным жильем, высокой плотностью населения, безличностью, отсутствием удобных дворов и ответственных зон.

Интересно, что «крайность» в этом контексте часто приобретает темпоральное, а не географическое измерение: высотное строительство со всеми его характеристиками связывается с будущим, а малоэтажность — с прошлым, причем «советским». Рита, еще одна противница реновации, употребила этот эпитет, даже говоря о Некрасовке, где ее подруга приобрела жилье:

Эти дома еще строили при Лужкове. Этим домам лет 10–15. Она купила при Лужкове, ей еще повезло, соблюден еще немножко советский стандарт. Дом, дом, детский садик, башня, здесь детская площадка, в соседнем дворе школа. И хотя дома 17–20-этажные, но соблюдено вот это вот пространство. Это она купила в 2010 году. А сейчас я у нее была недавно летом, где раньше были поля и леса, там дальше идет застройка, дома выше 25 этажей, уже не 17 этажей, и дома идут плашмя. <...> Я просто боюсь того, что действительно очень одиноко, страшно, дискомфортно, такая атмосфера.

Темпоральность периферии в этой цитате присутствует в двух измерениях, которые я отмечала выше: континуум «прошлое — настоящее — будущее», а также пугающая новизна перемещающегося фронта, качества которого (с точки зрения говорящей) ухудшаются со временем.

Сторонники реновации: устремленность в будущее и отвращение к ружляди

Сторонники реновации также интерпретировали высотность как современность и обновление, но с другим знаком. Для многих из них высотные здания — это не путь к упадку, а путь к современному и подобающему жилью: супружеская пара, Михаил и Татьяна, владельцы двухкомнатной квартиры в хрущевке, проголосовали за включение их дома в программу. Они рассказали мне о своих планах на ремонт в квартире, которую планировали получить по реновации в высотном доме. Михаил и Татьяна, очевидно, провели немало времени, обсуждая это друг с другом, и мысленно уже были в этом комфортном и современном будущем, которого они готовы были терпеливо ждать. Свое видение будущего они подкрепляли образами из настоящего уже застроенных высотных районов:

Михаил: Смотрите, здесь напротив новостройки, вот эти четыре, недавно совсем, их несколько лет строили, сейчас уже заселяют. Там везде свет горит, ремонты идут. Там вообще этажей, по-моему, по тридцать.

Татьяна: Да, очень высокие.

Михаил: Прямо такие современные дома с полностью стеклянными фасадами, остекление от пола до потолка.

Лиля, единственная обитательница трехкомнатной квартиры в пятиэтажке, куда она переехала недавно из родительской квартиры в Химках, также хотела бы жить в высотном доме, что представлялось ей более современным. Она также проголосовала за включение своего дома в программу реновации, потому что малоэтажное советское жилье казалось ей пережитком прошлого:

Мне, в принципе, [высотное жилье] нравится. Потому что все развивается и надо понимать, что малочисленность Москвы уже далеко в прошлом. Просто если... хоть они и малоэтажные, населенность от этого все равно растет, потому что квартир нет, но люди живут уже бараками в однокомнатной, и сильно ничего это не меняет. Так просто люди разъедутся по разным. Мне нравятся высокие этажи.

Другая моя собеседница, Зинаида, активная сторонница реновации, характеризовала свою жилую среду как уродливую, несовременную и неподходящую для нее как современной горожанки. Предложив мне прогулку по району, Зинаида предупредила: «Вы сами увидите и поймете эту картину. Это вообще некрасиво. Ты просто заезжаешь как будто в деревню!» Во время прогулки она подчеркнула контраст между новым высотным жилым комплексом, недавно построенным по соседству с пятиэтажными кварталами:

Я считаю, что городская инфраструктура должна меняться в соответствии с тем, что есть, а в нашем районе очень большой дисбаланс. Два района, граничащие между собой, на одной стороне — огромные, просто великолепнейшие дома, комплекс «Колоннада»², и напротив нее — жалкий район пятиэтажек. Это неэстетично.

В образах мест, которыми оперировали сторонники и противники реновации, неизбежно присутствовало темпоральное измерение, а также апелляции к «нормальности» и «ненормальности» определенных типов городской среды. Эстетические суждения — также не редкость, и они могут политизироваться в ходе городских конфликтов. Горожане осмысливают Москву, представляя себе ее центр и окраины, ее прошлое и будущее, и среди этих измерений они

² Название изменено.

находят место для себя. Далее я рассмотрю, как эти смыслы и чувства политизировались в ходе дискуссий о реновации.

Городские эмоции как политический инструмент

Роль эмоций в политике — популярная тема в современной политической социологии и исследованиях общественных движений [Aminzade, McAdam, 2002; Goodwin et al., 2001], и наработки из этой дисциплинарной области могут быть полезны для объяснения политических процессов в городе. Как показывают эти исследования, чувства — наиндивидуальный процесс, выполняющий важные коммуникативные и когнитивные функции [Jasper, 2018]. Городские эмоции, чувства, испытываемые по отношению к местам и территориям, могут становиться основой локальных идентичностей либо призывом к действию, в частности, к изменению, переустройству места.

Описанные выше представления о периферийности, прошлом и будущем в отношении районов, затронутых реновацией, стали таким призывом к действию в контексте этой программы. Горожане и чиновники использовали их как аргумент в споре, как механизм убеждения. Некоторые информанты говорили, что их изначальное мнение о программе менялось, что новая надежда — или угроза — на переселение изменяла их восприятие своего района и дома. СМИ и социальные сети играли в этих процессах переоценки существенную роль: люди, которых сначала вполне устраивало их жилье, начинали видеть его недостатки, и наоборот.

Разные участники политического процесса апеллировали к эмоциям — к грусти (ностальгии) или к отвращению, чтобы убедить жителей занять определенную позицию. Работа с эмоциями проводилась на разных аренах — в прессе, социальных сетях, на встречах чиновников с жителями. Например, главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов в одном из интервью напрямую связал пространственную форму районов пятиэтажек и уровень преступности и всевозможных социальных проблем:

По показателям человеческого капитала ситуация в городе неравномерная: преступность, образование, доходы населения, продолжительность жизни — это то, что измеряет благополучие территории. Действительно, спальные районы, особенно районы пятиэтажек, традиционно имеют показатели хуже. Не связать это с качеством среды невозможно. Очевидно, карта благополучия полностью коррелирует с планировочной картой города. И поэтому я очень надеюсь, что мы поправим здоровье города и социальную ситуацию через развитие районов [Рузманова, 2017].

Администрация города и местные власти неоднократно воспроизводили идею о бесполезности ремонта в пятиэтажках [при этом пятиэтажки, попавшие в программу, весьма разнообразны по техническому состоянию и качеству даже по официальным данным об износе зданий]. Тем не менее многие СМИ публиковали преимущественно изображения разваливающихся домов и квартир в плачевном состоянии, непригодных для проживания. Как отмечали некоторые мои собеседники, журналисты специально выискивали квартиры, где можно было снять «картинки», подкрепляющие репутацию пятиэтажек как безнадежного жилья.

Оппоненты реновации параллельно проводили работу по мобилизации ностальгии и привязанности к месту, чтобы противостоять этим официальным нарративам. Альтернативные эмоциональные нарративы о старой и малоэтажной Москве позволяли им укреплять солидарность среди единомышленников и подчеркнуть важность московской идентичности.

Платформой для столкновения и политизации этих противоположных эстетических и эмоциональных позиций часто становились социальные сети. Именно там противники и сторонники реновации подкрепляли свои нарративы визуальными материалами. В группах «за реновацию» можно обнаружить большое количество фотографий, показывающих старые квартиры в очень плохом состоянии, и для контраста — визуализации будущих квартир и зданий, обещанных по программе реновации. Также размещались фотографии из шоурума на ВДНХ, который летом 2017 года демонстрировал макеты будущих квартир. После первых переселений в группах стали появляться фотографии и видео новых, уже реальных, жилых помещений и домов. На рис. 1 приведен пример фотографии «до и после», которая была размещена в одной из прореновационных групп в социальной сети «ВКонтакте»:

В отличие от пятиэтажек в новом доме есть грузовой и пассажирский лифты.

Рис. 1. Сравнение «до и после»

Источник: группа «ВКонтакте», «Сноска». https://vk.com/albums-74966679?z=photo-74966679_456251758%2F-photos-74966679.

Группы «против реновации» также активно использовали визуальный материал, который мотивировал совершенно иные эмоции. Привязанность к месту и боль расставания с ним — основные чувства, которые культивировало движение против реновации. Люди размещали фотографии своих зеленых дворов и улиц, своих квартир с хорошим ремонтом, чтобы проиллюстрировать, что такое «их» Москва, что не все пятиэтажки — низкокачественное неухоженное жилье. Пользователи группы «Москвичи против реновации» собирали и размещали в интернете целые галереи художественных изображений пятиэтажек, каждое из которых сопровождалось высказыванием кого-либо из пользователей. Большинство этих подписей носят ностальгический характер, наполнены болью и страхом потерять родной и любимый городской ландшафт, нередко сопровождаются призывами защищать «Москву, которую мы любим».

Эта Москва противопоставляется страшной Москве будущего, застроенной высотками и автотрассами, которые вытеснят уютные зеленые дворы. В группах часто появляются статьи и фотографии, показывающие новое жилое строительство на московских окраинах как пугающее будущее, ждущее столицу. Комментарии под такими фотографиями часто похожи: «Это не моя Москва» — один из самых распространенных.

Противники реновации также размещают коллажи формата «до и после», которые показывают пятиэтажки в гораздо более позитивном ключе: уютные гостиные, иногда с самими жителями в кадре, сравниваются с маленькими и «бездушными» комнатами в новостройках, сопоставляется качество сантехники в любовно отремонтированных квартирах в пятиэтажках и построенных на скорую руку высотках. На рис. 2 приводится сравнение двора рядом с включенными в реновацию зданиями и двора новостройки. Этот коллаж был размещен в одной из антиреновационных групп в составе целой подборки подобных изображений, сопровождающих полный отчаяния пост.

Вся эта работа проделывалась пользователями для того, чтобы целенаправленно мобилизовать аффект москвичей, призвать их к действию. Образы периферии, понятые принципиально по-разному представителями про- и антиреновационного лагерей, стали одним из стержней, вокруг которого кристаллизовались позиции и мобилизовались эмоции. Обе стороны пытались отстоять свое право не быть на периферии: сторонники программы старались избежать замедленного и заброшенного существования районов пятиэтажек, максимизировать современность и интенсивность своей жилой среды. Противники реновации, напротив, противились наступлению периферии — высотного, насыщенного социальными проблемами жилья.

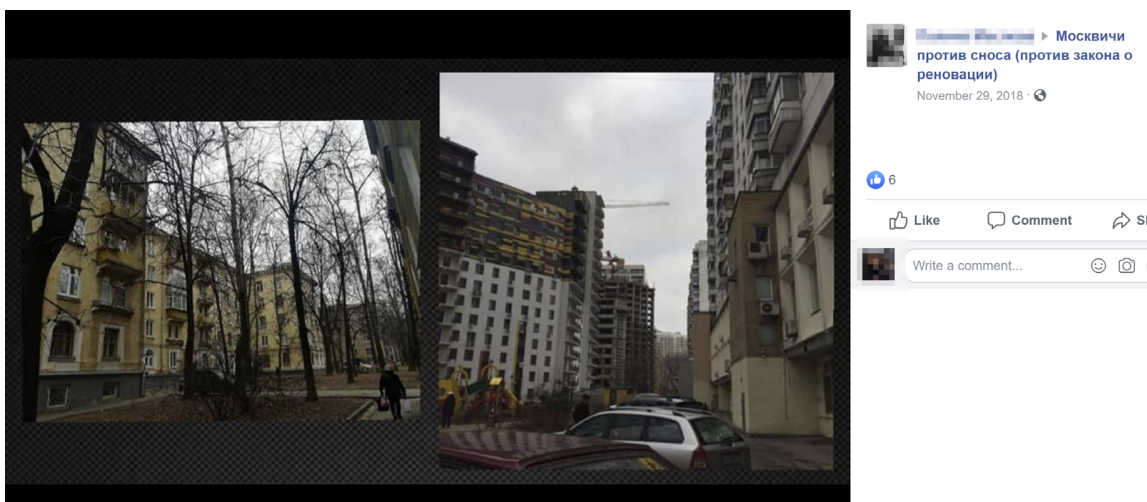

Рис. 2. Вид двора «до и после»

Источник: Facebook, группа «Москвичи против сноса (против закона о реновации)». <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=340569200073911&set=pcb.947345202137392&type=3&theater>.

Вместо заключения

Запуск программы реновации жилья в Москве стимулировал оживленные дискуссии не только о судьбах конкретных домов, но и о судьбе города в целом. Одна тема стала фоном для многих частных дискуссий — образы желанной и нежеланной городской среды, образы будущего города. В этой статье я постаралась показать, как периферийность и борьба с ней стали одним из краеугольных камней этих обсуждений. Хотя мои собеседники и участники тематических групп в социальных сетях почти не использовали понятие «периферия», я прихожу к выводу, что, описывая свои страхи по поводу высотных и безличных жилых комплексов или свое уныние от монотонных хрущевских кварталов, люди формулируют собственное отношение к будущему города через отсылку к периферии — либо к новым окраинным гигантам, либо к перифериям внимания, забытым и лишенным ресурсов.

Кварталы, затронутые программой реновации, также оказались в специфическом темпоральном режиме: горожане переосмыслили прошлое и будущее своих районов и свое собственное, связывая их прошлое с определенным архитектурным и пространственным форматом. Будущее, закрепленное за высотками и кварталами без общественных и зеленых пространств, страшило противников реновации, в то время как устаревшие и несоответствующие современным стандартам кварталы пятиэтажек отворачивали сторонников.

Эмоции, которые люди выражали по поводу прошлого, будущего и разных типов жилья, были одним из ключевых механизмов мобилизации в поддержку той или иной позиции. Горожане принимали решения на основании стратегических расчетов, своего опыта взаимодействия с государственными структурами и своими соседями, информации, которая у них была о программе и московской политике в целом. Однако именно эмоции и аффективно насыщенные образы города были необходимы для того, чтобы москвичи солидаризировались или отмежевывались друг от друга, чтобы они проявляли настойчивость и продолжали бороться за то видение своей жилой среды, которое они считали правильной.

Эмоции и темпоральность, связанные с восприятием горожанами периферии, представляются перспективными направлениями дальнейших исследований: как показывает пример районов, затронутых программой реновации жилья в Москве, географическая периферия — не единственный вид территорий, который может быть структурирован представлениями о ней. Возвращаясь к процитированному выше Абдумалику Симону, можно сказать, что периферия действительно влияет на жизнь города в целом — на то, чего он боится и к чему стремится.

Источники

- Бурдые П. (2007) Физическое и социальное пространства. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. С. 49–64.
- Григорян Ю. (ред.) (2013) Археология периферии. Московский урбанистический форум.
- Желнина А., Зиновьев А., Кулева М. (2013) “На районе”: Молодежные солидарности на городской периферии. Социологические исследования. № 10. С. 69–76.
- Постановление Правительства Москвы от 01.08.2017 N 497-ПП “О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве”, N 497-ПП (2017). Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc;base=MLAW;n=179618;dst=100041#07989110675335773> (дата обращения: 17.02.2020).
- Рузманова Ю. (2017) Главный архитектор Москвы – о связи реновации с преступностью и бюро Захи Хадид. 20 ноября 2017//The Village. Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/city-interview/292020-vyu-s-kuznetsovum> (дата обращения: 17.02.2020).
- Шляховая А.А., Дохов Р.А. (2018) Дворулица: перезапуск периферии постсоциалистического города//Городские исследования и практики. Т. 3. № 1. С. 40–62.
- Aminzade R., Mcadam D. (2002) Emotions and Contentious Politics//Mobilization: An international Quarterly. No. 7 (2). P. 107–109.
- Bannister J., Fyfe N. (2001) Introduction: Fear and the City. Sage Publications Sage UK: London, England.
- Beauregard R.A. (1995) Edge Cities: Peripheralizing the Center//Urban Geography. Vol. 16. No. 8. P. 708–721.
- Bondi L., Davidson J., Smith M. (eds.) (2016) Emotional Geographies. London: Routledge.
- Do Rio Caldeira T.P. (2000) City of Walls: Crime, Segregation, and Citizenship in São Paulo. University of California Press.
- Duyvendak J.W. (2011) the Politics of Home: Belonging and Nostalgia in Europe and the United States. Springer.
- England M.R., Simon S. (2010) Scary Cities: Urban Geographies of Fear, Difference and Belonging//Social & Cultural Geography, Vol. 11. No. 3. P. 201–207.
- Ghertner D.A. (2015) Rule by Aesthetics: World-Class City Making in Delhi. Oxford University Press, Oxford.
- Ghertner D.A. (2017) When is the State? Topology, Temporality, and the Navigation of Everyday State Space in Delhi//Annals of the American Association of Geographers. Vol. 107. No. 3. P. 731–750.
- Golubchikov O., Phelps N. A. (2011) the Political Economy of Place At the Post-Socialist Urban Periphery: Governing Growth on the Edge of Moscow//Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 36. No. 3. P. 425–440.
- Goodwin J., Jasper J. M., Polletta F. (2001) Passionate Politics: Emotions and Social Movements. University of Chicago Press.
- Holston J. (2008) insurgent Citizenship: Disjunctions of Democracy and Modernity in Brazil. Princeton University Press.
- Jasper J.M. (2018) the Emotions of Protest. University of Chicago Press.
- Kramer R. (2010) Moral Panics and Urban Growth Machines: Official Reactions To Graffiti in New York City, 1990–2005//Qualitative Sociology. Vol. 33. No. 3. P. 297–311.
- Low S. (2008) Fortification of Residential Neighbourhoods and the New Emotions of Home//Housing, Theory and Society. Vol. 25. No. 1. P. 47–65.
- Miles A., Ebrej J. (2017) The Village in the City: Participation and Cultural Value on the Urban Periphery//Cultural Trends. Vol. 26. No. 1. P. 58–69.
- Oviedo Hernandez D., Titheridge H. (2016) Mobilities of the Periphery: informality, Access and Social Exclusion in the Urban Fringe in Colombia//Journal of Transport Geography. Vol. 55. P. 152–164.
- Pain R. (2001) Gender, Race, Age and Fear in the City//Urban Studies. Vol. 38. No. 5–6. P. 899–913.
- Ranganathan M. (2014) Paying For Pipes, Claiming Citizenship: Political Agency and Water Reforms At the Urban Periphery//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 38 No. 2. P. 590–608.
- Rast J. (2012) Why History (Still) Matters: Time and Temporality in Urban Political Analysis//Urban Affairs Review. Vol. 48. No. 1. P. 3–36.
- Sakizlioğlu B. (2014) Inserting Temporality into the Analysis of Displacement: Living Under the Threat of Displacement//Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie. Vol. 105. No. 2. S. 206–220.
- Sigona N. (2015) Campzenship: Reimagining the Camp As A Social and Political Space//Citizenship Studies. Vol. 19. No. 1. P. 1–15.
- Silverman E.B., Della-Giustina J.-A. (2001) Urban Policing and the Fear of Crime//Urban Studies. Vol. 38. No. 5–6. P. 941–957.

- Simone A. (2010) 2009 Urban Geography Plenary Lecture – on intersections, Anticipations, and Provisional Publics: Remaking District Life in Jakarta//Urban Geography. Vol. 31. No. 3. P. 285–308.
- Thrift N. (2004) Intensities of Feeling: Towards A Spatial Politics of Affect//Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. Vol. 86. No. 1. P. 57–78.
- Turam B. (2013) the Primacy of Space in Politics: Bargaining Rights, Freedom and Power in an İstanbul Neighborhood//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 37. No. 2. P. 409–429.
- Wacquant L. (1993) Urban Outcasts: Stigma and Division in the Black American Ghetto and the French Urban Periphery//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 17. No. 3. P. 366–383.
- Wacquant L. (1999) Urban Marginality in the Coming Millennium//Urban Studies. Vol. 36. No. 10. P. 1639–1647.
- Wacquant L. (2008) Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Cambridge, MA: Polity.
- Wallace A. (2015) Gentrification interrupted in Salford, UK: from New Deal To “Limbo-Land” in a Contemporary Urban Periphery//Antipode. Vol. 47. No. 2. P. 517–538.

ANNA ZHELNINA

“GHETTO IN A GOOD SENSE” VERSUS “THE CONCRETE GHETTO”: NEIGHBORHOOD DISCOURSES AND RENOVATION IN MOSCOW¹

Anna A. Zhelnina, Associate Professor, Candidate of Sociological Sciences, Department of Sociology, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE University in St. Petersburg; 55 bldg.2 Sedova Street, Saint Petersburg, 192148, Russian Federation.

E-mail: azhelnina@gmail.com

Abstract

The housing renovation program in Moscow was officially announced in early 2017 and, even before the rosters of condemned buildings were finalized, created emotional turmoil. In this paper, I demonstrate how emotions were used during the pro- and anti-Renovation mobilization. An important element of this emotional work was the emotional construction of periphery: building on their different ideas of periphery, Muscovites formulated their visions of an ideal or undesirable city. The perception of past and future along with the aesthetics attached to them shape the perception of place and can become an instrument of political action. Supporters and opponents of the Renovation fought for their right not to be pushed to the periphery: supporters tried to escape the slow and abandoned existence in the socialist 5-storey buildings and maximize the intensity and the modern character of their living environment. The opponents of the Renovation resisted the encroachment of the periphery: high-rise housing full of various social problems.

Key words: renovation of housing; Moscow; periphery; emotions; temporality

Citation: Zhelnina A. (2019) “Ghetto in a Good Sense” versus “The Concrete Ghetto”: Neighborhood Discourses and Renovation in Moscow. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 21–36 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201921-36>

References

- Aminzade R., McAdam D. (2002) Emotions and contentious politics. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 7, no 2, pp. 107–109.
- Bannister J., Fyfe N. (2001) *Introduction: Fear and the city*. Sage Publications Sage UK: London, England.
- Beauregard R.A. (1995) Edge cities: Peripheralizing the center. *Urban Geography*, vol. 16, no 8, pp. 708–721.
- Bondi L., Davidson J., Smith M. (eds.) (2016) *Emotional geographies*. London: Routledge.
- Bourdieu P. (2007) Fizicheskoye i sotsial'noye prostranstvo [Physical and Social Space]. *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: Institut Eksperimental'noy Sociologii [Institute of Experimental Sociology], pp. 49–64. (in Russian)
- do Rio Caldeira T.P. (2000) *City of walls: Crime, segregation, and citizenship in São Paulo*. University of California Press.
- Duyvendak J.W. (2011) *The politics of home: Belonging and nostalgia in Europe and the United States*. Springer.
- England M.R., Simon S. (2010) Scary cities: Urban geographies of fear, difference and belonging. *Social & Cultural Geography*, vol. 11, no 3, pp. 201–207.
- Ghertner D.A. (2015) *Rule by aesthetics: World-class city making in Delhi*. Oxford University Press, Oxford.

¹ The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019–2020 (grant № 19-04-010) and within the framework of the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

- Ghertner D.A. (2017) When Is the State? Topology, Temporality, and the Navigation of Everyday State Space in Delhi. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 107, no 3, pp. 731–750.
- Golubchikov O., Phelps N.A. (2011) The political economy of place at the post-socialist urban periphery: Governing growth on the edge of Moscow. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 36, no 3, pp. 425–440.
- Goodwin J., Jasper J.M., Polletta F. (2001) *Passionate politics: Emotions and social movements*. University of Chicago Press.
- Grigoryan YU. (Ed.). (2013) *Arheologiya periferii* [Archeology of periphery]. Moscow: MUF. (in Russian)
- Holston J. (2008) *Insurgent citizenship: Disjunctions of democracy and modernity in Brazil*. Princeton University Press.
- Jasper J.M. (2018) *The Emotions of Protest*. University of Chicago Press.
- Kramer R. (2010) Moral panics and urban growth machines: Official reactions to graffiti in New York City, 1990–2005. *Qualitative Sociology*, vol. 33, no 3, pp. 297–311.
- Low S. (2008) Fortification of residential neighbourhoods and the new emotions of home. *Housing, Theory and Society*, vol. 25, no 1, pp. 47–65.
- Miles A., Ebrej J. (2017) The village in the city: Participation and cultural value on the urban periphery. *Cultural Trends*, vol. 26, no 1, pp. 58–69.
- Oviedo Hernandez D., Titheridge, H. (2016) Mobilities of the periphery: Informality, access and social exclusion in the urban fringe in Colombia. *Journal of Transport Geography*, vol. 55, pp. 152–164.
- Pain R. (2001) Gender, race, age and fear in the city. *Urban Studies*, vol. 38, no 5–6, pp. 899–913.
- Postanovleniye pravitel'stva Moskvyy ot 01.08.2017 N 497-ПП "O programme renovacii zhilishnogo fonda v gorode Moskvye," no. N 497-ПП (2017). [Moscow government decree "On the Renovation of housing stock in the city of Moscow" no. N 497-PP]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=179618;dst=100041#07989110675335773> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Ranganathan M. (2014) Paying for Pipes, Claiming Citizenship: Political Agency and Water Reforms at the Urban Periphery. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 2, pp. 590–608.
- Rast J. (2012) Why history (still) matters: Time and temporality in urban political analysis. *Urban Affairs Review*, vol. 48, no 1, pp. 3–36.
- Ruzmanova YU. (2017, 20 November) Glavnyi arhitekto Moskvy – o svyazi renovacii s presupnostyu i byuro Zahi Hadid. [Moscow's main architect on renovation's relation to crime and Zaha Hadid's bureau] *The Village*. Available at: <https://www.the-village.ru/village/city/city-interview/292020-vyu-s-kuznetsovym> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Sakizlioğlu B. (2014) Inserting temporality into the analysis of displacement: Living under the threat of displacement. *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*, vol. 105, no 2, pp. 206–220.
- Shlyakhovaya A.A., Dohov R.A. (2018) Shlyakhovaya A., Dokhov R. (2018) Dvorulitsa (Yardstreet): A Reboot Method for the Semi-Periphery of a Post-Socialist City. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 1, pp. 40–62. (in Russian)
- Sigona N. (2015) Campzenship: Reimagining the camp as a social and political space. *Citizenship Studies*, vol. 19, no 1, pp. 1–15.
- Silverman E.B., Della-Giustina J.-A. (2001) Urban policing and the fear of crime. *Urban Studies*, vol. 38, no 5–6, pp. 941–957.
- Simone A. (2010) 2009 Urban Geography Plenary Lecture—on Intersections, Anticipations, and Provisional Publics: Remaking District Life in Jakarta. *Urban Geography*, vol. 31, no 3, pp. 285–308.
- Thrift N. (2004) Intensities of feeling: Towards a spatial politics of affect. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 86, no 1, pp. 57–78.
- Turam B. (2013) The Primacy of Space in Politics: Bargaining Rights, Freedom and Power in an İstanbul Neighborhood. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 37, no 2, pp. 409–429.
- Wacquant L. (1993) Urban outcasts: Stigma and division in the black American ghetto and the French urban periphery. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 17, no 3, pp. 366–383.
- Wacquant L. (1999) Urban marginality in the coming millennium. *Urban Studies*, vol. 36, no 10, pp. 1639–1647.
- Wacquant L. (2008) *Urban outcasts: A comparative sociology of advanced marginality*. Cambridge, MA: Polity.
- Wallace A. (2015) Gentrification Interrupted in Salford, UK: from New Deal to "Limbo-Land" in a Contemporary Urban Periphery. *Antipode*, vol. 47, no 2, pp. 517–538.
- Zhel'nina A., Zinov'yev A., Kuleva M. (2013) "Na rayone": Molodezhniye solidarnosti na gorodskoy periferii [In the 'hood: Youth solidarities in the urban periphery]. *Sociologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Studies], no 10, pp. 69–76. (in Russian)

Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

РОССИЙСКОЕ ГЕТТО: ВООБРАЖАЕМАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ НОВЫХ ЖИЛЫХ РАЙОНОВ¹

Любовь Алексеевна Чернышева, научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; аспирант Амстердамского университета; Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

На окраинах крупных российских городов с середины 2000-х годов растут районы новостроек, многие из которых реализованы по программе комплексного освоения территорий. В массмедиа и публичных дискуссиях новые жилые районы критикуют за множество проблем, связанных с социальной и транспортной инфраструктурой, высотностью зданий и качеством общественных пространств. Медиа и эксперты по развитию городской среды используют применительно к периферийным жилым комплексам в больших городах категорию «гетто», указывая на уже существующие проблемы и предполагая перспективы деградации подобных территорий, ассоциируя их с западными модернистскими жилыми комплексами, которые постигла печальная судьба стать районами с «плохой репутацией». В статье рассматривается появление и трансформация академического понятия «гетто», а также анализируются практики производства новых периферийных жилых районов как *гетто* (в локальном значении) на примере исследования жилого комплекса «Северная долина» (Парнас) в Санкт-Петербурге. Автор показывает, как возникает *imarginality*, или воображаемая маргинальность жилого района, которая аналитически может быть представлена через два связанных воображения – *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем*. В статье подробно рассматриваются их компоненты, созданные медиа и экспертами по городскому развитию. Исследование показывает, что воображение *гетто-в-настоящем* не имеет эмпирических оснований в случае ЖК «Северная долина». В статье также рассмотрены перформативные эффекты функционирования категории *гетто*: воображаемая маргинальность (*imarginality*), которая формируется вокруг жилого района, может «действовать» и в том числе приводить в движение механизмы, которые заложены в описываемом процессе *геттоизации*.

Ключевые слова: гетто; геттоизация; маргинальность; городская периферия; жилье; новое жилое строительство

Цитирование: Чернышева Л.А. (2019) Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 37–58. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201937-58>

Благодарность

Благодарю Лилию Воронкову, Эльвиру Гизатуллину, Анастасию Головневу, Екатерину Кораблеву, Олега Паченкова, Ирину Широкову, а также анонимных рецензентов журнала за ценные идеи и комментарии к черновику этого текста.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-511-76001 «Жилье в постсоциалистических городах после трансформации» (конкурс ЭРА_а).

Введение

В начале августа 2016 года на сайте известного российского блогера Ильи Варламова была размещена серия материалов, которая познакомила широкую аудиторию с новым районом на севере Санкт-Петербурга. Варламов совершил небольшую прогулку по жилому комплексу «Северная долина» и сделал несколько фотографий. Результаты этого экспресс-визуального анализа он представил следующим образом: «Похоже, комплексы второй столицы перевесили здравый смысл и в Питере создали самый плохой жилой район в России!»; «Запомните его, это будущее легендарное гетто Питера» [*Новые районы Питера...*, 2016].

К моменту публикации этих материалов эксперты в области городского развития уже неоднократно критиковали крупные многоэтажные жилые районы на окраинах города. С середины двухтысячных — времени появления этой городской формы — их строительство достигло внушительных размеров²: на границе Петербурга и Ленинградской области выросли районы Парнас, Мурино, Кудрово, Бугры, Шушары и другие. Российские медиа транслируют высказывания экспертов, в разной форме предлагая один и тот же тезис: новые крупные жилые комплексы на окраинах больших городов — это не просто спальные районы, не просто жилье низкого качества со скудной городской средой, проблемной транспортной и социальной инфраструктурой, но настоящие и будущие *гетто*. Эта категория все сильнее проникает в повседневный язык как синоним районов новостроек: общим местом становится понимание того, что «одна из главных ошибок Санкт-Петербурга — строительство гетто вокруг кольцевой дороги» [Трофимова, Сахарова, 2018].

С одной стороны, подобная критика не уникальна и продолжает линию рассуждений о модернистском массовом жилье как абстрактной городской форме [Джекобс, 2015; Newman, 1972; Newman, Franck, 1982]. Эти рассуждения представляют ошибкой саму идею массового жилого строительства, воплощенного в типовых многоэтажках — жилых комплексах, выросших во множестве европейских и американских городов в середине XX века. Районы массового жилья, по мнению критиков, обречены переживать «Великое несчастье скуки» [Джекобс, 2015, с. 54] и деградировать. Архитектурным решениям, материалам, формам, способам планирования пространства отводится роль «виновников» в геттоизации американского Прюит-Айгоу [Bristol, 1991] и других подобных случаях, когда модернистские жилые районы становились настолько неблагополучными, что городским властям даже приходилось расселять и уничтожать их. Полвека спустя мы видим, как вокруг новых жилых районов российских городов разворачивается аналогичная риторика геттоизации.

С другой стороны, насколько именно категория «гетто» адекватна для анализа конкретных российских кейсов? Гетто — популярное понятие, пришедшее из исследований городов Северной Америки сначала в Европу, а затем распространившееся по всему миру: там, где

обнаруживалось пространственное выражение неравенства, появлялась и категория гетто. Однако «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»: североамериканские гетто отличаются и от французских *banlieue* [Wacquant, 2008a], и от неблагополучных этнически гомогенных районов Восточной Европы [Kovács, 1998]. Учитывая, что универсальность категорий, предложенных в рамках исследований «западных» городов, неоднократно подвергалась критике (см., например: [Krause, 2016]), можно ли (и стоит ли) говорить о «гетто» в постсоциалистическом городе — в ином политическом контексте, в условиях иной культуры жилища, доминирующих форм собственности и городской сегрегации, нежели в «модельных» западных городах?

В академической литературе понятие «гетто» критикуют за то, что оно является скорее категорией моральной оценки, чем аналитически значимой категорией [Blokland, 2008]. Оно не отражает процессы городской сегрегации [Small, 2008], скрывая многообразие процессов, в которых конструируются границы и артикулируется неравенство [Blokland, 2008]. Подобную критику можно адресовать и экспертам, которые обращаются к понятию «гетто» для анализа новых жилых районов в России. Они рассматривают его как факт, как универсальную объективную характеристику, схватывающую социально-демографические и морфологические характеристики городских территорий, не уделяя внимание детальному исследованию мест, к которым они применяют эту категорию.

Альтернативный подход — обратить внимание на процессы, разворачивающиеся вокруг новостроек, учесть в анализе этих процессов то, каким значением наполняется понятие *гетто*³ на практике (в конкретном кейсе) и какую роль в этих процессах играют дискурсивные практики экспертов, связанные с названием района. Иными словами, что бы ни стояло за понятием «гетто» в академическом языке социологов города или в публичном дискурсе европейских стран, в современной России категория *гетто* формирует свою собственную реальность и устанавливает особый феномен. Я рассматриваю российское *гетто* не как

2 В Петербурге за 2010 год ввели в эксплуатацию около 2 млн кв. м жилья, а за 2018-й — уже почти 4 млн кв. м (по данным Петростата).

3 Здесь и далее я разделяю гетто и *гетто* (курсивом) как два разных феномена. Первая категория связана с академической практикой, вторая — с обозначением локального петербургского (российского) феномена, используемого российскими экспертами в области развития городов, СМИ и горожанами.

факт (matter of fact), но как проблему (matter of concern) [Latour, 2004], то есть хочу избежать преждевременной «натурализации» этого феномена, использования его как объективной универсальной данности. В этом исследовании российское *гетто* — результат работы ситуативно возникающих сетей отношений [Latour, 2004]. Поскольку феномен «не предшествует повседневным практикам, в которых мы с ним взаимодействуем, а, скорее, формируется в рамках этих практик» [Mol, 1999, p. 75], новый жилой район в Петербурге, о котором идет речь в этой статье, не репрезентируется концептом «гетто», а существует в форме *гетто* в тех практиках, в которые оказывается вовлечен. Таким образом, «реальность совершается и исполняется, а не наблюдается» [Mol 1999, p. 77], то есть *гетто* в Петербурге не существует само по себе, но становится таковым в многообразии практик, разворачивающихся вокруг него.

Задача этой статьи — показать, как в современном русскоязычном пространстве складывается и работает категория *гетто*, какую городскую реальность устанавливает ее использование применительно к новому жилому строительству, а также то, как понимают и практикуют *гетто* в Петербурге жители города, медиа и эксперты по городскому развитию. Статья основана на полевых материалах, собранных мною индивидуально и в команде проекта «Живые массивы»⁴ с 2016 по 2019 год. Это серия интервью, наблюдений, а также материалы СМИ и цифровой этнографии онлайн-сообществ «ВКонтакте», собранные в рамках исследования одного из новых районов Петербурга — жилого комплекса «Северная долина», известного как вернакулярный район Парнас. Район неоднократно критиковали с момента начала его строительства в 2009 году, а с середины 2010-х у него диагностировали *геттоизацию* — равно как и у других подобных периферийных районов (Мурина, Шушар и других расположенных на границе Санкт-Петербурга и Ленинградской области).

Помимо анализа дискурсивных практик, связанных с *геттоизацией*, я представляю результаты исследования, которые ставят под сомнение релевантность категории *гетто* — в том виде, в каком она фигурирует в российских медиа, — для характеристики ЖК «Северная долина». Один из важных моментов, который я хотела бы подчеркнуть: использование понятия «гетто» и алармистских высказы-

ваний применительно к районам новостроек перформативно [Barad, 2003]. Это значит, что воображаемая маргинальность — *imarginality*, — формирующаяся вокруг жилого района, может «действовать» и в том числе приводить в движение механизмы, которые заложены в описываемом процессе *геттоизации*.

Часть 1. Гетто в социальных науках: трудности определения

Понятие «гетто» само по себе неоднозначно, связано с целым комплексом значений, отсылает к явлениям разных исторических эпох, пространственных феноменов и моральных порядков. Называя районы новостроек *гетто*, российские медиа отсылают, конечно, не к компактным еврейским поселениям в европейских городах, а к тем феноменам, которые складывались в западных городах в послевоенное время. Если оставить в стороне эмоциональную нагрузку понятия и сфокусироваться на его аналитических возможностях, насколько оно применимо к современным российским жилым районам?

Гетто — это исторически значимая, основополагающая категория анализа в городских исследованиях. Классическая работа Луиса Вирта «Гетто» [Virt, 2005], впервые опубликованная в 1927 году, наравне с другими работами представителей Чикагской школы задала перспективу рассмотрения города как набора сообществ, отдельных территорий, на которых выстраиваются социальные отношения между людьми и формируются особые социоматериальные порядки. Еврейское гетто в европейском городе, параллели с которым проводит Вирт, описывая Чикаго 1920-х годов, стало базовой городской формой, через которую он предлагает осмыслять любые городские сообщества:

Исследование гетто под этим углом зрения обещает пролить свет на множество родственных феноменов, в частности, на происхождение сегрегированных ареалов и развитие локальных сообществ вообще; ибо, хотя гетто является, строго говоря, еврейским институтом, существуют формы гетто, содержащие не только евреев. Наши города содержат Маленькие Сицилии, Маленькие Польши, Чайнатауны и Черные пояса. <...> Силы, лежащие в основе образования и развития этих ареалов, очень похожи на те, которые действуют в гетто [Virt, 2005, с. 179].

⁴ Подробнее о проекте: <https://www.estatetransition.org/> и <https://vk.com/zhiviemassivy>.

Вирт подчеркивал, что гетто — это институт, и определяется он через производство социальной дистанции, которая складывается между его жителями и «внешним» городом, а также через высокий уровень внутренней организации и социального контроля.

В 1960-е концепт гетто, уже перенесенный из Европы в США, нашел новое воплощение и изменил свое содержание. Начиная с публикации Гилберта Ософски *Harlem: The Making of a Ghetto [Osofsky, 1966]* понятие «гетто» стало все больше использоваться для обозначения афроамериканских городских сообществ, то есть закрепилось в поле исследований расы, миграции, городского неравенства и сегрегации [Haynes, Hutchison, 2008]. Гетто стало концептом, призванным обозначить пространственное выражение социального неравенства и указать на «социальную дезорганизацию» и «деградацию» на определенных городских территориях. Гетто — это особый тип городской территории, для которой характерны плохие (и ухудшающиеся) жилищные условия, высокий уровень преступности, депопуляция, социальная изоляция жителей; кроме того, эта сегрегация возникает недобровольно.

Понятие стремительно теряет свою аналитическую силу и превращается лишь в указатель на пространственное выражение социального неравенства [Blokland, 2008]. Альтернативный подход — обращать внимание не на само гетто, а на процессы геттоизации, стоящие за возникновением этого «идеального типа», результата множества взаимосвязанных процессов стигматизации, пространственного вытеснения, экономического упадка и реализации городской жилищной политики [Chaddha, Wilson, 2008]. Талья Блокланд предлагает говорить о гетто как о *состоянии* жилого района, а не «готовой» пространственной единице с определенными характеристиками: «гетто приходят и, надеюсь, иногда уходят, а кварталы остаются» [Blokland, 2008, p. 373]. Лоик Вакан предлагает вернуться к идеям Вирта и понимать гетто как *институт*, вместо того чтобы использовать его для обозначения пространств бедности и «дезорганизации» [Wacquant, 1997]. Вакан подчеркивает расовый характер гетто, культурную однородность и пространственные границы, внутри которых вытесняются люди, маркированные как «низкосортные». Гетто основывается на четырех основных «элементарных формах» расового господства: категоризации, дискриминации, сегрегации и исключаящем насилии [Wacquant, 1997]. Жители гетто не за-

щищены экономически, поскольку исключены из сфер труда, предлагающих долгосрочные трудовые контракты [Wacquant, 2007], они не имеют никакой поддержки со стороны местного сообщества и иных институтов (например, церкви) и не могут рассчитывать на социальные связи с соседями. Атомизированные жители гетто испытывают «высочайший уровень физической и социальной незащищенности» [Wacquant, 2008a, p. 5].

Размывание понятия происходит параллельно с его экспансией в исследования неамериканских городов. Дебаты о гетто начались по поводу связи пространственного распределения и расового неравенства в городах США, а затем вышли за пределы и вопросов расы и границ США, став моральной категорией оценки городских территорий. Так, Вакан пишет о моральной панике 1990-х, когда медиа, политики и исследователи стали говорить о геттоизации районов проживания рабочего класса вокруг Парижа по американскому сценарию [Wacquant, 2008b]. И хотя «[в] каждом мегаполисе первого мира существует один или несколько районов или скоплений социального жилья, о которых знают все и которые считают городскими гадюшниками: насилие, аморальное поведение и запущенность в таких местах — в порядке вещей» [Wacquant, 2007, p. 67-68], не любая «продвинутая маргинальность» (advanced marginality), с точки зрения Вакана, равнозначна гетто. В частности, он показывает, что за трансформацией французских и американских сегрегированных районов стоит разная логика [Wacquant, 2008a].

Учитывая специфику генеалогии академического понятия «гетто», легко поставить под сомнение его универсальность и применимость в «незападных» городах. Если появление гетто связано с капиталистической формой производства городского пространства и расовым исключением, можно ли обнаружить такие пространства в городах Глобального Юга или, например, в (пост)социалистических городах? Хотя социалистические формы жилищной политики дискурсивно преследовали цель создания жилищного равенства, в действительности, как показывают исследования [Восленский, 1991; Лебина, 1999; Герасимова, 2000], городская сегрегация все же возникала. Невозможно было победить базовую городскую дихотомию центр/периферия и избавиться от различий в престижности районов [Герасимова, Чуйкина, 2000]. Однако гетто в представленном выше понимании — это лишь одна из форм городской се-

грегации, но не синоним сегрегации вообще. В том смысле, в каком это понятие используют исследователи западных городов, гетто в социалистических городах не формировались: в результате централизованного планирования и распределения ресурсов такие города страдали от социально-экономической сегрегации намного меньше, чем западноевропейские или американские [Tammaru et al., 2015]. Попытки локализовать понятие «гетто» в постсоциалистическом контексте не часто встречаются в литературе. Например, это понятие используется для анализа района проживания цыган, сформировавшегося в Будапеште после распада СССР [Kovács, 1998]. Однако процессы, стоящие за возникновением такого гетто, отличны от тех, что привели к геттоизации районов в США. Если в Будапеште произошло резкое ослабление государственного контроля над рынком жилья и сформировался высококонкурентный рынок труда, то, например, в Чикаго, напротив, за появлением таких районов стояла целенаправленная политика контроля над расовой группой [Урбан, 2019].

От понятия «гетто» можно и вовсе отказаться, как предлагает Марио Смол [Small, 2008]. Он критикует способы описания роли государства в процессах геттоизации, а также считает непродуктивным называть сегрегацию абсолютно недобровольной. Вместо этого Смол предлагает анализировать структуру возможностей выбора горожан и рассматривать государство как множественного актора, а не единого неделимого «виновного» в сложившемся социальном положении жителей района. В этом случае различия между гетто и негетто на концептуальном уровне стираются. Наконец, Смол указывает на то, что исследования гетто часто нерепрезентативны и отражают, скорее, популярные медийные образы, чем реальный повседневный опыт жителей. Так, например, районы, которые называют гетто, далеко не всегда демонстрируют социоэкономическую гомогенность, равно как и дефицит инфраструктур и сервисов, который часто связывают с немногочисленностью представителей среднего класса или отсутствием государственного контроля.

Таким образом, понятие «гетто» из метафоры, идеального типа, высвечивающего аналитически значимые для городской социологии черты сообществ, проделало путь до понятия, выражающего особую пространственно-расовую форму социального исключения, затем потеряло расовый компо-

нент и в итоге подверглось критике за свою претензию на универсальность. Кроме того, в публичной сфере гетто становится не только маркером пространственного выражения различных форм неравенств, но и «моральной категорией», за которой тянется многоуровневый смысловой шлейф европейской истории расизма и холокоста [Blokland, 2008]. В этой ситуации стоит признать его сомнительный аналитический потенциал для анализа современного (постсоветского) города вообще и Петербурга в частности.

Часть 2. Что такое гетто: воображаемая маргинальность «Северной долины»

Для дальнейшего анализа я предлагаю концепт воображаемой маргинальности, или *imarginality* (imaginary marginality). Он поможет очертить те процессы, в которые попали новостройки в крупных российских городах. В этой части я покажу, как вокруг конкретной городской локации и социоматериальной организации возникают дискурсивные практики, которые производят ее как территорию маргинальности и неблагополучия, существующую к тому же в разных временных модусах. Это *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем*, прочно связанные, но аналитически разделяемые формы существования, заключенные в один и тот же концепт *гетто* и связанный с ним процесс *геттоизации*.

Петербургское гетто: локация и оценки среды

С середины двухтысячных в России стала развиваться новая форма девелопмента, которая получила название «Комплексное освоение территорий» (КОТ). Появление проектов КОТ по времени совпало с введением программы «Доступное и комфортное жилье — гражданам России»: проекты позиционировались как жилье экономкласса, недорогие малометражные квартиры, первое жилье для молодежи. Реализованные в этом формате проекты противопоставлялись точечной застройке и предполагали стратегию *greenfield development* — разработку незастроенных ранее территорий, преимущественно на городской периферии.

Проект ЖК «Северная долина» от компании «Главстрой-СПб» стал одним из первых и показательных проектов КОТ в Петербурге. Губернатор Валентина Матвиенко лично курировала его старт в 2009 году и публично продвигала проект: «„Северная долина“ ста-

нет одним из самых красивых и комфортных новых микрорайонов города» [Губернатор Санкт-Петербурга..., 2010]. Строительство этого ЖК ведется до сих пор, по согласованному плану застройки здания будут занимать площадь 270 га. На этой территории застройщик планирует заселить около 80 000 человек в 63 дома высотой от 25 до 29 этажей, в каждом из которых размещается до 3500 квартир.

«Северная долина» практически не фигурирует в медиа в качестве «обычного», «типичного» петербургского спального района. Этот ЖК — особая, уникальная территория как в положительном, так и в негативном смысле. СМИ, транслировавшие позицию застройщика, позиционировали район как уникальный случай продуманности и цельности городского планирования (напр., [Петербургжцы меняют..., 2012]). Эта продуманность касается планирования социальной инфраструктуры и благоустройства пространств между жилыми зданиями. Район существует в модусе будущего в форме повторяющейся из публикации в публикации благополучной картины комфортной жизни, в которой есть «все необходимое» для человека — школы и детские сады, аптеки и медицинские центры, банки и магазины, услуги на любой вкус [Ламбоцкая, 2017; ЖК „Северная долина“:..., 2017; Квартиры на пике..., 2012; Для нас все объекты..., 2011; Люди рассматривают..., 2014]. СМИ сообщают о том, что район благоустроен лучше, чем могут ожидать покупатели в ценовом сегменте «эконом» [Никулина, 2017], а люди живут в «уютных дворах» [Чудеса..., 2010], в экологически чистом месте.

Кроме развивающегося и перспективного района в СМИ существует альтернативная «проблемная» «Северная долина»: это частный случай застройки городских окраин, полной недостатков. Качество самих домов низкое [Проблемы на „Парнасе“, 2016], жители страдают от недостатка социальной инфраструктуры (школ, детских садов, поликлиник) и затрудненного выезда с территории ЖК [Вавилова, 2017; «Успеть до школы...», 2016; Люди рассматривают..., 2014]. Район критикуют за непродуманную организацию пространства и плохое озеленение территории [Ламбоцкая, 2017], близость свалки и иловых отстойников «Водоканала», откуда доносится неприятный запах [Что лучше выбрать..., 2018]. Эта критика дополняется категорией *гетто*, которая используется в заголовках и самих текстах и выражает негативную оценку качества описываемой среды.

Еще до появления первых КОТ-проектов в конце нулевых «гетто» встречалось на страницах петербургских СМИ. Однако контекст его появления был связан в первую очередь с вопросами миграции, а именно расселения (трудовых) мигрантов в городе и их интеграции [Копланов, 2004; Никитина, 2008]. В первой половине 2010-х годов еще сохранялся дискурс «мигрантского гетто», никак не связанного с новостройками [Яхонтов, 2014; Понаехавшие..., 2013; Кошмар под контролем..., 2015; Чернов, 2014].

С появлением и распространением КОТ-проектов *гетто* и *геттоизация* становятся категориями описания преимущественно крупных жилых комплексов, в числе которых и «Северная долина». «Мигрантское гетто» не исчезает полностью в течение последующих лет, но обретает свое пространственное воплощение и становится элементом воображаемого процесса трансформации городских окраин.

Гетто-в-настоящем и гетто-в-будущем

Обе категории — *гетто* и *геттоизация* — существуют в двух временных модусах: в настоящем и будущем. Они постоянно смешиваются и могут сосуществовать на страницах одного материала и в одной реплике эксперта, однако аналитически их стоит разделить. На примере медиаматериалов о Парнасе я рассмотрю, как функционируют эти связанные категории в контексте вопросов городского развития и жилищного строительства. Два временных модуса я условно обозначу как *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем*.

Гетто-в-настоящем — это городская территория, которая обладает следующими характеристиками. Морфология *гетто*, выраженная в материальной стороне организации пространства, — это высотные жилые здания (до 30 этажей) и пустоты между ними (не образующие качественных общественных пространств). В таких «многоэтажн[ых] барак[ах]» [Сошников, 2013] на каждой лестничной площадке сконцентрировано слишком много малометражных квартир [Космарский, 2017]. Район *гетто* слабо связан с «городом»: в своих комментариях эксперты отмечают «сложившуюся крайне низкую транспортную доступность жилья» и называют ее «[о]сновной предпосылкой возникновения современных гетто» [Толстой, Чудинова, 2016]. Наконец, в петербургском *гетто* также

«отсутствует набор социальных услуг, которые нужны человеку» [Вольянова, 2019].

Материальная среда *гетто* задает условия для формирования отношений между жителями района и окружающим их пространством. В следующем фрагменте видна именно такая логика:

Одна из отличительных черт микрорайонной застройки в том, что там нет границ. Мы не понимаем, где заканчивается наш двор и начинается другой. И у человека атрофируется чувство собственности в отношении общего пространства. Зона его комфорта сужается и ограничивается входной дверью в квартиру. В таком доме человек уже даже не думает, что подъезд его [Вольянова, 2019].

Отсюда следует, что *гетто-в-настоящем* — это такое отношение между человеком и средой, которое характеризуется, скорее, стратегиями защиты приватного пространства в противовес желанию формировать общее, управлять и заботиться о нем. Подчеркну еще раз: это отношение, как указывают, зависит исключительно от средовых характеристик пространства, а не от социально-экономических характеристик жильцов, жилищной политики государства, структуры собственности или чего-либо еще.

Что касается горожан, населяющих *гетто-в-настоящем* и направляемых этой пространственной организацией, — они относятся к бедным слоям населения: «туда переезжают обитатели самых ужасных, неликвидных коммуналок, которые невозможно продать» [Космарский, 2017]. Они «занимаются выживанием и не строят долгосрочных планов: в стрессовом состоянии это невозможно»; «им можно только посочувствовать» [Почему многоэтажные..., 2016]. Помимо своего незавидного социального положения жители *гетто-в-настоящем* атомизированы, не знают соседей, не общаются друг с другом. Вооружившись инструментами нового урбанизма, в частности, антимодернистской риторикой Джейн Джекобс, эксперты указывают на то, что средовые элементы не только не создают комфортной жизни, но становятся материальным барьером для формирования социальных отношений:

Если у вас на лестничной площадке четыре квартиры, то вы своих соседей знаете в лицо <...>. А когда на площадке восемь

квартир, в доме 25 этажей, два лифта, по лестнице никто никогда не ходит, а еще и 70% жителей дома снимают жилье, сменяя друг друга, вы просто физически не можете этих людей знать [Космарский 2017].

Таким образом, *гетто-в-настоящем* — это район с дефицитом социальной, коммерческой, транспортной, досуговой и спортивной инфраструктуры, а также зеленых зон [Толстой, Чудинова, 2016; Шаповалова, 2015]. Это район, отделенный от «города». В таком районе люди проживают в высотных зданиях со множеством квартир на каждой лестничной площадке, что не позволяет им создавать устойчивые социальные связи с соседями. Пространственная организация также мешает горожанам заботиться о районе, способствует приватизму и, как следствие, деградации окружающей материальной среды.

Гетто-в-будущем представляет собой воображение о перспективах трансформации районов периферийных новостроек и тех процессах, в которые они вовлечены. Это воображение объясняет, почему горожане, эксперты и градостроители, которые в *настоящий момент* не находят признаков *гетто*, ошибаются в долгосрочной перспективе. Оно описывает район через категорию *геттоизации* и задает однозначный сценарий превращения в «настоящее гетто».

Один из важнейших элементов *гетто-в-будущем* — отсылки к историческим примерам городов Европы и США и экспликация сценариев, по которым проходила трансформация районов массового жилья во второй половине XX века: «Процессы, которые происходят у нас в планах массового жилого строительства, происходили в Европе в других странах в 60–70-х годах, и это заканчивалось превращением районов в гетто» [Вольянова, 2019]. Формируется, таким образом, универсальная модель, в которой самобытность Петербурга не проявляется никак. Локальные особенности городского развития, политических режимов, городской культуры и процессов, стоящих за появлением новостроек, не имеют значения. Петербург включен в глобальный, универсальный порядок, и потому судьба новостроек предрешена — достаточно лишь посмотреть на имеющиеся «примеры» [Нестерова, Логвин, 2016]. Эта универсальная логика описывается через рыночные механизмы, связанные с балансом спроса и предложения на рынке жилья, в не

зависимости от того, являются ли приведенные западные примеры социальным жильем или квартирами в собственности⁵.

В логике *гетто-в-будущем* с ЖК «Северная долина», как и с другими новостройками на окраинах города, будут происходить следующие трансформации. Сначала наступит разочарование собственников. «Люди, которые купили там квартиры, при первой же возможности переезжают», поскольку «[т]ерритории в микрорайонах быстро приходят в упадок: газоны превращаются в парковки, все зарастает сорняками. Соответственно, и уровень жизни быстро начинает падать» [Вольянова, 2019].

Наиболее обеспеченные собственники первой волны начнут уезжать из района, сдавая свои квартиры «[в] основном мигрантам и другим малообеспеченным и маргинальным слоям населения» [Вольянова, 2019]. Цены упадут и произойдет постепенная смена социального состава жителей. В районе начнут закрываться точки продаж, ориентированные на обеспеченных покупателей. Останутся «пивнушки и дешевые магазины» [Пять этапов..., 2019]. «Все больше людей уезжает, состав населения продолжает меняться, качество среды падает еще больше <...>, начинает расти преступность. С этого момента район превращается в гетто» [Вольянова, 2019].

Как мы видим, *гетто-в-будущем* — это результат заложенного в настоящем низкого, с точки зрения экспертов, качества городской среды. Это стартовая точка, которая запускает разочарование жителей и последующие волны переезда одних и заселения качественно других людей. Смена инфраструктуры района поддерживает эти процессы и усиливает их. *Геттоизация* и *гетто-в-будущем* сформулированы в экономических категориях и подчинены рыночной логике: они указывают на падение цен на недвижимость, которое рассматривается как отклонение от нормы. На эту рыночную логику падения стоимости жилья и рентабельности бизнеса наслаиваются этнические компоненты и связанные с ними комплексы обы-

денных представлений о местах проживания мигрантов как «рассадиках криминала» [Нестерова, Логвин, 2016]. Основные характеристики российского *гетто-в-будущем* связаны не только с состоянием материальной среды, но и социально-демографической композицией района. Населяющие *гетто-в-будущем* люди сочетают в себе принадлежность к категории «мигранты» (которая подразумевает в данном случае этническое меньшинство) и предполагаемый низкий социально-экономический статус, который не позволяет им жить в комфортной городской среде, как ее определяют в рамках концепции нового урбанизма российские эксперты. Появление именно таких жителей, приходящих на смену первичным собственникам квартир, — часть процесса *геттоизации*, связанного со сменой характера («ухудшением») доступных жителям сервисов и инфраструктур.

Итак, петербургское *гетто* в его двух аналитически разделенных проявлениях — *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем* — отчасти сохраняет элементы, которые вложены в это понятие европейскими и американскими социальными учеными. *Гетто* также связано с комплексом негативных воображаемых перспектив. Петербургское *гетто* — это стигматизированная проблемная территория; поселиться в *гетто* означает иметь низкий уровень жизни и испытывать дискомфорт от окружающей социальной и материальной среды. Последняя чрезвычайно важна: именно способы планирования территории районов, высотность домов, их взаимоположение, квартирография и используемые строительные материалы являются основой для формирования *гетто*. Они способствуют атомизации горожан, препятствуют формированию соседских связей и практик заботы о пространстве. Другой значимый пространственно-материальный компонент *гетто* — инфраструктурная ненасыщенность района, дефицит социальных и однообразия коммерческих сервисов, транспортная удаленность от центра. Эксперты делают упор на средовых характеристиках района, вычлняя их из кейсов европейских и американских гетто, но оставляют за бортом другие параметры социальной организации западных городов: социально-демографическую композицию, формы этнического и расового неравенства, политическую подоплеку жилищной политики и предоставления горожанам социальных благ, устоявшиеся формы сосед-

5 Например, в одной из публикаций [Что делать с Парнасом..., 2016] представлены жилые комплексы, построенные как социальное жилье: Приют-Айгоу (США), Кабрини-Грин (США), Эйлсбери (Великобритания) и Бэллиман (Ирландия). В то же время нельзя отрицать, что неблагополучными порой становились и те районы, квартиры в которых частично находились в собственности жильцов, — таковым, например, был французский район массового жилья Клиши-су-Буа.

ства и т.п. *Геттоизация* Петербурга превращается в неотвратимый, универсальный городской процесс, сегодняшние жители новостроек — в экономически неуспешных агентов, совершивших ошибку при покупке квартиры; потенциальные арендаторы квартир — в маргинальное, бедное население, не способное обеспечить себе лучшее существование.

Часть 3. В поисках гетто: эмпирическое исследование «Северной долины»

Критика «Северной долины» аналогична той, что была адресована создателям массового жилья в западных странах начиная с 1960-х годов. В городских исследованиях сформировалась целая традиция критики модернистской жилой архитектуры как способствующей росту преступности [Newman, 1972; Newman, Franck, 1982], не способной создавать социальные связи [Джекобс, 2015], стандартизирующей человеческие потребности и не учитывающей образ жизни представителей низших социальных классов (подробнее см.: [Bristol, 1991]). Однако, как отмечает Флориан Урбан, в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же материальным детерминизмом — и когда речь идет о надежде на способность архитектуры реорганизовать жизнь бедных слоев населения к лучшему, и когда возникает критика модернистских жилых комплексов, архитектура которых угнетает жителей и превращает их в маргиналов и преступников [Урбан, 2019]. Материальность, безусловно, играет важную роль в городских процессах: городские инфраструктуры способны проводить собственную политику [Winner, 1980]; конфигурация материальной среды, характеристики используемых материалов и сценарии функционирования городских технологий — важные элементы в объяснении происходящих в городах процессов [Jacobs, 2006; Farías, Bender, 2012; Farías, 2011]. Город, однако, это социотехнический артефакт [Hommels, 2009], поэтому необходимо уделять внимание и технологическому, материальному компоненту жилых районов, и социальным процессам, связанным с ними.

Вопреки высказываниям российских урбанистов о том, что «[и]стория превращения определенных жилых районов в гетто во всем мире одинаковая» [Вольянова, 2019], не существует никакого универсального сценария, по которому бы происходила трансформа-

ция модернистского жилья в разных городах мира [Урбан, 2019]. Похожие материальные формы — жилые комплексы эпохи массового строительства — менялись по разным траекториям, переживая и успехи, и провалы. «Свою роль [в этом] играли и внешняя форма, и функциональное наполнение зданий, но также и состав населения, и расположение внутри города, и качество последующего обслуживания, и еще множество культурных, общественных и политических особенностей» [Урбан, 2019, с. 14], см. также: [Venkatesh, 2009; Bristol, 1991; Vale, 2002]).

Хотя речь в этом исследовании не идет о модернистском жилье середины XX века, методология, предложенная «критиками критиков» модернистского жилья, кажется удачной для анализа современных российских новостроек. О будущем «Северной долины» невозможно рассуждать всерьез, ориентируясь лишь на схожесть городских форм. Кроме того, судьба схожих жилых комплексов в рамках одной страны или города также может быть различной. Избегая возможных спекуляций по поводу будущих трансформаций района, в этом разделе я предлагаю результаты исследования того, что происходит в ЖК «Северная долина» в настоящее время. Напомню, что *гетто-в-настоящем* предполагает, что район населен бедными людьми, а его материально-пространственная организация блокирует возможности включаться в соседские отношения и проявлять заботу об общих вещах и пространствах. Имеющиеся данные позволяют оспорить каждый из этих тезисов и переписать район из позиции информантов — жителей «Северной долины»; история Александры⁶ поможет это сделать.

До замужества Александра жила в коммунальной квартире в Центральном районе Петербурга вместе со своими родителями. В преддверии рождения ребенка они с мужем приняли решение приобрести отдельное жилье: довольно быстро нашли вариант небольшой однокомнатной квартиры на двадцатом этаже одного из домов в «Северной долине». Как и многие соседи, семья Александры приобрела квартиру в ипотеку. Александра не раскрыла доходы своей семьи⁷, но неболь-

6 Здесь и далее имена информантов и комментаторов из онлайн-групп изменены.

7 Согласно данным, предоставленным застройщиком «Главстрой-СПб», в среднем ежемесячный доход домохозяйства среди собственников квартир

шой расчет⁸ поможет оценить его нижнюю границу: собственники квартиры в «Северной долине» должны официально и стабильно получать 37,5–50 тысяч рублей в месяц, что сопоставимо со средней зарплатой петербуржца⁹. Александра уверена, что жители района очень похожи друг на друга — «*молодые семьи с детьми*», — и это отличает новое место жительства от старой коммунальной квартиры в центре города, где «*публика самая разная живет*». Часть соседей Александры арендуют жилье¹⁰: стоимость аренды квадратного метра в однокомнатной квартире на Парнасе составляет около 570 рублей в месяц, тогда как средняя по Петербургу цена аренды аналогичного жилья — 602 рубля за квадратный метр¹¹.

В первый же год после переезда Александра активно включилась в жизнь района. Она подписалась на несколько районных и домовых пабликов и групп «ВКонтакте», которые работают как соседские форумы. «Мы здороваемся, мы знаем, кто там живет в соседней квартире, — говорит Александра о соседях по лестничной площадке, — хорошо общаемся ну вот с соседкой с другого этажа». За первый год жизни в районе Александра завела и более близкие знакомства: «также знакомые, друзья появились, ну через эту группу [района «ВКонтакте»], да. <...> Мы начали общаться, вот, дружить. У нас дети дружат». В онлайн-группе дома она познакомилась с местными активистами и собиралась принять участие в выборах в совет дома. Онлайн-

группы — одна из немногих возможностей создать коллективного субъекта принятия решений [Чернышева, 2020]. Через группу «ВКонтакте» Александра организовала сбор подписей под петицией, которую направила губернатору и президенту: в документе были сформулированы требования жителей района решить проблему задержки строительства социальной инфраструктуры. Утвержденный проект «Северной долины» гарантировал всю необходимую социальную инфраструктуру, но в обещанный срок она не была построена. На 2018 год, спустя почти 9 лет после начала заселения, около 70% жилья уже было введено в эксплуатацию и заселено, однако жители могли использовать менее половины запланированных на тот момент мест в детских садах и менее 25% запланированных мест в школах¹².

После интервью Александра рассказала немного о своих планах. «Мы [с мужем] обсуждали, но еще не решили <...> Нам со временем понадобится квартира побольше, и мы, скорее всего, будем рассматривать Парнас, здесь искать квартиру побольше». Сегодняшние недостатки кажутся Александре исправимыми, они незначительны для того, чтобы думать о переезде.

В общении с информантами мы с коллегами, конечно, сталкивались с «неактивной» позицией жителей, которые не стремились улучшать условия жизни и бороться с несправедливым распределением благ. В отсутствие количественных исследований трудно понять, насколько жители вовлечены в заботу

в «Северной долине» составляет около 70 000 рублей.

- 8 Минимальный размер стартового взноса для приобретения квартиры-студии в ЖК «Северная долина» составляет 360 тысяч рублей (минимальная стоимость квартиры-студии в строящемся доме — 2 млн рублей). Размер ежемесячного ипотечного взноса при этом составит как минимум 15 тысяч рублей. При покупке однокомнатной квартиры размер ежемесячного взноса увеличится как минимум до 20 тысяч рублей (по данным сайта застройщика «Главстрой-СПб» <https://glavstroisrb.ru>). При этом банки требуют соблюдения нормы расходов по кредитным обязательствам, которая не должна превышать 40% ежемесячного заработка.
- 9 По разным оценкам, от 40 до 58 тысяч рублей по итогам 2018 года [Средняя заработная плата..., 2018; Лучко, 2019].
- 10 По данным застройщика «Главстрой-СПб», доля арендаторов в «Северной долине» составляет около 20% домохозяйств.
- 11 Примерная оценка по данным сайта sankt-peterburg.naydidom.com и результатам анализа 72 объявлений на сайте cian.ru.

- 12 Реальный дефицит мест в детских садах и школах намного больше. Проект ЖК предусматривает 9210 мест в общеобразовательных школах и 2801 в детских дошкольных учреждениях. По нормативам Генплана, актуальным на 2008 год (момент утверждения проекта) это соответствовало нормам на 80 000 планируемых жителей. Однако важно учитывать следующий момент: число жителей было указано из расчета 33,75 кв. м на человека, что значительно отличается и от существовавшего в тот момент норматива 28 кв. м, и от реального показателя жилищной обеспеченности — около 22 кв. м на человека (Жилищное хозяйство России, 2016). При расчете по утвержденному нормативу обеспеченности жильем (28 кв. м на человека) в районе будут проживать более 96 тысяч человек, для которых потребуется более 3300 мест в детских садах и более 11 000 мест в школах. Принимая во внимание специфику демографического состава района — преобладание молодых семей с детьми, — для обеспечения их потребностей потребуется еще больше ресурсов социальной инфраструктуры.

о своем районе. Однако история Александры не уникальна. В каждом доме нового района можно найти одну или несколько инициативных групп, которые постоянно ведут борьбу за улучшение качества своей жизни и жизни соседей по этажу, подъезду, дому или району. Участники этих групп собирают подписи под петициями (с 2010 года было организовано как минимум пять петиций по вопросам общерайонного устройства), стараются контролировать траты управляющей компании, а также пишут жалобы на незаконную уличную торговлю, составляют заявки на ремонт общедомового оборудования, озеленяют дворы, устраивают спортивные соревнования, праздники, встречи соседей во дворах и местных кафе. Все перечисленное активно обсуждается на онлайн-площадках — в группах отдельных домов и всего района. С помощью групп «ВКонтакте» жители, которые не считают себя активистами, не баллотировались в совет дома и не разбираются в устройстве коммунального хозяйства, также имеют возможность заботиться о районе и его жителях. Они осуществляют социальный контроль, фотографируя «нарушения» порядка и поднимая соответствующие темы в онлайн-группах¹³.

Итак, обратившись к собранным в ходе исследования «Северной долины» данным, можно указать на несколько маркеров, которые противоречат образу *гетто-в-настоящем*. Многие жители ценят свой район и не торопятся его покидать. Напротив, они организуют инициативные группы, участвуют в управлении и беспокоятся об окружающих пространствах. Даже в отсутствие надежных данных о социально-демографической композиции района можно точно сказать, что он сегодня не населен «бедняками» и «маргиналами». Для получения ипотечного кредита у заемщика должен быть постоянный подтвержденный доход, сопоставимый со средним доходом жителя Петербурга. Оплата аренды также требует постоянного дохода. Но важна не столько абсолютная величина доходов жителей района, сколько их ощущение по поводу этих доходов и предположения о том, каковы доходы и образ жизни соседей. И если «то, что ты живешь на Парнасе, не говорит о твоём богатстве» [Олеся, интервью], все же «люди, которые покупают,

они, очевидно, зарабатывают, трудятся, еще чего-то <...>. Раз они покупают квартиру, они более благополучны в каком-то смысле» [Мишаил, интервью].

Поскольку процессы, происходящие в *гетто-в-настоящем*, с точки зрения медиакритики, являются базой для будущей *геттоизации*, неизбежность этого сценария также можно поставить под сомнение. Критика *гетто-в-будущем*, представленная в части 4, — это не попытка подтвердить или опровергнуть прогноз о *геттоизации* района; она касается того, какие последствия имеют появление и воспроизводство этого прогноза как такового. Иными словами, вопрос состоит в том, что происходит, когда эксперты и журналисты говорят о том, что Парнас превратится в *гетто*, как о неоспоримом факте?

Часть 4. Как работает *гетто*: перформативный эффект

Горожане, поселившиеся в модернистских районах и вполне довольные своим новым домом, часто оказывались в эпицентре борьбы градостроительных концепций и политических сил. Один из повторяющихся (но не универсальных) сюжетов в биографиях модернистских жилых районов — это смена восхищения резким неприятием в первые же годы их строительства и заселения¹⁴. О жилых комплексах формировались своеобразные мифы [Bristol, 1991], в действительности же демографические процессы в таких районах и их негативная репутация зачастую были никак не связаны друг с другом [Urban, 2018; Урбан, 2019]. Порой «именно изменения в восприятии зданий предшествовали изменениям в составе их обитателей, а не наоборот» [Урбан, 2019, с. 265]. Более того, хотя жители стигматизированных районов часто не были согласны с критикой и солидаризировались для борьбы с проблемами своих районов, фактическое благополучие района все же было связано и с его медиаобразом [Урбан, 2019].

Все эти сюжеты иллюстрируют перформативность воображаемой маргинальности. Называние является одним из условий конституирования субъекта [Butler, 1997]; можно сказать, что и в случае жилого райо-

¹³ Подробнее о специфике совместной жизни и (само)управления общими ресурсами и местами общего пользования в районах новостроек: см. [Chernysheva, Sezneva 2020; Чернышева 2020].

¹⁴ В некоторых городах стигматизация массового жилья не была столь масштабной (например, в Нью-Йорке); в других и вовсе отсутствовала (например, в Шанхае) [Урбан, 2019].

на само упоминание категории *гетто*, равно как и практики обращения с районом как с *гетто*, в сущности, превращают его в *гетто*. Перформативный подход, который я обозначила, противопоставит репрезентативному, который предполагает онтологическое различие между категориями и феноменами: категории *репрезентируют* феномены, а сами феномены обладают предзаданными свойствами и не зависят от репрезентирующих их категорий [Barad, 2003]. Перформативный подход, напротив, предлагает обращать внимание не на сами лингвистические категории, а на дискурсивные практики и указывает на связь между такими практиками и конкретными материальными явлениями [Barad, 2003].

В случае Парнаса дискурсивные практики, связанные с построением воображаемой маргинальности, отчасти формируют эту маргинальность. С появлением экспертного знания, которое оценивает район по набору признаков материальной структуры и территориальной удаленности, приписывая ему свойства, связанные с неблагополучием и деградацией, может возникать перформативный эффект маргинализации района: ни у кого не остается сомнений в том, что жилой комплекс, о котором говорят как о *гетто*, является *гетто*. Можно предположить, что категория гетто как *imarginality* и «моральная категория» [Blokland, 2008] сама по себе может действовать и преобразовывать район.

Рассмотрим несколько иллюстраций этого процесса на примере «Северной долины». Оценить его масштабность на имеющихся данных нельзя; однако ухватить логику возможно. Я проиллюстрирую два аспекта этого процесса: первый связан с тем, как жители района перенимают риторику *геттоизации*, второй — с тем, как воображение о *гетто-в-будущем* влияет на резидентальные биографии.

Во-первых, воображаемая маргинальность входит в язык самоописания района. Существующее экспертное воображение о *гетто* становится реальностью, с которой обращаются сами жители района. С одной стороны, они начинают использовать слово «гетто» для того, чтобы выразить свое негативное отношение к району: «Что красивого? Бетонные гетто и лампы на фото», — отвечает один из участников соседского форума на публикацию фотографии района с подписью «Блин, все-таки красивый этот Парнас». С другой сто-

роны, категория «гетто» действует как «враг» или «инструмент мобилизации». В одних случаях использование категории — способ объяснения нарушений порядка. К этому способу прибегают, когда хотят выразить свое негативное отношение к происходящим в районе событиям и подчеркнуть их неслучайный характер. «Свиньи и ублюдки. Потом они же и ноют, что это гетто...», — комментирует один из участников онлайн-группы «ВКонтакте» пост о том, что кто-то сломал посаженную местными жителями молодую яблоню, причем этот кто-то, предположительно, и сам проживает в «Северной долине». В других случаях *гетто* работает как нежеланный образ будущего и вызывает желание не допустить его появления, бороться с любыми его проявлениями (будь то плохое транспортное сообщение с другими районами города или оставленный мусор на лестничной площадке). Вот как один из жителей объясняет участникам соседской онлайн-группы необходимость борьбы с нелегально установленными ларьками на территории района: «Установка ларьков незаконна — как следствие, предпринимательская деятельность в них также незаконна. <...> Терпимость к правонарушениям ведет только к их увеличению. <...> Зачем нам портить район? <...> Проблема в том, что, испортив район, превратив его в гетто, обратно его не исправишь». В этом случае *гетто* выступает в качестве одной из альтернатив будущего, которое создается руками самих жителей.

Второе проявление перформативности *гетто* заключается в том, что воображение о *гетто-в-будущем* может работать как катализатор того процесса *геттоизации*, который само описывает. Как уже упоминалось выше, стартовой точкой этого процесса эксперты называют разочарование собственников квартир в качестве жилья и среды района. В результате жильцы уезжают и сдают свои квартиры, запуская процессы смены социально-демографического состава района. Можно предположить, что негативная репутация района как *гетто* может способствовать развитию именно такой проектируемой резидентальной биографии жителей. История 24-летнего Максима, одного из моих информантов, поясняет этот тезис. Мать Максима не была знакома с воображением *гетто-в-будущем*, то есть не знала о прогнозах превращения крупных жилых комплексов на периферии городов в *гетто*. Сам Максим также не знал ничего о *геттоизации*, пока

случайно не посмотрел на YouTube видео, в котором рассказывалось о будущем районов новостроек:

Я посмотрел это видео и в этот момент безумно напрягся и испугался, что у меня мама купила именно такую квартиру. Не помню, про какую часть Петербурга или Москвы был разговор в ролике, но я подумал, что все равнозначно более-менее, и этот сценарий работает на всех типовых застройках. Я отзвонился маме и начал очень переживающе расспрашивать, а мама меня стала успокаивать, но я до сих пор не совсем успокоился.

До просмотра этого видео Максим размышлял о покупке жилья в новом доме на периферии Петербурга, но предложенный в видеоролике сценарий убедил его в том, что это была плохая идея: «Если бы я до поиска [жилья] себе увидел это видео, скорее всего, я бы совсем не смотрел квартиру на окраине».

Категория *гетто* добралась до многих жителей «Северной долины» уже после покупки квартиры. Будучи как бы эфемерной и незначимой, она работает на ухудшение качества жизни горожан: когда эксперты называют район *гетто*, каждый его житель становится обитателем этого *гетто*. Как показывают исследования, подобная стигматизация может приводить к активизации государственной политики, которая еще сильнее стигматизирует жителей [Wacquant, 2007]. Но на сегодняшний день воображаемая маргинальность «Северной долины» лишь ставит под вопрос рациональное с точки зрения собственников действие по покупке квартиры в этом районе и может привести к попытке эту «ошибку» исправить — продать или сдать новую квартиру, запустив те самые процессы, что описаны критиками в сценарии *геттоизации*.

Итак, воображаемая маргинальность, представленная в случае Парнаса категориями *гетто* и *геттоизации*, может иметь перформативный эффект. Называя район *гетто*, эксперты превращают его в гетто; описывая процессы *геттоизации*, они могут запускать эти процессы. Негативный образ, связанный с категорией «гетто», может запустить механизмы разочарования в качестве жизни в районе и переоценку/изменение планов в рамках собственной резидентальной биографии. Уезжать из района, потому

что он *гетто-в-настоящем* или потому что он станет *гетто-в-будущем*, означает запустить или поддерживать сценарий *геттоизации*.

Заключение

Медиа и эксперты по развитию городов утверждают, что мы живем в «эру каменных *гетто* на границе Петербурга и Ленобласти» [Медведева, 2018]. Связка между новыми районами на окраинах города и категорией *гетто* перестает быть проблематичной: СМИ используют слово «гетто» как синоним больших жилых комплексов на окраинах города, а эксперты по недвижимости выделяют «гетторынок» как отдельный сегмент рынка недвижимости [Чаюн, 2017]. Уже не обязательно объяснять в тексте газетной статьи, почему новый многоэтажный район — это *гетто*; категория выглядит как устоявшаяся.

Новым крупным многоэтажным жилым районам, построенным за последние десять лет на периферии Петербурга, пророчат *геттоизацию* по аналогии с судьбами модернистского жилья, появившегося в западных городах во второй половине XX века. При схожести архитектурных решений и подходов к планировке отличия современного жилья в Петербурге от западных модернистских жилых массивов достаточно велики: это и цели строительства, и политический контекст, и распространенные формы собственности, и устоявшиеся виды городского неравенства в современном российском городе. Что же такое российское *гетто* и как эта категория функционирует в медийном пространстве и повседневности горожан — в особенности жителей районов новостроек? Разбору именно этих двух вопросов посвящена эта статья. Ее задача критическая: вместо воспроизводства категории гетто как само собой разумеющейся в отношении жилого района «Северная долина» я рассмотрела, как происходит символическая борьба за установление связки между новостройками и категориями *гетто* и *геттоизации*, на чем основывается воспроизводство категории экспертами и медиа, а также ее возможную роль в процессах трансформации района.

Жилой комплекс «Северная долина», или район Парнас, строящийся на севере Петербурга с 2009 года, стал главным героем этого текста: с первых лет строительства

и заселения он подвергался критике со стороны экспертов по городскому развитию, архитекторов, урбанистов, блогеров и СМИ. Критикуя материальную среду этого района, они зачастую обращались к категориям *гетто* и *геттоизации* и производили изображение о настоящей и будущей жизни района, изменениях его материальной среды и социально-демографических особенностях жителей.

В задачи этой статьи не входила «объективная» оценка состояния городской среды в районах новостроек, настроений жителей или влияния социоматериальной и пространственной организации жилого комплекса на социоэкономическое положение горожан или вероятность совершения преступлений. *Я не стремилась ответить на вопрос, является ли — и станет ли — «Северная долина» гетто или нет.* В этом исследовании я анализировала не столько сам район, не столько существующие концепции гетто, сколько локальные практики, связанные с этим концептом и исследуемым жилым районом. Я стремилась понять, как в дискурсивных (и не только) практиках производится петербургское *гетто*. Это производство включает и создание негативных медиаобразов, и борьбу жителей за то, чтобы это воображение не стало «реальностью». Моя задача в нормативном поле состояла лишь в том, чтобы указать, что существующие категории *гетто* и *геттоизации* уже функционируют как перформативы: воображаемая маргинальность (*imarginality*) может работать как «реальная». Это означает, что название района *гетто* равносильно производству *гетто* в данной локации, а борьба местных жителей против потенциального *гетто* — это признание сценария *геттоизации* вероятным или уже сбывающимся.

Я выделила два воображения о районе Парнас: *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем* — оба они производят воображаемую маргинальность, или *imarginality*, района. Первое указывает на бедность жителей новостроек, низкое качество или отсутствие различных городских инфраструктур, а также такие способы организации материальной среды района, которые приводят к атомизации жителей и их нежеланию заботиться о районе. Второе прогнозирует скорое падение стоимости жилья, смену социального состава района в пользу неблагополучных слоев населения и последующие криминализацию

и деградацию по универсальному сценарию «западного города».

Даже если опустить академические споры о границах применимости понятия «гетто» и рассматривать только тот набор характеристик, который приписывается исследуемому району российскими экспертами, сегодня признаки *гетто-в-настоящем* в ЖК «Северная долина» найти трудно. Хотя жители столкнулись с серьезной проблемой дефицита социальной инфраструктуры и иными проблемами, связанными с качеством строительства и размерами домов, они объединяются и мобилизуются для защиты своих прав и улучшения качества жизни. Результаты исследования не подтвердили гипотезу о том, что районы, спланированные и построенные подобным образом, непременно будут привлекать жителей с низким социально-экономическим статусом и препятствовать установке социальных связей и практикам заботы о районе, доме, лестничной площадке и инфраструктурах. Высотность домов, тип планирования, квартирография и другие элементы материальной среды района хотя и играют свою роль в формировании социоматериального порядка, но все же, вопреки критике медиа, не становятся *единственной* детерминантой процессов, происходящих в районе.

Что касается *гетто-в-будущем*, то такое воображение процессов трансформации городских районов массового жилья также должно быть критически осмыслено. Несмотря на то что некоторые районы массового жилья во второй половине XX века действительно становились пространствами социального неблагополучия, такой сценарий не был универсальным [Урбан, 2019]. Редуцирование многообразия социальных, политических, экономических факторов, влияющих на судьбу районов (до материально-пространственного устройства жилья), не помогает понять, что происходит с такими районами в действительности. Аналогично сомнительной выглядит попытка предсказать единую судьбу для всех крупных жилых комплексов на окраинах российских городов без поправки на конкретные условия, в которых разворачиваются процессы их трансформации. При этом сама по себе формулировка прогноза трансформации сегодняшних новостроек в терминах *геттоизации* содержит риски создания *гетто*, поскольку эта категория работает как перформатив.

Список информантов

Александра, около 30 лет. Замужем, воспитывает двухлетнего ребенка и находится в декретном отпуске. Купила квартиру и переехала в «Северную долину» в 2017 году. Активно участвует в управлении многоквартирным домом.

Максим, 24 года, выпускник театральной академии. Переехал в Петербург для учебы в университете. Снимает комнату в Центральном районе города. Планирует приобрести собственное жилье.

Олеся, около 35 лет. Живет в собственной квартире в «Северной долине» с 2011 года. Администрирует работу интернет-магазина. Воспитывает дочь старшего школьного возраста. Участвует в соседских обменах вещами, общается с соседями в онлайн-группах «ВКонтакте».

Михаил, 31 год. Собственник квартиры и житель «Северной долины» с 2014 года.

Источники

- Вавилова Е. (2017) КОТы вышли на рекорд//Фонтанка.ру. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2017/11/08/114/> (дата обращения 08.09.19).
- Вирт Л. (2005) Гетто//Вирт Луис. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН. С. 178–191.
- Вольянова С. (2019) Парнас, Кудрово и Девяткино – это петербургские гетто? Отвечают социологи и урбанисты//Газета «Бумага». Режим доступа: <https://paperpaper.ru/campus/parnas-kudrovo-i-devyatki-no-eto-pete/> (дата обращения 08.09.19).
- Восленский М. (1991) Номенклатура. «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь».
- Герасимова Е. (2000) Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ. Дисс. канд. соц. наук. СПб.
- Герасимова К., Чуйкина С. (2000) От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы//Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб.: Нева. С. 27–74.
- Губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко провела рабочее совещание на стройплощадке «Северной долины» (2010)//Сайт «Северной долины». Режим доступа: <https://sevdol.ru/news/2010/gubernator-sankt-peterburga-v-i-matvienko-provela-raboochee-soveshchanie-na-stroyploshchadke-severnoy2/> (дата обращения 08.09.19).
- Джекобс Дж. (2015) Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство.
- Для нас все объекты в приоритете (2011)//Коммерсант. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1826435?query=%22%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%22> (дата обращения 08.09.19).
- Жители Парнаса возмутились постом блогера Варламова, сравнившего район с гетто (2016)//Блог Ильи Варламова. Режим доступа: <https://varlamov.ru/1872152.html> (дата обращения 08.09.19).
- ЖК «Северная долина»: «муравейник», но с инфраструктурой (2017)//Портал Living.ru. Режим доступа: <http://living.ru/spb/expert/tainyi-pokupatel/zhk-severnaya-dolina-muraveynik-no-s-infrastrukturou/> (дата обращения 08.09.19).
- Квартиры на пике спроса (2012)//Московский комсомолец. Режим доступа: <http://spb.mk.ru/articles/2012/02/29/676756-kvartiryi-na-pike-sprosa.html> (дата обращения 08.09.19).
- Копланов А. (2004) Гетто по-петербургски//РосБалт. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2004/10/19/181922.html> (дата обращения 08.09.19).
- Космарский А. (2017). «Фактически мы проектируем гетто»: социолог о современном урбанизме//Indicator. Режим доступа: <https://indicator.ru/article/2017/01/23/fakticheski-my-proektiruem-getto/> (дата обращения 08.09.19).
- Кошмар под контролем (2015)//Вечерний Петербург. Режим доступа: <http://www.vppress.ru/stories/Koshmar-pod-kontrolem-i-soglasna-grafika-13987> (дата обращения 08.09.19).
- Ламбоцкая Н. (2017) Парнас: от живописного холма до уютного микрорайона//Московский комсомолец. Режим доступа: <http://spb.mk.ru/articles/2017/11/17/parnas-ot-zhivopisnogo-kholma-do-uyutnogo-mikrorayona.html> (дата обращения 08.09.19).

- Лебина Н.Б. (1999) Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. Спб.: Журнал «Нева». Издательско-торговый дом «Летний Сад».
- Лучко Л. (2019) Зарплата посередине. Средняя зарплата петербуржцев по-прежнему не дотягивает до официальной//Деловой Петербург. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2019/01/20/Zarplata_poseredine (дата обращения 08.09.19).
- Люди рассматривают квартиру как «тихую гавань» для сохранения сбережений (2014)//Коммерсант. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2622945?query=%22%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%22> (дата обращения 08.09.19).
- Медведева Ю. (2018) Мнение: Эра каменных гетто на границе Петербурга и Ленобласти заканчивается//Невские новости. Режим доступа: <https://nevnov.ru/607302-era-kamennykh-getto-na-granice-peterburga-i-lenoblasti-zakanchivaetsya> (дата обращения 08.09.19).
- Нестерова К., Логвин И. (2016) Новое гетто: какое будущее ждет «муравейники» Петербурга//Карповка. Режим доступа: <https://karpovka.com/spec2016/3> (дата обращения 08.09.19).
- Никитина Ю. (2008) Гетто для гастарбайтеров – «Малый Петербург»//Фонтанка.ру. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2008/08/06/116/> (дата обращения 08.09.19).
- Никулина О. (2017) Новостройки Петербурга выходят на новый уровень//Комсомольская правда. Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/26683/3706305/> (дата обращения 08.09.19).
- Новые районы Питера. Хотели бы так жить? (2016)//Блог Ильи Варламова. Режим доступа: <https://varlamov.ru/1869299.html> (дата обращения 08.09.19).
- Петербургжцы меняют качество жизни (2012)//Комсомольская правда. Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/25907/2863644/> (дата обращения 08.09.19).
- Понаехавшие на рынок жилья (2013)//БКН.РУ. Режим доступа: https://www.bkn.ru/Niedvizhimost/Raiony/2878-Ponaekhavshie_na_rynok_zhilia.html (дата обращения 08.09.19).
- Почему многоэтажные спальные микрорайоны – это плохо (на примере питерского Парнаса) (2016)//Блог Ильи Варламова. Режим доступа: <https://varlamov.ru/1873609.html> (дата обращения 08.09.19).
- Проблемы на «Парнасе» (2016)//Видеосюжет Top.spb.tv. Режим доступа: <https://topspb.tv/programs/stories/461010/> (дата обращения 08.09.19).
- Пять этапов превращения в гетто на примере Мурино (2019)//YouTube-канал Ильи Варламова. Режим доступа: <https://youtu.be/qLhcXgVZaI> (дата обращения 08.09.19)
- Сошников А. (2013) Будущее Петербурга: гетто для мигрантов в «спальниках» или небоскребы в историческом центре//Мой район – MR7.ru. Режим доступа: <https://mr-7.ru/articles/84306/> (дата обращения 08.09.19).
- Средняя заработная плата одного работника в Санкт-Петербурге, начисленная за октябрь 2018 года (2018)//Петростат. Режим доступа: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/0764d-40048329c1eb5b2bdf8830b115d/ZR101840.pdf (дата обращения 08.09.19).
- Толстой И., Чудинова О. (2016) У нас гетто пока нет. Но потенциал имеется//Строительство.ru. Режим доступа: <https://rcmm.ru/ekonomika-i-biznes/24471-u-nas-getto-poka-net-no-potencial-imeetsya.html> (дата обращения 08.09.19).
- Трофимова А., Сахарова Е. (2018) Одна из главных ошибок Санкт-Петербурга – строительство гетто вокруг кольцевой дороги//Портал Новострой-СПб. Режим доступа: https://www.novostroy-spb.ru/intervyu/odna_iz_glavnyh_oshibok (дата обращения 08.09.19).
- Урбан Ф. (2019) Башня и коробка. М.: Strelka Press.
- Успеть до школы: как обстоят дела с детсадами в Петербурге и области (2016)//Карповка. Режим доступа: <https://karpovka.com/2016/01/18/272067/> (дата обращения 08.09.19).
- Чаюн Ю. (2017) Падать некуда: квартиры будут дорожать//BN.ru, Санкт-Петербург. Режим доступа: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/238443/> (дата обращения 08.09.19).
- Чернов И. (2014) «Я бы не стала говорить о «гетто»: социолог считает, что опасения СК по поводу мигрантов преувеличены//Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/society/2014/1/29/670148.html> (дата обращения 08.09.19).
- Чернышева Л.А. (2020) Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 23. № 2. С. 36–66.
- Что делать с Парнасом и подобными жилыми комплексами? (2016)//Блог Ильи Варламова. Режим доступа: <https://varlamov.ru/2085839.html> (дата обращения 08.09.19).

- Что лучше выбрать: Девяткино, Кудрово или Парнас? (2019)//Портал SPBhomes.ru. Режим доступа: https://spb-homes.ru/science/devyatkinokudrovoili_parnas/ (дата обращения 08.09.19).
- Чудеса «Северной долины» (2010)//Деловой Петербург. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2010/10/06/CHudesa_Severnoj_Dolini (дата обращения 08.09.19).
- Шаповалова Т. (2015) Новое русское гетто//Невское время. Режим доступа: <https://nvspb.ru/2015/02/28/новое-russkoe-getto-56865> (дата обращения 08.09.19).
- Яхонтов О. (2014) Депрессивные кварталы: в Петербурге появляются мигрантские гетто//Вести.ru. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1232664&cid=1> (дата обращения 08.09.19).
- Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter//Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 28. No. 3. P. 801–831.
- Blokland T. (2008) From the Outside Looking in: A “European” Perspective on the Ghetto//City & Community. Vol. 7. No. 4. P. 372–377.
- Bristol K.G. (1991) The Pruitt-Igoe Myth//Journal of Architectural Education. Vol. 44. No. 3. P. 163–171.
- Butler J. (2013) Excitable Speech: A Politics of the Performative. New York: Routledge.
- Chaddha A., Wilson W.J. (2008) Reconsidering the “Ghetto”//City & Community. Vol. 7. No. 4. P. 384–388.
- Chernysheva L., Sezneva, O. (2020) Commoning Beyond ‘Commons’: The Case of the Russian ‘Obshcheye’//The Sociological Review. Vol. 68. No. 2. P. 322–340.
- Fariás I. (2011) The Politics of Urban Assemblages//City. Vol. 15. No. 3–4. P. 365–374.
- Fariás I., Bender T. (eds.) (2012) Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies. London, New York: Routledge.
- Haynes B., Hutchison R. (2008) The Ghetto: Origins, History, Discourse//City & Community. Vol. 7. No. 4. P. 347–352.
- Hommels A.M. (2009) Changing Obdurate Urban Objects: The Attempts to Reconstruct the Highway through Maastricht//Urban Assemblages. How Actor-Network theory Changes Urban Studies/I. Fariás, T. Bender (Eds.). London, New York: Routledge. P. 139–159.
- Jacobs J.M. (2006) A Geography of Big Things//Cultural Geographies. Vol. 13. No. 1. P. 1–27.
- Kovács Z. (1998) Ghettoization or Gentrification? Post-Socialist Scenarios for Budapest//Netherlands Journal of Housing and the Built Environment. Vol. 13. No. 1. P. 63–81.
- Krause M. (2016) ‘Western Hegemony’ in the Social Sciences: Fields and Model Systems//The Sociological Review. Vol. 64. No. 2_suppl. P. 194–211.
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern//Critical inquiry. Vol. 30. No. 2. P. 225–248.
- Mol A. (1999) Ontological Politics. A Word and Some Questions//The Sociological Review. Vol. 47. No. 1_suppl. P. 74–89.
- Newman O. (1972) Defensible Space. New York: Macmillan.
- Newman O., Franck K.A. (1982) The Effects of Building Size on Personal Crime and Fear of Crime//Population and Environment. Vol. 5. No. 4. P. 203–220.
- Osofsky G. (1966) Harlem: The Making of a Ghetto. New York: Harper & Row.
- Small M.L. (2008) Four Reasons to Abandon the Idea of “the Ghetto”//City and Community. Vol. 7. No. 4. P. 389–398.
- Tammaru T., Van Ham M., Marcińczak S., Musterd S. (2015) A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities//Socio-Economic Segregation in European Capital Cities/T. Tammaru, M. Van Ham, S. Marcińczak, S. Musterd (eds.). London: Routledge. P. 25–53.
- Urban F. (2018) Large Housing Estates of Berlin, Germany//Housing Estates in Europe/D.B. Hess, T. Tammaru, M. Van Ham (eds.). Springer. P. 99–120.
- Urban F. (2012) Mass Housing in East and West Germany—Controversial Success and Ambivalent Heritage//Espacios Ambivalentes: Historias Y Olvidos En La Arquitectura Social Moderna. San Juan, Puerto Rico, Ediciones Callejón. P. 52–75.
- Vale L.J. (2002) Reclaiming Public Housing: A Half Century of Struggle in Three Public Neighborhoods. Harvard University Press.
- Venkatesh S.A. (2009) American Project: The Rise and Fall of a Modern Ghetto. Harvard University Press.
- Wacquant L. (1997) Three Pernicious Premises in the Study of the American Ghetto. International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 21. No. 2. P. 341–353.
- Wacquant L. (2007) Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality//Thesis Eleven. Vol. 91. No. 1. P. 66–77.

- Wacquant L. (2008b) Ghettos and anti-Ghettos: An Anatomy of the New Urban Poverty//Thesis Eleven. Vol. 94. No. 1. P. 113–118.
- Wacquant L. (2008a) Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Cambridge: Polity Press.
- Winner L. (1980) Do Artifacts Have Politics? Daedalus. Vol. 109. No. 1. P. 121–136.

LIUBOV CHERNYSHEVA

RUSSIAN *GHETTO*: THE IMAGINARY MARGINALITY OF NEW HOUSING ESTATES

Liubov A. Chernysheva, Research Fellow at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; PhD Candidate (University of Amsterdam); 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya street, Saint Petersburg, 190005, Russian Federation.

E-mail: la.chernysheva@gmail.com

Abstract

Since the beginning of the 2010s, the new housing developments on the urban outskirts have grown dramatically: the newly built residential areas are partly constructed under the federal “integrated urban development” program. The media and urban planning and development experts strongly criticize these housing estates for problems regarding the social and transport infrastructure, the height of the buildings and the quality of public spaces. They term these peripheral estates as “ghettos” in order to point out existing problems and to suggest that these urban areas will experience degradation in the future. In doing so, experts refer to Western modernist housing estates, which now have bad reputations. Based on the study of Severnaya Dolina (Parnas) housing estate in St. Petersburg, this article considers the emergence and transformation of the academic concept of the ghetto, analyzes local meanings that the term acquires, and traces the practices that produce new peripheral residential areas as *ghettos* (in local meaning). It shows how *the imarginality* (or imaginary marginality) of a residential area is produced: analytically it is represented through two interrelated imaginaries – *the present-ghetto* and *the future-ghetto*. The article presents a detailed analysis of the components of these imaginaries employed by the media and urban development and planning experts. The empirical research demonstrates that *the present-ghetto* imaginary has no empirical grounds in the case of Severnaya Dolina. The article also highlights the performative effects of the ghetto category: *the imarginality* of a residential area can trigger the mechanisms that are inherent in the process of *ghettoization*.

Key words: ghetto; ghettoization; marginality; urban periphery; housing; new housing development

Citation: Chernysheva L. (2019) Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 37–58 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201937-58>

References

- Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 28, no 3, pp. 801–831.
- Blokland T. (2008) From the Outside Looking in: A “European” Perspective on the Ghetto. *City & Community*, vol. 7, no 4, pp. 372–377.
- Bristol K.G. (1991) The Pruitt-Igoe Myth. *Journal of Architectural Education*, vol. 44, no 3, pp. 163–171.
- Butler J. (2013) *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York: Routledge.
- Chaddha A., Wilson W.J. (2008) Reconsidering the “Ghetto”. *City & Community*, vol. 7, no 4, pp. 384–388.
- Chayun YU. (2017) Padat’ nekuda: kvartiry budut dorozhat’ [Nowhere to fall: apartments will rise in price]. *BN.ru Sankt-Peterburg* [BN.ru Saint Petersburg]. Available at: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/238443/> (accessed 08.09.19). (in Russian).
- Chernov I. (2014) «Ya by ne stala govorit’ o getto»: Sotsiolog schitayet, chto opaseniya SK po povodu migrantov preuvelicheny [“I would not talk about the ghetto”: A sociologist believes that the fears of the UK about migrants are exaggerated]. *Vzglyad* [View]. Available at: <https://vz.ru/society/2014/1/29/670148.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Chernysheva L.A. (2020) Onlayn i oflajn konflikty vokrug gorodskoy sovместnosti: zabota o gorodskom prostranstve na territorii bol’shogo zhilogo kompleksa [Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing estate]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 23, no 2, pp. 36–66. (in Russian)

- Chernysheva L., Sezneva, O. (2020) Commoning Beyond 'Commons': The Case of the Russian 'Obshcheye'. *The Sociological Review*, vol. 68, no 2, pp. 322–340.
- Chto delat' s Parnasom i podobnymi zhilyimi kompleksami? (2016) [What to do with Parnassus and similar residential complexes?]. *Blog Il'iy Varlamova* [Il'ya Varlamov's Blog]. Available at: <https://varlamov.ru/2085839.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Chto luchshe vybrat': Devyatkinno, Kudrovo ili Parnas? (2019) [Which is better to choose: Devyatkinno, Kudrovo or Parnas?]. *Portal SPBHomes.ru*. Available at: https://spbhomes.ru/science/devyatkinno_kudrovo_ili_parnas/ (accessed 08.06.19). (in Russian)
- Chudesa "Severnoy Doliny" (2010) [Miracles of the "Northern Valley"]. *Delovoy Peterburgyu* [Business Petersburg]. Available at: https://www.dp.ru/a/2010/10/06/CHudesa_Severnoj_Dolini (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Dlya nas vse ob"yekty v prioritetax (2011) [For us, all objects are in priority]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1826435?query=%22%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%22> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Fariás I. (2011) The Politics of Urban Assemblages. *City*, vol. 15, no 3–4, pp. 365–374.
- Fariás I., Bender T. (eds.) (2012) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*. London, New York: Routledge.
- Gerasimova E. (2000) Sovetskaya kommunal'naya kvartira kak sotsial'nyy institut: istoriko-sotsiologicheskiy analiz [Soviet communal apartment as a social institution: historical and sociological analysis]. PhD dissertation. St. Petersburg. (in Russian)
- Gerasimova K., Chuykina S. (2000) Ot kapitalisticheskogo Peterburga k sotsialisticheskomu Leningradu: izmeneniye sotsial'no-prostranstvennoy struktury goroda v 30-ye gody [From capitalist Petersburg to socialist Leningrad: a change in the socio-spatial structure of the city in the 30s]. *Normy i tsennosti povsednevnoy zhizni: Stanovleniye sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–30-ye gody* [Norms and values of everyday life: Formation of a socialist lifestyle in Russia, 1920–1930s,], pp. 27–74. (in Russian)
- Gubernator Sankt-Peterburga V.I. Matvienko provela rabocheye soveshchaniye na stroyploshchadke «Severnaya dolina» (2010) [Governor of St. Petersburg V.I. Matvienko held a workshop at the construction site of the Northern Valley]. *Sayt «Severnoy doliny»* [Website of the Northern Valley housing estate]. Available at: <https://sevdol.ru/news/2010/gubernator-sankt-peterburga-v-i-matvienko-provela-rabocheye-soveshchanie-na-stroyploshchadke-severnoy2/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Haynes B., Hutchison R. (2008) The Ghetto: Origins, History, Discourse. *City & Community*, vol. 7, no 4, pp. 347–352.
- Hommels A.M. (2009) Changing Obdurate Urban Objects: The Attempts to Reconstruct the Highway through Maastricht. *Urban Assemblages. How Actor-Network theory Changes Urban Studies*/I. Fariás, T. Bender (Eds.). London, New York: Routledge, pp. 139–159.
- Jacobs J.M. (2006) A Geography of Big Things. *Cultural Geographies*, vol. 13, no 1, pp. 1–27.
- Jacobs J. (2015) Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov [Death and life of large American cities]. M.: Novoye izdatel'stvo. (in Russian)
- Koplanov A. (2004) Getto po-peterburgski [Ghetto in Petersburg]. *RosBalt*. Available at: <http://www.rosbalt.ru/main/2004/10/19/181922.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Koshmar pod kontrolem (2015) [A nightmare under control]. *Vecherniy Peterburg* [Evening Petersburg]. Available at: <http://www.vppress.ru/stories/Koshmar-pod-kontrolem-i-soglasna-grafika-13987> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Kosmarskiy A. (2017) «Fakticheski my proyektiruyem getto»: sotsiolog o sovremennom urbanizme ["In fact, we design the ghetto": a sociologist on modern urbanism]. *Indikator* [Indicator]. Available at: <https://indikator.ru/article/2017/01/23/fakticheski-my-proektiruem-getto/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Kovács Z. (1998) Ghettoization or Gentrification? Post-Socialist Scenarios for Budapest. *Netherlands Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 13, no 1, pp. 63–81.
- Krause M. (2016) 'Western Hegemony' in the Social Sciences: Fields and Model Systems. *The Sociological Review*, vol. 64, no 2_suppl, pp. 194–211.
- Kvartiry na pike sprosa (2012) [Apartments at the peak of demand]. *Moskovskiy Komsomolets* [Moscow's comsomolets]. Available at: <http://spb.mk.ru/articles/2012/02/29/676756-kvartiry-na-pike-sprosa.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Lambotskaya N. (2017) Parnas: ot zhivopisnogo kholma do uyutnogo mikrorayona [Parnas: from a picturesque hill to a cozy neighborhood]. *Moskovskiy Komsomolets* [Moscow's comsomolets]. Available at: <http://spb.mk.ru/articles/2017/11/17/parnas-ot-zhivopisnogo-kholma-do-uyutnogo-mikrorayona.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, vol. 30, no 2, pp. 225–248.
- Lebina N.B. (1999) Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii: 1920–1930 gody [Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies: 1920–1930]. SPb.: Zhurnal "Neva". (in Russian)

- Luchko L. (2019) Zarplata poseredine. Srednyaya zarplata peterburzhtsev po-prezhnemu ne dotyagivayet do ofitsial'noy [Salary in the middle. The average salary of Petersburgers still falls short of the official]. *Delovoy Peterburg* [Business Petersburg]. Available at: https://www.dp.ru/a/2019/01/20/Zarplata_poseredine (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Lyudi rassmatrivayut kvartiru kak "tikhuyu gavan" dlya sokhraneniya sberezheniy (2014) [People see the apartment as a "safe haven" for saving]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2622945?query=%22%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%22> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Medvedeva Y. (2018) Mneniye: Era kamennykh getto na granitse Peterburga i Lenoblasti zakanchivayetsya [Opinion: The era of stone ghettos on the border of St. Petersburg and the Leningrad region ends]. *Nevskoye Novosti* [Nevsky News]. Available at: <https://nevnov.ru/607302-era-kamennykh-getto-na-granice-peterburga-i-lenoblasti-zakanchivetsya> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Mol A. (1999) Ontological Politics. A Word and Some Questions. *The Sociological Review*, vol. 47, no 1_suppl, pp. 74-89.
- Nesterova K, Logvin I. (2016). Novoye getto: kakoye budushcheye zhdet «muraveyniki» Peterburga [New ghetto: what future awaits the "anthills" of St. Petersburg]. *Karpovka*. Available at: <https://karpovka.com/spec2016/3> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Newman O. (1972) Defensible Space. New York: Macmillan.
- Newman O., Franck K.A. (1982) The Effects of Building Size on Personal Crime and Fear of Crime. *Population and Environment*, vol. 5, no 4, pp. 203-220.
- Nikitina Y. (2008) Getto dlya gastarbayerov – "Malyy Peterburg" [Ghetto for migrant workers – "Small Petersburg"]. *Fontanka.ru*. Available at: <https://www.fontanka.ru/2008/08/06/116/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Nikulina O. (2017) Novostroyki Peterburga vykhodyat na novyy uroven' [New buildings in St. Petersburg go to a new level]. *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomol truth]. Available at: <https://www.spb.kp.ru/daily/26683/3706305/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Novyye rayony Pitera. Khoteli by tak zhit? (2016) [New areas of St. Petersburg. Would you like to live like that?]. *Blog Il'i Varlamova* [Ilya Varlamov's blog]. Available at: <https://varlamov.ru/1869299.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Osofsky G. (1966) Harlem: The Making of a Ghetto. New York: Harper & Row.
- Peterburzhtsy menyayut kachestvo zhizni (2012) [Petersburgers change the quality of life]. *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomol truth]. Available at: <https://www.spb.kp.ru/daily/25907/2863644/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Pochemu mnogoetazhnyye spal'nyye mikrorayony – eto plokho (na primere piterskogo Parnasa) (2016) [Why multi-storey sleeping neighborhoods are bad (for example, St. Petersburg's Parnas)]. *Blog Il'i Varlamova Varlamova* [Ilya Varlamov's blog]. Available at: <https://varlamov.ru/1873609.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Ponayekhavshiye na rynek zhil'ya (2013) [Those who come to the housing market]. *BKN.RU* Available at: https://www.bkn.ru/Niedvizhimost/Raiony/2878-Ponaiekhavshiie_na_rynek_zhilia.html (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Problemy na «Parnase» (2016) [Problems at "Parnas"]. *Videosyuzhet Top.spb.tv* [Video at Top.spb.tv]. Available at: <https://topspb.tv/programs/stories/461010/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Pyat' etapov prevrashcheniya v getto na primere Murino (2019) [Five stages of becoming a ghetto using the example of Murino]. *YouTube kanal Il'i Varlamova* [Ilya Varlamov's YouTube channel]. Available at: <https://youtu.be/qLhcXgVZaII> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Shapovalova T. (2015) Novoye russkoye getto [The New Russian Ghetto]. *Nevskoye vremya* [Neva Time]. Available at: <https://nvspb.ru/2015/02/28/novoe-russkoe-getto-56865> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Small M.L. (2008) Four Reasons to Abandon the Idea of "the Ghetto". *City and Community*, vol. 7, no 4, pp. 389-398.
- Soshnikov A. (2013) Budushcheye Peterburga: getto dlya migrantov v «spal'nikakh» ili neboskreby v istoricheskoy tsentre [The future of St. Petersburg: a ghetto for migrants in sleeping areas or skyscrapers in the historical center]. *Moy rayon – MR7.ru* [My district – MR7.ru]. Available at: <https://mr-7.ru/articles/84306/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Srednyaya zarabotnaya plata odnogo rabotnika v Sankt-Peterburge, nachislennaya za oktyabr' 2018 goda (2018). [The average salary of one employee in St. Petersburg, accrued for October 2018]. *Petrostat*. Available at: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/0764d-40048329c1eb5b2bdf8830b115d/ZR101840.pdf (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Tammaru T., Van Ham M., Marcińczak S., Musterd S. (2015) A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities*/T. Tammaru, M. Van Ham, S. Marcińczak, S. Musterd (eds.). London: Routledge, pp. 25-53
- Tolstoy I, Chudinova O. (2016) U nas getto poka net. No potentsial imeyetsya [We have no ghetto yet. But

- there is potential]. *Stroitel'stvo* [Building]. Available at: <https://rcmm.ru/ekonomika-i-biznes/24471-unas-getto-poka-net-no-potencial-imeetsya.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Trofimova A, Sakharova E. (2018) Odná iz glavnykh oshibok Sankt-Peterburga – stroitel'stvo getto vokrug kol'tsevoy dorogi [One of the main mistakes of St. Petersburg is the construction of a ghetto around the ring road]. *Portal Novostroy-Spb*. Available at: https://www.novostroy-spb.ru/intervyu/odna_iz_glavnyh_oshibok (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Urban F. (2012) Mass Housing in East and West Germany—Controversial Success and Ambivalent Heritage. *Espacios Ambivalentes: Historias Y Olvidos En La Arquitectura Social Moderna*. San Juan, Puerto Rico, Ediciones Callejón, pp. 52–75.
- Urban F. (2018) Large Housing Estates of Berlin, Germany. *Housing Estates in Europe*/D.B. Hess, T. Tammaru, M. Van Ham (eds.). Springer, pp. 99–120.
- Urban F. (2019) Bashnya i korobka [Tower and Slab]. M.: Strelka Press. (in Russian)
- Uspet' do shkoly: kak obstoyat dela s detsadami v Peterburge i oblasti (2016) [To catch up to school: how things are with kindergartens in St. Petersburg and the region]. *Karpovka*. Available at: <https://karpovka.com/2016/01/18/272067/> (accessed 08.09.19) (in Russian)
- Vale L.J. (2002) Reclaiming Public Housing: A Half Century of Struggle in Three Public Neighborhoods. Harvard University Press.
- Vavilova E. (2017) KOTy vyshli na rekord [IUDs reached the record]. *Fontanka.ru*. Available at: <https://www.fontanka.ru/2017/11/08/114/> (accessed 08.09.19). (in Russian).
- Venkatesh S.A. (2009) American Project: The Rise and Fall of a Modern Ghetto. Harvard University Press.
- Vol'yanova S. (2019) Parnas, Kudrovo i Devyatkinó – eto peterburgskiye getto? Otvechayut sotsiologi i urbanisty [Is Parnas, Kudrovo and Devyatkinó the St. Petersburg ghettos? Sociologists and urbanists answer]. *Gazeta «Bumaga»* [Newspaper “Paper”]. Available at: <https://paperpaper.ru/campus/parnas-kudrovo-i-devyatkinó-eto-pete/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Voslenskiy M. (1991) Nomenklatura [Nomenclature]. «Sovetskaya Rossiya» sovm. s MP «Oktyabr». (in Russian)
- Wacquant L. (1997) Three Pernicious Premises in the Study of the American Ghetto. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 21, no 2, pp. 341–353.
- Wacquant L. (2007) Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality. *Thesis Eleven*, vol. 91, no 1, pp. 66–77.
- Wacquant L. (2008b) Ghettos and anti-Ghettos: An Anatomy of the New Urban Poverty. *Thesis Eleven*, vol. 94, no 1, pp. 113–118.
- Wacquant L. (2008a) Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Cambridge: Polity Press.
- Winner L. (1980) Do Artifacts Have Politics? *Daedalus*, vol. 109, no 1, pp. 121–136.
- Wirth L. (2005) Getto. Wirth Luis. Izbrannyye raboty po sotsiologii [Ghetto. L. Wirth. Selected works on sociology]. M: INION, pp. 178-191. (in Russian)
- Yakhontov O. (2014) Depressivnyye kvartaly: v Peterburge poyavlyayutsya migrantskiye getto [Depressive quarters: migrant ghettos appear in St. Petersburg]. *Vesti.ru*. Available at: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1232664&cid=1> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Zhiteli Parnasa vozmutilis' postom blogera Varlamova, sravnivshhego rayon s getto (2016) [Residents of Parnassus were indignant at the post of blogger Varlamov, who compared the area with the ghetto]. Blog Il'i Varlamova [Ilya Varlamov's blog]. Available at: <https://varlamov.ru/1872152.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- ZhK «Severnaya dolina»: «muraveynik», no s infrazyakuroy (2017) [LHE “Northern Valley”: “anthill”, but with infrastructure]. *Portal Living.ru*. Available at: <http://living.ru/spb/expert/tainyi-pokupatel/zk-severnaya-dolina-muraveynik-no-s-infrazyakuroy/> (accessed 08.09.19). (in Russian)

А.А. МИХАЙЛОВ, А.Х. ФАТЕХОВА,
В.А. МОЛОДЦОВА

ВОСПРИЯТИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОСКОВСКОЙ ПЕРИФЕРИИ (ПРИМЕР РАЙОНА ЯСЕНЕВО)¹

Михайлов Александр Александрович, магистр градостроительства Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ; лаборант-исследователь Совета по изучению производительных сил ВАВТ Минэкономразвития России; Российская Федерация, 117312, г. Москва, ул. Вавилова, д. 7.

E-mail: aamikhaylov_5@edu.hse.ru

Фатехова Алсу Хайсяровна, магистр градостроительства Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.

E-mail: afatehova@gmail.com

Молодцова Варвара Александровна, магистр градостроительства Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.

E-mail: vmolodtsova@hse.ru

Окраинные районы Москвы неоднозначно воспринимаются жителями в контексте устройства города как центрo-периферийной системы. В данной статье на примере района Ясенево рассматриваются следующие вопросы: чем отличаются репрезентации района с точки зрения его жителей от условно объективных характеристик его социально-экономического положения? В чем причины подобных отличий?

В ходе исследования удается прийти к пониманию ряда значимых отличий социально-экономических особенностей положения Ясенева на городской периферии от его восприятия. Наиболее значимыми причинами отличий являются влияние исторического контекста застройки данной территории и сложившиеся представления жителей о Ясенево как «молодом» и «зеленом» районе, лишь частично подтверждаемые статистикой. Район, располагающийся на окраине города и обладающий выраженной изолированностью от других территорий, воспринимается жителями не «окраинным» в контексте центрo-периферийных отношений общегородского уровня, но, напротив, самостоятельно репрезентирующим подобную систему, в том числе вследствие аспектов своего положения в пространстве Москвы и уникальной планировочной структуры.

Ключевые слова: культурная география; локальная идентичность; периферия; метод «регионального синдрома»; восприятие периферии

Цитирование: Михайлов А.А., Фатехова А.Х., Молодцова В.А. (2019) Восприятие и репрезентация московской периферии (пример района Ясенево)//Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 59–72. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201959-72>

Введение. Пространство Москвы с точки зрения центрo-периферийной концепции

В центрo-периферийной концепции [Friedmann, 1966] выделяется ряд особенностей устройства города. В первую очередь речь идет об определенном пространственном неравенстве. Как правило, центр занимает меньшую площадь, чем периферия, но отлича-

¹ Статья подготовлена на основе исследования № 19-04-052, выполненного в рамках программ «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» и государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100» в 2019 году.

ется более высокой плотностью различных аспектов социально-экономической активности — в нем сосредотачиваются места принятия экономических и политических решений.

Во-вторых, центр и периферия характеризуются определенным неравенством с точки зрения символического и смыслового наполнения. Периферия представляется как нечто самостоятельное себя не осмысляющее, в связи с чем может быть подвергнуто осмыслению только *со стороны* — к примеру, со стороны центра (если в системе существует центр, то должно быть и место с противоположными характеристиками, то есть периферия [Parker, 1998]). Подобный аспект центрально-периферийных отношений получил большое развитие в концепции *ориентализма* [Саид, 2006].

Рассмотрим Москву с точки зрения двух вышеуказанных аспектов центрально-периферийной концепции. Единой точки зрения относительно того, какую часть Москвы можно было бы назвать периферией, нет. Центр Москвы имеет относительно четкие очертания — в силу сложившейся планировочной структуры он обычно ограничивается одной из кольцевых магистралей, к примеру Бульварным или Садовым кольцом; в ряде работ понятие центра города также экстраполируется на его наиболее престижные районы на западе, северо- и юго-западе.

В свою очередь, периферия (в некоторых случаях также полупериферия) позиционируется как нечто, не входящее в состав центра. По сути, это территория, аналогичная «выморочному району» в концепции Л.В. Смирнягина — нечто, выделяемое по остаточному принципу после районирования остальной территории [Смирнягин, 1989]. Вследствие различий в определении понятия периферии возникает существенный разброс оценок площади и числа ночного населения периферии. В территориальном плане площадь периферии может варьироваться от территории прилегающих к МКАД жилых массивов до достаточно обширной зоны между ТТК и МКАД.

Еще один важный аспект связан с особенностью восприятия периферийной зоны Москвы. Основные территории периферийных районов застраивались преимущественно во второй половине XX века, и в структуре жилого фонда преобладают образцы типового домостроения. В первом приближении эти районы, по выражению О.И. Вендиной [Вендина, 2012], выглядят «безликими»². В силу данного обстоятельства районы «бублика» не располагают потенциалом для развития культурного ландшафта — единства природных и культурных компонентов, позволяющих сформировать локальную идентичность.

Однако при более детальном изучении оказывается, что все устроено еще сложнее. С точки зрения местных жителей или иных активных пользователей данной территории, далеко не весь «панельный бублик» одинаково безличен. Каждый индивид имеет собственный опыт осмысления пространства, в результате чего периферия обретает внутреннюю дифференциацию, во многом опирающуюся на уровень осведомленности о территории и особенности ее культурного ландшафта [Линч, 1982]. В ряде случаев влияние подобных аспектов восприятия оказывается настолько существенным, что приводит к субъективному искажению представлений о положении района в вышеупомянутой центрально-периферийной городской системе. Так, жители периферийных районов могут не воспринимать свой район окраинным, хотя его «окраинное» положение задается социально-экономической характеристикой территории. Именно различие «субъективного» и «объективного» восприятия жителей как основных акторов территории и будет рассматриваться в данной статье на примере района Ясенево.

Исследовательская гипотеза заключается в том, что, с точки зрения репрезентации жителей, Ясенево не должно выступать типичным районом московской периферии, тогда как объективные характеристики указывают на обратное. В связи с этим ключевой исследовательский вопрос работы формулируется следующим образом: в чем заключаются отличия репрезентации Ясенева его жителями от условно объективных характеристик социально-экономического положения района? Каковы возможные причины таких отличий?

Объектом исследования выступает культурный ландшафт Ясенева, предметом — аспекты репрезентации культурного ландшафта с точки зрения его жителей в контексте центрально-периферийной концепции. Ключевая цель данной работы заключается в изучении взаимосвязи положения района Ясенево в городском пространстве с аспектами его восприятия и репрезентации жителями. Задачи исследования включают в себя анализ социально-экономического положения Ясенева в контексте Москвы, выделение расхождений репрезентации образа рай-

2 В.Л. Каганский назвал данную территорию «панельным бубликом» [Каганский, 2018].

она и фактических особенностей его положения, а также определение причин подобных расхождений.

Поскольку задачи исследования предполагают сопоставление различных точек зрения на особенности положения района, методика требует использования смешанных методов исследования. В связи с этим предлагается сделать акцент на двух группах методов.

1. Статистические — метод «регионального синдрома», разработанный А.В. Новиковым и В.Л. Каганским [Каганский, Новиков, 1989]. Ключевая особенность данного метода заключается в использовании статистических данных о районе для выделения показателей, по которым он заметнее всего отличается от средних значений по анализируемой территории. Подобным образом можно вычлениить наиболее специфические для района «объективные» показатели.
2. Методы качественной социологии — анализ полуструктурированных интервью с жителями Ясенева для изучения особенностей субъективного восприятия района жителями и его репрезентации в контексте территории города Москвы. В ходе исследования было проведено 20 интервью с жителями района в возрасте от 23 лет до 71 года. Шесть респондентов проживают на территории района с рождения, остальные являются жителями Ясенева от 6 лет до 41 года. Пять респондентов проживали на территориях других районов Москвы. Интервьюирование проводилось в феврале — мае 2019 года на территории района Ясенево.

Теоретическое осмысление периферии

Первоначально концепция «центр — периферия» развивалась как геополитическая [Spykman, 1944; Meining, 1956], однако с середины 1950-х годов она используется и для более крупномасштабного анализа, например, мезорегионального уровня, где в качестве периферии могут рассматриваться части страны [Pelc, 2006; Pileček, Jančák, 2011]. Именно изменение масштаба территорий для приложения принципов концепции становится основанием для формирования регионального подхода — рассмотрения процессов развития регионов в контексте их отношений в центр-периферийной модели.

В середине 1960-х годов Дж. Фридман сформулировал теорию регионального развития [Friedmann, 1964], сутью которой является выделение существенных отличий в развитии центральных и периферийных районов и росте диспропорций в ходе их эволюции. Важно отметить, что Дж. Фридман выделяет понятие «неоднородность» периферии, которое обуславливается различной степенью ее выраженности и удаленностью от ядра. Еще одним важным аспектом данной теории является многоуровневый характер системы центров, формирующих определенную пространственную иерархию. Подобный подход встречается во многих работах, посвященных выделению локальных центров в городском контексте [Giuliano, Small, 1991; McMillen, Smith, 2003; Высоковский, 2008].

Рассматривая центр и периферию с точки зрения структуры градостроительной системы и теории общего городского развития А.Э. Гутнова [Гутнов, 1984], возникновение района Ясенево можно определить как прирост ткани ввиду резкого роста размеров всей системы. Тогда «опережающее развитие» ткани по сравнению с каркасом является подтверждением периферийного статуса района, а создание элементов каркаса (например, строительство станций метро в районе) — стиранием границ между периферией и условным центром.

Такое стирание границ происходит не только в физическом, но и в ментальном пространстве. В 1960–1970-х годах возникают новые концепции культурной географии [Митин, 2011; 2012], которые качественно переосмысливают представления о культурном ландшафте. Если ранее последний представлялся результатом действия культуры-субъекта на природный ландшафт-объект [Sauer, 1963, p. 343], то теперь ландшафт представляется через осмысление, символизацию и присваивание территории [Brace, 2003; Robertson, Richards, 2003; Rowntree, Conkey, 1980].

Соответственно основной вклад в конструировании культурного ландшафта теперь отводится ментальным, а не физическим действиям человека, и ландшафт отражает его субъективный опыт [Рагулина, 2015]. Культурный ландшафт, таким образом, — репрезентация, образ пространства и времени [Рагулина, 2004]. «Ландшафт — не просто мир, который мы видим, а конструкция, композиция этого мира» [Cosgrove, 1998]. Эту же идею в привязке к простран-

ству города разделяет О.И. Вендина: «Для городской идентичности важно не место само по себе, а чувство места, сплав физической реальности и вызываемых ею эмоций» [Вендина, 2012].

Именно «означивание» места, а точнее особенности означивания периферийных районов в центро-периферийной системе, представляют интерес для изучения. Означивание выражается в формировании образов, их репрезентации и является последовательным процессом препарирования исходных образов и символов, характеризующих исследуемую территорию [Замятин, 2017].

Изучению формирования и развития культурного ландшафта московской периферии долгое время не уделялось особого внимания. Тем не менее в последнее время появилось некоторое количество работ, посвященных переосмыслению периферии как части культурного ландшафта города [Снопек, 2013; Калашников, 2002]. В 2013 году тему изучения окраин крупных городов мира продолжил сборник «Археология периферии» [Григорян, 2013], где показано, что изучение различных аспектов существования периферии позволяет охарактеризовать ее, проявить различные смыслы исследуемой территории. В главе «Восприятие района» описано, как в зависимости от пола и возраста респонденты выделяют те или иные особенности территории, являющиеся для них локальными идентификаторами какого-либо места, как выделяют его среди других. Можно предположить, что в течение жизни локальные идентификаторы человека могут меняться в зависимости от тех потребностей, удовлетворение которых обеспечивается проживанием в данном районе. Так, в Москве 37% респондентов воспринимают свой район как «район вблизи центра». Поскольку в исследовании участвовали районы, расположенные за ТТК, такой результат является иллюстрацией субъективного и «объективного» восприятия жителей. Подобные выводы можно встретить в нескольких исследованиях восприятия периферийных районов их жителями³, а также в статье, анализирующей территориальную идентичность старшего поколения жителей московского Тушина [Стрельникова, 2018]. Население этого района до сих пор воспринимает его как промышленный, живет прошлым, воспроизводя идентичность заводского района.

В другом знаковом исследовании, «Механика Москвы» [Пузанов, 2015], вопрос связи городской среды с образом жизни горожан заставляет исследователей опуститься для сбора данных на уровень районов, который, в отличие от уровня административных округов⁴, позволяет увидеть закономерности, отражающие разделение города на центр и периферию. Изучение периферийных районов, поиск их идентичности и потенциала развития продолжается в исследованиях проекта «Дворулица»⁵: «Слово „периферия“ перестанет носить отрицательное значение. Периферия города станет удобной для повседневной жизни средой, ценной тем, что отличается от городского центра». Трансформация периферийных и полупериферийных районов позволит освоить «рыхлое» пространство жилых кварталов и насытить его функциями комфортного повседневного существования, не разрушив при этом особый ментальный смысл такого типа структуры.

Аспекты репрезентации культурного ландшафта Ясенева

Применение метода регионального синдрома показало характерный функционал «спального» района: высокий уровень обеспеченности коммерческими услугами повседневного спроса, социальными услугами и объектами рекреации и спорта. Высокий уровень межрегиональной миграции, средняя заработная плата ниже среднего уровня по городу подводят к мысли о возможной роли Ясенева как перевалочного пункта при переезде в столицу. Также важным является относительно высокий уровень смертности в районе, что может свидетельствовать о старении населения⁶.

³ «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности», 2017–2019; «Быт и культура индустриальных рабочих: этнографическое кейс-стади заводского района, г. Екатеринбург», 2017–2018. Данные проекты проводились под руководством А.В. Стрельниковой.

⁴ Особенности которых в своем путеводителе описывает В. Глушкова [Глушкова, 2008].

⁵ См.: <http://dvorulitsa.moscow>.

⁶ Более подробные результаты и описание методики исследования можно найти в статье «Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве» [Аларушкина, 2019].

Сопоставление «субъективной» и «объективной» репрезентаций позволило выявить несколько расхождений между «картинкой» метода регионального синдрома и представлениями жителей о своем районе.

«Молодой район» и район молодости

Одной из отличительных черт Ясенева, выявленной в ходе анализа взятых интервью, является сохранение представлений о «молодости» района. Первыми его жителями, заселявшимися одновременно с продолжением строительства, стали преимущественно молодые семьи с детьми.

Они [родители] переехали в Ясенево где-то году в 79–80-м, когда район только строился. Они были молодые, им нужна была где-то квартира, и, соответственно, здесь получилось так, что выдавали квартиры от места, где работал мой дедушка. <...> В основной своей массе люди, которые сюда приехали, были сверстники моих родителей, у них у всех в основном были дети моего возраста, ну то есть как бы <...> очень много детей. (М, 39 лет, живет в Ясенево с рождения)

В данном случае восприятие района как «молодого» связано с памятью о времени его строительства. Оно сравнимо с появлением отдельного города, возводимого с нуля, и нашло заметное отражение в первых впечатлениях детей, родившихся там.

Все: и люди молодые, и дома молодые. Если из детства смотреть, это у меня отложилось: Ясенево — район свежестроенный. (М, 39 лет, живет в Ясенево с рождения)

Несмотря на четкую тенденцию старения населения, в восприятии респондентов современный портрет жителя Ясенева — молодые люди, семьи с детьми, подростки.

Очень много ровесников, очень много детей. То есть у меня достаточно молодой район. И очень часто, когда вечером гуляешь, кто-то ходит, кто-то тусуется. Если чем-то и отличается, то, наверное, тем, что много молодого поколения. (Ж, 25 лет, проживает в Ясенево с рождения)

Пенсионеров на самом деле не думаю, что много, либо их просто не видно. Средний возраст района, наверное, лет 35–40.
(М, 29 лет, проживает в Ясенево с рождения)

Но мне кажется, здесь больше молодых семей, больше мам, детей, больше молодежи. (Ж, 42 года, проживает в районе 12 лет)

Сюда же можно отнести противоречие восприятия материальной среды района. Ясенево воспринимается новым и молодым районом так же, как в первые годы своего существования. Хотя со времени строительства и заселения первых жителей прошло уже 40–50 лет, район отличается крайне низким объемом нового строительства в рамках застройки по единому плану и отсутствием территорий для новой застройки.

Я скажу, что этот район помоложе. Ясенево помоложе. Даже, как сказать <...>. Я, конечно, все население не могла вот так статистически узнать, опросить. Может быть, пространство давало такое ощущение — помоложе, поновей, посовременней. (Ж, 42 года, проживает в районе 12 лет)

Таким образом, жители Ясенева характеризуют свой район как современный, молодой демографически и физически. Причины такого субъективного восприятия проявляются в ответах респондентов: заселение района молодыми семьями с детьми, одновременное взросление района и его жителей, строительство на неосвоенных территориях, а также личный опыт взаимодействия с районом и его жителями.

«Зеленый» район, или город, перетекающий в лесопарк

Значительная в плане административных границ площадь Ясенева обусловлена наличием на его территории крупных лесных насаждений. Помимо Битцевского леса, городские кварталы окружены Ясеневским и Голубинским лесопарками. При общей площади района 25,4 кв. км, лесопарковые и парковые зоны занимают около 17 кв. км, то есть примерно 67% территории района. Характеристика Ясенева как «зеленого» района подкрепляется включением его в различные рейтинги благоприятных для жизни районов^{7, 8}.

Несмотря на высокую долю озелененных территорий в составе района, которая является его отличительной чертой и по результатам метода регионального синдрома, респонденты отмечают, что первоначально внутри жилых массивов было совсем немного зелени, и восприятие района «зеленым» складывается, таким образом, из-за его нахождения в кольце парков. Также этому способствовало сохранение изначально заложенной планировочной структуры, предполагающей высокую плотность застройки, что впоследствии определило отсутствие точечной застройки и позволило сохранить дворовые пространства, часть из которых была озеленена самими жителями.

Я этого, конечно, не помню, а родители мне рассказывали, что район был, как и все новостройки Советского Союза, он был никак не озеленен. Это была такая пустыня, где торчат какие-то куски арматуры, закопанные прямо в землю, и прочее, и прочее. И вот большая часть той зелени, которую вы видите, да, это то, что люди сами привозили с дачи, выкапывали из леса и на субботах все это рассаживали. И вот мы имеем очень зеленый, на мой взгляд, район, это очень круто. Но это все усилиями самих жильцов, вся работа проделана по озеленению. (Ж, 41 год, проживает в районе с рождения)

Для большинства респондентов качество «зелености» района связано с возможностью отдыха в местных парках и усадьбах и разнопланового досуга. В некоторой степени этому способствует планировочная структура микрорайонов, расположенных полукругом вдоль Литовского бульвара: формируемые ими пространства открыты в сторону Битцевского лесопарка, перетекают в него, и прилегающие к домам городские леса рассматриваются жителями не как нечто отдельное от жилого массива, а, скорее, наоборот — как нечто функционально с ним связанное.

Вы знаете, я, наверное, так вам скажу: любая природная территория, Битцевский лес не исключение, позволяет любому человеку абстрагироваться от нашей действительности окружающей. <...> Этим-то и хороши внутригородские природные территории, что ты все равно себя чувствуешь дома. Я вам не могу сказать, что, находясь в Битцевском лесу, я чувствую, что я покинул район Ясенево, нет, все равно это вот на расстоянии вытянутой руки, и мне это как-то греет душу. (М, 42 года, проживает в Ясенево 41 год)

Компактность жилой застройки и ее расположение в кольце лесопарков вносит в восприятие Ясенева ощущение «зеленого острова». Это отмечается самими жителями и, как ими неоднократно заявлено, служит одним из факторов выбора места проживания при переезде.

Я живу в 22-этажке, и когда поднимаешься на последний этаж и смотришь — просто реально все зеленое. Вот то есть куда ни повернешь, посмотришь в сторону домов — там тоже все зеленое. Смотришь в лес — там очевидно все зеленое, то есть такое более природное. Много природы. (Ж, 23 года, проживает в районе с рождения)

Потом мы зашли уже в квартиру, там в другую сторону смотрим — и там чернеют в сумерках таких леса, за горизонт уходя, как море. И я такая: «Ну, нормально вроде, можно жить». (Ж, 42 года, проживает в районе с рождения)

7 Лучшие районы Москвы/ Недвижимость 911 — интернет-журнал о недвижимости: <https://property911.ru/kvartira/luchshie-rajony-moskvy.html>.

8 12 лучших районов Москвы для проживания//expertology: <https://expertology.ru/12-luchshikh-rayonov-moskvy-dlya-prozhivaniya/>.

Практически мы утопаем в зелени, и нас окружает круг вот этого Битцевского лесопарка. (Ж, 45 лет, проживает в Ясеневе 40 лет)

При этом «зеленость» района информанты репрезентируют вместе с другими его характеристиками, наблюдаемыми ими в повседневной жизни, — к примеру, открытым горизонтом и благоприятной экологической обстановкой.

Да, «зеленый» район, чистый район. А мы жили на Дербеневской. Там был химзавод, дрожжевой завод, ситценабивная фабрика, и все. Снег зимой был розовый, голубой, какой хочешь. И пахло еще дрожжами. И поэтому, переехав сюда, мы вообще задышали полной грудью. Нам здесь очень понравилось. (Ж, 55 лет, проживает в Ясеневе 42 года)

Несмотря на наличие зеленых зон, бульваров и скверов на застроенной территории района, его восприятие как «зеленого» сформировано в большей степени расположением в окружении лесопарков, которые активно используются жителями в повседневной жизни, а также особенностями планировочной структуры.

Сообщество и идентичность: вопреки тенденциям

Метод «регионального синдрома» выявил в районе высокий уровень межрегиональной миграции по сравнению с другими территориями города. При этом существенный межрегиональный приток населения компенсируется относительно высоким внутригородским оттоком. Поскольку нового жилищного строительства в районе практически не ведется, наиболее вероятно наличие «промывного режима» миграции: приезжающие в город в большинстве своем не могут из-за дороговизны позволить себе поселиться в его центральной части. Впоследствии, по мере роста доходов, они переселяются ближе к центру. Вероятное следствие такого режима — слабая сформированность устойчивых местных сообществ.

В теории ситуация должна усугубляться планировочной структурой: отсутствие разграничения публичных пространств внутри микрорайона, как отмечалось, к примеру, в исследовании А.А. Шляховой и Р.А. Дохова [Шляхова, Дохов, 2018], также затрудняет процесс формирования устойчивых местных сообществ.

Однако основанием для формирования таких сообществ стала в некоторой степени сама история заселения района. Стоящие на еще не асфальтированных улицах дома заселялись преимущественно молодыми семьями, получившими квартиры от предприятий, на которых они работали. Общность места работы и необходимость совместного обустройства быта достаточно сильно сплачивали людей: облагораживать придомовую территорию, строить детские площадки в первое время приходилось самостоятельно.

Мы строили сами песочницы, лавочки, качели — все своими руками. Никакой ДЭЗ, никто нам не помогал. Нам это было очень дорого, мы ухаживали всегда. <...> Да, мы на Ясногорскую приехали, очень много одного возраста. У всех маленькие дети. Вот я говорю, что мы строили качели, лавочки, и мы очень сдружились. (Ж, 55 лет, проживает в Ясеневе 42 года)

Наличие общего двора внутри микрорайона вместе с необходимостью его совместного обустройства влияли и продолжают влиять на формирование сообществ — в основном детских и подростковых, так как именно они являются основными постоянными пользователями дворовых пространств. Как и в других районах Москвы [Григорян, 2013], важным критерием территориальной дифференциации становится деление по школам, однако ввиду объединения последних в укрупненные образовательные комплексы подобное деление в некоторой степени теряет свою значимость. Тем не менее с самого момента застройки территории важную роль в формировании локальной идентичности играет разделение территории по замкнутым микрорайонам, именуемым в Ясеневе «штатами» (рис. 1, 2).

А очень просто, «штаты» разделялись улицами. <...> То есть, как правило, «штатами» считались такие места — переходишь через улицу крупную, и ты в другом «штате». Все очень

Рис. 1. Планировочная структура района – «штаты» Ясенева (изображение дополнено авторами)

Источник: <https://web.archive.org/web/20161030083727/http://www.panoramio.com/photo/107604294>, CC BY 3.0.

Также респонденты выделяют «хозяйское», заботливое отношение жителей их района к общественным территориям, участие в общественных слушаниях, районных мероприятиях:

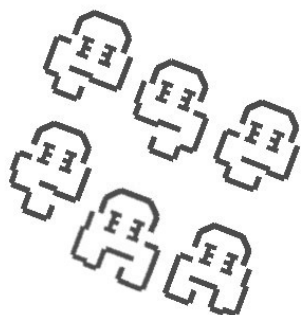

Рис. 2. Схематичное изображение «штатов» Ясенева

Источник: выполнено авторами.

Мне в Ясенева до всего есть дело, <...> ну, вот, условно говоря, вот идут люди, видят, не работает светофор, сразу берут телефон, кому-то звонят. Или не знаю, потерялась собака, значит, надо найти владельца собаки. Сломалось дерево от грозы — значит, надо что-то сделать с этим деревом. <...> Мы у себя дома и как-то вот свою жизнь пытаемся сделать лучше внутри своего дома, вот. <...> Когда у нас в районе проводятся какие-либо мероприятия общественные, будь то публичные слушания по какому-то проекту или встреча жителей, да, вот они, как правило, проводятся по одним и тем же адресам, это тоже приятный маршрут, потому что ты знаешь, что идешь на встречу с людьми, которые тоже в этом районе живут, это твои друзья. (М, 42 года, проживает в Ясенева 41 год)

«Объективное» представление о районе как существенно вовлеченном в миграционные процессы и, как следствие, характеризующимся низким уровнем самоидентификации жителей с его территорией не совпадает с «субъективным». Жители заботливо относятся к своему району, стремятся решать локальные проблемы силами местного сообщества; также в Ясенева существуют сложившиеся представления о структурном делении его территории. Особенности планировочной структуры и наличие «штатов» как элементов внутренней территориальной дифференциации района являются важными компонентами, формирующими общность его жителей.

Уникальность не уникального

Упоминание окраинного положения условного района обычно вызывает в восприятии негативные ассоциации, связанные с их «безликостью» [Вендина, 2012], удаленностью, изолированностью. Однако жители Ясенева видят его совсем иначе, и негативную коннотацию «периферийности» воспринимают как положительную. Многие жители признают, что поездка к центру города занимает у них достаточно много времени, однако после этого неизменно говорят про спокойствие и зеленое окружение.

просто. То есть практически четкие квадраты получаются. (М, 41 год, проживает в Ясенева с рождения)

Кстати, было в школе прям распространено: «А ты из какого „штата“? «А я из 17-го». С другого не то что района, но всегда была граница между «штатами». (Ж, 23 года, проживает в районе с рождения)

С точки зрения человека, который не проживает на территории конкретного микрорайона, он представляется замкнутым пространством, и этот человек, скорее всего, обойдет его по улицам. С позиции же жителя «штата» последний не является замкнутым: практически все объекты сферы услуг, в особенности повседневного спроса, располагаются с внешней стороны массива, поэтому наиболее обжитая территория ограничивается улицами, окружающими данный массив.

Смотрите, я живу в Москве. До любого объекта в центре города — музея или еще что-то там — мне минут 40, максимум 45 ехать. Вышел из дома — 5–7 минут до метро. До того же парка, спортплощадки тоже это же время. 7 там, 10 минут. (М, 70 лет, проживает в Ясенево 40 лет)

Интересно также отметить, как изменилось представление о положении района в городском пространстве после присоединения территории Новой Москвы. Последняя «переместилась» Ясенево существенно ближе к географическому центру столицы, что осмысливается некоторыми информантами как повышение степени «центральности» района и в остальных смыслах данного понятия.

Сейчас, когда он растет на юго-запад, Ясенево стало почти центром города. (Ж, 42 года, проживает в Ясенево 12 лет)

Еще одной важной особенностью, формирующей идентичность района, является его застройка. Построенный по проекту архитектора Я. Белопольского, район обладает несколькими отличительными чертами.

Первая черта — это то, что мы назвали, это простор. Вторая отличительная <...> черта — это то, что район, как я сказал, он при строительстве был вписан в природный ландшафт. То есть здесь перепад местности, он сохранен, никакие площадки не выравнились, вот все вот как оно было, так оно и осталось, но с построенными домами. Это редкость на самом деле для Москвы, потому что везде ландшафт приспособляется под стройку, подгоняется, насыпается, выравнивается. Здесь это было сохранено. Еще отличительная черта — это наш район со всех сторон окружен лесом. (М, 42 года, проживает в Ясенево 41 год)

Наличие значительного перепада высот привело к созданию нового рисунка зданий, располагающихся вдоль горизонталей, закручивающихся в кольцо разной этажности и создающих ветровую тень, в которой располагаются школы и детские сады. Специфический характер застройки — особенность Ясенева не только в «физическом», но и в «ментальном» пространстве.

Да, мне очень нравится вот эта наша подковка. Я такого нигде не видела. Когда издалека открываешь карту, приближаешь, видишь этот овалычик — «о, вот оно, вот оно, мое Ясенево». (Ж, 42 года, проживает в Ясенево 12 лет)

Особые условия «изолированности», проявляющиеся в виде «зеленых» барьеров, особенности рельефа и планировочной структуры позволяют этому району выделяться среди других периферийных городских территорий, иметь уникальные черты и свой собственный характер. Территория района освоена его жителями, осознана, прожита и не может быть поставлена в одну линейку с любыми другими — «обычными», «серыми» или «типовыми» районами. «Объективные» же характеристики, связанные с показателями обеспеченности коммерческими и социальными услугами, присваивают Ясенево статус периферийного и «спального» района.

Заключение: репрезентация Ясенева в контексте московской периферии

Подведем итоги изучения расхождений, возникающих при сопоставлении «объективных» и «субъективных» характеристик, присущих Ясенево. «Объективно» стареющее население района до сих пор воспринимается «молодым». Наиболее важный локальный идентификатор на момент постройки района — его «молодость» — надолго сохранил ведущую роль, несмотря на изменившийся контекст. Такое явление Д. Замятин [Замятин, 2017] называет временным лагом географического образа: образ меняется медленнее, чем объект, относительно которого сформирован образ. Район воспринимается зеленым, но причиной тому является не обилие озеленения внутри застроенной части района, а высокая степень интеграции окружающих район парков в повседневную активность горожан. Район, потенциально неблагоприятный для формирования и развития локальных сообществ в силу особенностей как демографической, так и архитектурно-планировочной специфики, отличается наличием сравнительно раз-

витой локальной общности. Наконец, территория, расположенная на окраине города и обладающая выраженной изолированностью от других его территорий, не «воспринимает» себя в контексте системы центрально-периферийных отношений общегородского уровня, а «создает» собственную репрезентацию подобной системы.

Каковы возможные причины отличий «объективной» и «субъективной» репрезентаций? В первую очередь таковой оказывается символическая насыщенность культурного ландшафта Ясенева. Как можно заметить из цитат глубинных интервью, несмотря на сравнительно небольшой исторический период существования района, накоплен существенный объем символического капитала. Современные репрезентации района во многом базируются на системе ценностей его первых жителей, причем это характерно даже для тех, кто стал жить в Ясеневе сравнительно недавно. Отдельные уникальные особенности восприятия района, представленные в трех первых кейсах, формируют обобщенное представление об уникальности его локального контекста, которое, в свою очередь, преобразуется в формат идентичности. Когда данная «уникальность» переносится в восприятие положения района в контексте города в целом, она приводит к искажению его видения и способствует образованию вышеописанных расхождений (морфологическая трансформация образа [Замятин, 2017]).

Во-вторых, важную роль в процессе репрезентации местными жителями положения своего района в городском пространстве играет различие в степени осведомленности о районе своего проживания и других городских территориях. С точки зрения местного жителя, далеко не весь «панельный бублик» Москвы, как его охарактеризовал В.Л. Каганский, является абсолютно одинаковым еще и по этой причине. Как минимум в его составе есть некая территория непосредственного проживания человека, связанная с его повседневной деятельностью, и все остальное пространство, осмысляемое им в меньшей степени. В Ясеневе, представляющем собой отдельный жилой массив, окруженный физическими барьерами, данное пространство повседневности вполне логично замыкается внутри района, а в самом районе — внутри «штата». Это облегчает для местного жителя идентификацию дихотомии между «своей» (осмысляемой) и «чужой» (неосмысляемой) городской территорией и способствует субъективному изменению репрезентации пространственного положения Ясенева.

Полученные результаты могут использоваться при изучении аспектов формирования локальной идентичности районов, располагающихся на периферии города Москвы и, возможно, периферийных зон иных городов бывшего СССР, символическому потенциалу культурного ландшафта которых было также уделено сравнительно мало внимания. Практическое использование полученных результатов может быть достигнуто при задействовании данных наработок для геокультурного брендинга территории или работы с местными сообществами.

Источники

- Аларушкина С.А. и др. (2019) Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 11. № 20. С. 133–163.
- Григорян Ю.Э. (ред.) (2013) Археология периферии. Мультидисциплинарное исследование. М.: МУФ.
- Вендина О.И. (2012) Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 27–39.
- Высоковский А.А. (2008) Визуальные образы городской среды. Москва: Локус Станди.
- Высоковский А.А. (2006) Стратегия пространственного развития и культура города // Городской альманах. Вып. 2. М.: Фонд «Институт экономики города». С. 109–113.
- Глушкова В.Г. (2008) Москва: от центра до окраин. М.: Вече.
- Гутнов А.Э. (1984) Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат.
- Замятин Д. (2017) Культура и пространство. Моделирование географических образов. Litres.
- Каганский В. (2018) Эксклюзив о московском «бублике» от теоретика-географа // Семь искусств. Т. 97. № 4.
- Каганский В.Л., Новиков А.В. (1989) Новый метод выделения существенных признаков для разработки региональных классификаций // Известия АН СССР. Серия географическая. № 1. С. 112–119.
- Калашников Н. (2002) Москва. Окраины // Логос. № 3–4. С. 135–144.
- Линч К. (1982) Образ города. М.: Стройиздат.
- Митин И.И. (2011) На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. № 1. С. 62–73.

- Митин И.И. (2012) На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века//Псковский регионологический журнал. № 13. С. 3–11.
- Пузанов К., Степанцов П. (2014) «Механика Москвы. Исследование городской среды». Московский институт социально-культурных программ.
- Рагулина М.В. (2004) Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН.
- Рагулина М.В. (2015) О синтезе гуманитарных и естественнонаучных подходов в исследовании культурного ландшафта//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 1. С. 7–13.
- Саид Э. (2006) Ориентализм. СПб.: Русский Мирь, 2006.
- Смирнягин Л.В. (1989) Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль.
- Снопек К. (2013) Беляево навсегда: сохранение непримечательного. М.: Strelka Press.
- Стрелецкий В.Н. (2002) Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии//Известия. Российской Академии Наук. Серия географическая. № 4. С. 18–28.
- Стрельникова А.В. (2018) Смыслы жизни, укорененные в пространстве: ностальгическая идентичность жителей «заводских» районов//Смыслы жизни российской интеллигенции/Д.Г. Цыбикова (сост.), Ж. Тощенко (ред.). М.: РГГУ. С. 275–280.
- Шляховая А.А., Дохов Р.А. (2018) Дворулица: перезапуск периферии постсоциалистического города//Городские исследования и практики. Т. 3. № 1. С. 40–62.
- Brace C. (2003) Landscape and Identity//Studying Cultural Landscapes/P.R. Robertson (ed.). London: Arnold Publishers. P. 121–140.
- Cosgrove D. (1998) Social Formation and Symbolic Landscape (2nd Edition). Madison: Wisconsin University Press.
- Giuliano G., Small K.A. (1991) Subcenters in the Los Angeles Region//Regional Science and Urban Economics. Vol. 21. No. 2. P. 163–182.
- Friedmann J. (1967) A General Theory of Polarized Development. Santiago: Ford Foundation.
- Friedmann J., Alonso W. (1964) Regional Development as a Policy Issue//Regional Development and Planning. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Friedmann J. (1966) Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press.
- McMillen D.P., Smith S.C. (2003) The Number of Subcenters in Large Urban Areas//Journal of Urban Economics. Vol. 53. No. 3. P. 321–338.
- Meining D.W. (1956) Heartland and Rimland in Eurasian History//Western Humanities Quarterly. Vol. 9. No. 3. P. 553–569.
- Parker G. (1998) Geopolitics: Past, Present and Future. Washington: Pinter, 1998.
- Pelc S. (2006) Geographical Marginality in Slovenia from the Point of Demographical Indicators//Revija Za Geografijo. Vol. 2–1. P. 121–131.
- Pileček J., Jančák V. (2011) Theoretical and Methodological Aspects of the Identification and Delimitation of Peripheral Areas//Acta Universitatis Carolinae. Geographica. Vol. 46. No. 1. P. 43–52.
- Robertson I., Richards P. (2003) Introduction//Studying Cultural Landscapes/I. Robertson, P. Richards (eds.). London: Arnold Publishers. P. 1–18.
- Rowntree L.B., Conkey M.W. (1980) Symbolism and Cultural Landscape//Annals of The Association of American Geographers. Vol. 70. No. 4. P. 459–474.
- Sauer C.O. (1963) The Morphology of Landscape//Land and Life/J. Leighly (ed.). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. P. 315–350.
- Spykman N.J. (1944) The Geography of The Peace. New York: Harcourt, Brace and Company.

ALEKSANDR MIKHAYLOV, ALSU FATEHOVA,
VARVARA MOLODTSOVA

PERCEPTION AND REPRESENTATION OF THE MOSCOW PERIPHERY: A CASE STUDY OF YASENEVO¹

Aleksandr A. Mikhaylov, Master in Urban Planning (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development), HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russian Federation; research assistant, Council for Productive Forces of VAVT of Ministry of Economic Development of Russia; 7 Vavilova Street, Moscow, 101000, Russian Federation, tel.: +7 985 975 08 79

E-mail: aamikhaylov_5@edu.hse.ru

Alsu H. Fatehova, Master in Urban Planning (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development), HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russian Federation, tel.: +7 917 588 55 69

E-mail: afatehova@gmail.com

Varvara A. Molodtsova, Master in Urban Planning, junior research fellow, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russian Federation, tel.: +7 916 481 69 44

E-mail: vmolodtsova@hse.ru

Abstract

The peripheral districts of Moscow are ambiguously perceived by residents in terms of communication with the city center. The residential identification of their district in the city as a center-peripheral system is distorted under the influence of the features of the local context. Using the example of Yasenevo district, this article answers the following questions: what are the differences between the representation of the district by its residents and the conditionally objective characteristics of its socio-economic situation? What are the possible reasons for these differences?

The research paper provides a better understanding of a number of significant differences in the socio-economic characteristics of Yasenevo's location on the edge of the city and their perception. Considerably the most significant reasons for these differences are the historical context of the area's development and the existing subjective perceptions of residents about Yasenevo as a young and green district, which are only partially confirmed by statistics. Because of its location and partial isolation, the district is not perceived by residents as an urban periphery in the context of city-wide central-peripheral relations, but represents a similar system itself due to its unique planning structure.

Key words: cultural geography; place identity; periphery; regional syndrome method; perception of periphery

Citation: Mikhaylov A., Fatehova A., Molodtsova V. (2019) Perception and Representation of Moscow Periphery: A Case Study of Yasenevo. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 59–72 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201959-72>

¹ The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019 (grant no. 19-04-052) and by the Russian Academic Excellence Project "5-100".

References

- Alarushkina S.A. et al. (2019) Uvidet' nevidimoe: v poiskah lokal'noj identichnosti rajona Yasenevo v Moskve [To see the invisible: in search of the local identity of the Yasenevo district in Moscow]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation], vol. 11, no 20, pp. 133–163. (in Russian)
- Brace C. (2003) Landscape and identity. *Studying Cultural Landscapes*/P.R. Robertson (ed.). London: Arnold Publishers, pp. 121–140.
- Cosgrove D. (1998) Social formation and Symbolic Landscape (2nd edition). Madison: Wisconsin University Press.
- Giuliano G., Small K.A. (1991) Subcenters in the Los Angeles region. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 21, no 2, pp. 163–182.
- Glushkova V.G. (2008) Moskva: ot centra do okrain [Moscow: from center to the outskirts]. M.: Veche. (in Russian)
- Grigoryan Yu.E. (ed.). (2013) Arheologiya periferii. Mul'tidisciplinarnoe issledovanie [Archaeology of periphery: multy-disciplinary research]. M: MUF. (in Russian)
- Gutnov A.E. (1984) Evolyuciya gradostroitel'stva. [Evolution of urban development] M.: Strojizdat. (in Russian)
- Friedmann J. (1967) A general theory of polarized development. Santiago: Ford Foundation.
- Friedmann J., Alonso W. (1964) Regional Development as a Policy Issue. *Regional Development and Planning*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Friedmann J. (1966) Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press.
- Kaganskij V.L., Novikov A.V. (1989) Novyj metod vydeleniya sushchestvennyh priznakov dlya razrabotki regional'nyh klassifikacij [A new method for highlighting significant features for the development of regional classifications]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Geographical Series], no 1, pp. 112–119. (in Russian)
- Kaganskij V. (2018) Eksklyuziv o moskovskom «bublike» ot teoretika-geografa. [Exclusive about the Moscow “donut” from the geographer-theorist]. *Sem' iskusstv* [Seven arts], no 4 (97). (in Russian)
- Kalashnikov N. (2002) Moskva. Okrainy. [Moscow. Outskirts]. *Logos*, no 3–4, pp. 135–144.
- Lynch K. (1982) Obraz goroda [Image of a city] M.: Strojizdat. (in Russian).
- McMillen D.P., Smith S.C. (2003) The number of subcenters in large urban areas. *Journal of Urban Economics*, vol. 53, no 3, pp. 321–338.
- Meining D.W. (1956) Heartland and Rimland in Eurasian History. *Western Humanities Quarterly*, vol. 9, no 3, pp. 553–569.
- Mitin I. I. (2011) Na puti k voobrazhaemoj geografii: dva povorota, tri prostranstva [On the way to imaginary geography: two turns, three spaces]. *Topos*, no 1, pp. 62–73. (in Russian)
- Mitin I. I. (2012) Na puti k regional'noj kul'turnoj geografii: opyt anglo-amerikanskih geografov XX veka [On the way to regional cultural geography: the experience of twentieth-century Anglo-American geographers]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Science Journal], no 13, pp. 3–11. (in Russian)
- Parker G. (1998) Geopolitics: Past, present and future. London; Washington: Pinter.
- Pelc S. (2006) Geographical Marginality in Slovenia from the Point of Demographical Indicators. *Revija za geografijo*, vol. 2–1, pp. 121–131.
- Pileček J., Jančák V. (2011) Theoretical and Methodological Aspects of the Identification and Delimitation of Peripheral Areas. *Acta Universitatis Carolinae. Geographica*, vol. 46, no 1, pp. 43–52.
- Puzanov K., Stepancov P. (2014) Mehanika Moskvy. Issledovanie gorodskoj sredy [The mechanics of Moscow. Urban Survey]. Moskovskij institut socialno-kulturnyh program [Moscow Institute of socio-cultural programs]. (in Russian)
- Ragulina M.V. (2004) Kulturnaya geografiya: teorii, metody, regionalnyj sintez [Cultural geography: theories, methods, regional synthesis]. Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii SO RAN [Publishing of the Institute of Geography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences]. (in Russian)
- Ragulina M.V. (2015) O sinteze gumanitarnyh i estestvennonauchnyh podhodov v issledovanii kulturnogo landshafta [On the synthesis of humanitarian and natural science approaches in the study of cultural landscape]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 1. pp. 7–13. (in Russian)
- Robertson I., Richards P. (2003) Introduction. *Studying Cultural Landscapes*/I. Robertson, P. Richards (eds.). London: Arnold Publishers, pp. 1–18.
- Rowntree L.B., Conkey M.W. (1980) Symbolism and cultural landscape. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 70, no 4, pp. 459–474.
- Said E. (2006) Orientalizm [Orientalism]. SPb., Russkij Mir [The Russian world]. (in Russian)
- Sauer C.O. (1963) The morphology of landscape. *Land and Life*/J. Leighly (ed.). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, pp. 315–350
- Smirnyagin L.V. (1989) Rajony SShA: portret sovremennoj Ameriki [Regions of the United States: a portrait of modern America]. M.: Mysl. (in Russian)
- Snopek K. (2013) Belyaevu navsegda: sohranenie nepremechatelnogo [Belyaev forever: preservation of the unremarkable]. M.: Strelka Press. (in Russian).
- Spykman N. J. (1944) The Geography of the Peace. New York.

- Streleckij V.N. (2002) Geograficheskoe prostranstvo i kultura: mirovozzrencheskie ustanovki i issledovatel'skie paradigmy v kulturnoj geografii [Geographical space and culture: worldviews and research paradigms in cultural geography]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], no 4, pp. 18–28. (in Russian)
- Strelnikova A.V. (2018) Smysly zhizni, ukorenennye v prostranstve: nostalgicheskaya identichnost zhitelej "zavodskih" rajonov [Sense of life, rooted in space: the nostalgic identity of the inhabitants of the "factory" areas]. *Smysly zhizni rossijskoj intelligencii* [Sense of life of the Russian intelligentsia]/ D.G. Cybikova (comp.), Zh. Toshenko (ed.). M.: RGGU, pp. 275–280. (in Russian)
- Shlyakhovaya A., Dokhov R. (2018) Dvorulitsa (Yardstreet): A Reboot Method for the Semi-Periphery of a Post-Socialist City. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 1, pp. 40–62. (in Russian)
- Vendina O.I. (2012) Moskovskaya identichnost' i identichnost' moskvichej. [The Moscow identity and the identities of the Muscovites]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], no 5, pp. 27–39. (in Russian)
- Vysokovskij A.A. (2008) Vizual'nye obrazy gorodskoj sredy [Visual images of the urban environment]. Moskva: Lokus Standi. (in Russian)
- Vysokovskij A.A. (2006) Strategiya prostranstvennogo razvitiya i kul'tura goroda [Strategy of spatial development and urban culture]. *Gorodskoj al'manah* [Urban almanac]. The 2nd edition. M.: Fond «Institut ekonomiki goroda» [Institute of city economics], pp. 109–113. (in Russian)
- Zamyatin D. (2017) Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov [Culture and space. Modelling of geographic images]. Litres. (in Russian)

А.В. РУСАНОВ

«ДАЧНЫЕ ГОРОДА» СЕВЕРНОГО ПОДМОСКОВЬЯ: РОЛЬ СЕЗОННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Русанов Александр Валерьевич, инженер Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Российская Федерация, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, тел.: +7 903 237 06 53

E-mail: rusanovmsu@gmail.com

Одной из основных особенностей крупных городов во многих странах мира является наличие вокруг них временно обитаемых поселений, в которых расположены «вторые дома» горожан, используемые сезонно или эпизодически, чаще всего для досуга и отдыха от городской суеты. В России такие поселения представлены в основном садоводческими некоммерческими товариществами (СНТ), участки с домами в которых традиционно называют дачами. В данной работе рассматриваются рекреационно привлекательные северные районы Московской области, где на территории бывших торфоразработок сформировались «дачные города», численность населения в которых летом значительно превышает численность постоянного населения окрестных населенных пунктов. Пример «дачных городов» иллюстрирует особенности хозяйственного взаимодействия города и его окрестностей. Земли, на которых в первой половине прошлого века велись торфоразработки для энергообеспечения Москвы, после перехода электростанций на природный газ были сохранены в хозяйственном обороте благодаря усилиям дачников, рекультивировавших их. При этом роль земельных участков продолжает меняться: выделяясь изначально горожанам как место для ведения подсобного хозяйства, они переросли свое продовольственное назначение и в настоящее время используются преимущественно для отдыха. По своим характеристикам «дачные города» существенно отличаются от окружающей сельской местности, а с хозяйственной точки зрения они фактически становятся драйверами для локальной экономики. Местные жители находят работу в сфере услуг: в «дачных городах» наряду со строительным и продовольственным рынками возникают летние кафе и фастфуды, что то является внешним проявлением городского образа в жизни в постиндустриальном обществе с его возрастающей ролью сферы услуг, традиционно слабо развитой на селе, и свидетельствует о трансляции сезонным дачным населением городского образа жизни в сельскую местность.

Ключевые слова: дача; «второй дом»; «дачный город»; «дачный конгломерат»; дачное расселение; дачная субурбанизация; сезонное население

Цитирование: Русанов А.В. (2019) «Дачные города» северного Подмоскovie: роль сезонного населения в трансформации сельской местности // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 73–85. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201973-85>

Введение

«Дача»... одно это слово способно навевать жителю России множество воспоминаний. Как позитивных, ассоциирующихся с клубнично-помидорным детством и шашлычно-мангальной юностью, так и негативных, связанных с бесконечным ремонтом дома, грядками и т. д. За три века существования российских дач они превратились из вознаграждения за особые заслуги в полноценный элемент социально-экономического развития, отражающий общественные потребности на макро- и микроуровне.

Однако дача — не только российское явление. Подобные поселения существуют во многих странах, отражая национальные особенности расселения и образа жизни. В научной литературе нет единого определения дач, в англоязычных статьях чаще всего встречаются термины *cottage*, *holiday home*, *leisure home*, *recreational home*, *summer home*, *summer house*, *vacation home*,

weekend home, cabin, которые объединяются общим названием “*second homes*” — «вторые дома», используемые сезонно или эпизодически, чаще всего для досуга и отдыха [Rusanov, 2019]. Этот классификационный признак позволяет определить основные типы дачных районов [Нефедова, Аверкиева, Махрова, 2016]:

- пригородный — места скопления «вторых домов» вокруг городов;
- рурально-периферийный — «вторые дома», оставляемые прежними владельцами в сельской местности наследникам и покупателям, проживающим в городах;
- курортный — прежде всего в туристических районах.

Согласно этой классификации, в Подмоскowie можно выделить два типа дачных районов — пригородный и рурально-периферийный, которые представлены сегодня садоводческими некоммерческими товариществами (СНТ), сезонно обитаемыми деревнями с унаследованными или купленными горожанами домами, и коттеджными поселками. Хотя формально все эти поселения можно отнести к типу дачных, у них есть заметные различия, связанные с расположением на территории области, инфраструктурой поселений, комфортностью жилья, демографическими характеристиками и т. д., которые и определяют их роль в развитии столицы и области. В городских квартирах и на дачах проживает одно и то же население, которое не просто переносит в сельскую местность городской образ жизни, но иногда даже и визуально модифицирует пространство. Это хорошо видно на примере северных районов Московской области, где некоторые дачные поселения расположены и организованы таким образом, что формируют своеобразные «дачные города» («дачные конгломераты»).

В связи с этим возникает вопрос о роли «дачных городов» в трансформации сельской местности, расположенной достаточно далеко от административных границ столицы. Актуальность такого исследования обусловлена тем, что оно рассматривает влияние новых типов поселений («дачных городов») на современные процессы урбанизации. «Вторые дома» в настоящее время стали важным элементом хозяйственного освоения, который способствует изменению форм мобильности населения (в частности, регулярных поездок между городом и дачными поселениями, совершаемых горожанами), а также развитию отношений между центром и периферией на разных уровнях.

Число научных исследований, рассматривающих дачу как социально-географический феномен, в последние годы растет, но остается сравнительно небольшим, прежде всего из-за «промежуточного», двойственного, сельско-городского характера дачных поселений и отсутствия репрезентативных источников информации. Данная работа направлена на восполнение этого пробела в той части, которая касается изменения отраслевой сельскохозяйственной доминанты районов Московской области в результате структурной модернизации хозяйства и соответствующей демографической реакции на нее. Для рассмотрения выбраны два смежных городских округа, расположенных на севере Московской области: Дмитровский (с 02.07.2018 — город областного подчинения Дмитров¹ с административной территорией) в среднем Подмоскowie и Талдомский (с 30.07.2018 — город областного подчинения Талдом² с административной территорией) в дальнем Подмоскowie.

Источники данных

Одна из основных проблем в изучении дачного расселения в России связана с недостатком данных: поскольку жители дачных поселений не отражаются в официальной статистике (в отличие от традиционного сельского и городского населения), то наряду со Всероссийской сельскохозяйственной переписью, позволяющей получать информацию с десятилетней периодичностью, приходится использовать косвенные данные — схемы территориального планирования, электоральные списки, тематические базы данных, интернет-форумы и т. д. Значительное внимание дачным поселениям уделяют агентства недвижимости, которые хотя и осуществляют прикладной анализ рынка загородного сезонного жилья, однако не пытаются выявить причинно-следственные связи между социально-экономическим развитием региона и перспективами «вторых домов».

1 50 км от МКАД, 65 км по Савеловскому направлению Московской железной дороги.

2 90 км от МКАД, 111 км по Савеловскому направлению Московской железной дороги.

Для выявления особенностей развития «вторых домов» необходимо выделить причины владения ими. Мы используем для этого два исследовательских подхода. Первый, условно количественный, направлен на изучение социально-демографических характеристик владельцев «вторых домов», он объясняет рост числа дач изменениями структуры населения в результате урбанизации и роста благосостояния. Здесь применяются в основном количественные методы, основанные на статистических данных, полученных из разных, в том числе вторичных, социологических источников. Второй подход, условно качественный, предполагает использование первичной социологической информации, позволяющей выявить субъективные мотивы владения вторым жильем (эмоциональное восприятие окружающей природы, значение личной собственности, традиции проведения свободного времени, образ жизни, специфика потребления и т.д.). Эта информация может быть получена из опросов пользователей дач. Таким образом, основными источниками данных о дачах («вторых домах») в Подмоскovie являются:

- Всероссийская сельскохозяйственная перепись (2006, 2016);
- Реестр дачников (Московская область);
- базы данных риелторов и девелоперов;
- спутниковые снимки (Google maps, Yandex maps и т.д.);
- опросы, интервью, экспертные оценки;
- электоральные списки.

Такое разнообразие зачастую плохо сопоставимых источников приводит к необходимости дополнять их результатами социологических исследований, полученных при помощи полевых опросов и вторичного контент-анализа.

Изучение статистической, социологической и картографической информации позволяет предположить, что дачные поселения в Московской области неоднородны, они образуют кластеры, то есть концентрированные скопления дачных участков, которые оказывают заметное влияние на развитие территории как минимум на локальном уровне. По своим социально-демографическим характеристикам эти «дачные города» («дачные конгломераты») дальнего и среднего Подмоскovie существенно отличаются от сельской местности, в которой расположены, а с хозяйственной точки зрения они фактически становятся «точками роста». Общими чертами «дачных городов» является их обширная площадь (до нескольких гектаров), территория, охватывающая десятки садоводческих объединений, планировка, стандартизированная по нормам времени отведения этих земель (1960–1980 гг.). Кроме того, общими являются стабильная транспортная связь с ближайшей железнодорожной станцией, наличие современных объектов торговли и общественного питания, функционирующих круглый год или большую его часть, развитая инженерная инфраструктура, а также своеобразные «органы объединенного самоуправления», связывающие дачников с социальной и хозяйственной инфраструктурой района. Социально-демографическая специфика «дачных городов» состоит в том, что их жители, с одной стороны, ценят свое дачное жилье, готовы проживать и иногда даже проживают в нем круглый год, но при этом не только не теряют связи со столицей, но и принимают активное участие в ее жизни. Здесь сформировался особый социум, в целом не свойственный сельской местности, но по некоторым характеристикам (например, садово-огородная деятельность) более близкий к ней, а не к городу.

Дачи в научных исследованиях

Особенности пространственной организации общества находятся в фокусе современных научных исследований, представляя собой междисциплинарное поле на стыке географических, социальных, исторических и других наук. В этом смысле российские дачи как специфическая форма сезонного размещения населения интересовала даже классиков отечественной литературы, которые отмечали некоторые социально-экономические и географические аспекты возникновения «вторых домов». Уже в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехова показано, что представление о даче связано не только с ее местонахождением в пределах транспортной доступности от крупного города, но и с альтернативами использования этой территории с соответствующим изменением ландшафта и образа жизни. Современные российские исследования дач отличает комплексный подход, учитывающий контексты географии насе-

ления, пространственной организации общества, социально-экономической модернизации и архитектуры поселений. В работах Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша, А.К. Махровой, Л. Бухараевой, М. Марло, А.А. Высоковского, И.О. Щепетковой и др. исследователей рассматриваются не только окрестности столиц, но все территории, достигшие соответствующей стадии урбанизации (пригороды Владимира, Нижнего Новгорода, Казани, Перми, Кирова, Челябинска и т. д.).

За рубежом исследовать «вторые дома» начали в первой половине XX века, в 1970-е годы с широким распространением в Европе и Америке поднялась новая волна интереса к их изучению. Наиболее важной темой здесь стало выявление особенностей расположения «вторых домов» и их влияния на окружающие поселения. После некоторого спада интерес к проблеме второго жилья в 1990-е годы стал снова расти, что было обусловлено и количественным ростом, и качественными переменами, связанными с возникновением новых форм потребления и мобильности [Hall, Müller, 2004]. В настоящее время исследования чаще всего посвящены конфликтам и интеграции владельцев «вторых домов» в местные сообщества, ценности, в том числе инвестиционной, «вторых домов» для их владельцев, экономическим последствиям феномена «вторых домов» для туристических районов и интернационализации явления в объединенной Европе — «вторым домам» за рубежом. Тема «вторых домов» стала актуальной и для прикладных исследований, особенно в трех междисциплинарных областях: туризма и отдыха (*tourism studies, leisure studies*), сельских (*rural studies*) и жилищных исследований (*housing studies*) [Müller, 2011; Paris, 2014].

Влияние «вторых домов» на местные сообщества приводит к формированию постаграрной сельской местности (*post-productivist countryside*), для которой сельскохозяйственное производство теряет ведущую роль в организации территорий [Hoogendoorn, 2009] и где происходит процесс переноса городских элементов в сельские сообщества за счет сезонных или постоянных миграций (*amenity migration*) [McCarthy, 2008]. Для Подмосковья такие прикладные исследования чрезвычайно важны, поскольку территория области развита неравномерно: налицо как высокоурбанизированные городские округа, так и сельские муниципальные районы, где почти нет городского населения, но дачные поселения есть везде.

Дачи в центрo-периферийных отношениях

Рост городов и концентрация населения и его деятельности в отдельных очагах приводят к формированию центров и периферии. Показателем периферийности обычно служит физическая удаленность от некоторого центра — столицы государства, региона, крупного центра, города, а возникновение периферии обусловлено поляризацией пространства и дифференциацией в степени социально-экономического развития его частей.

Центро-периферийные отношения проявляются на различных уровнях:

- мелкомасштабный уровень — как периферия внешняя, то есть регионы и города, удаленные от столицы государства;
- среднемасштабный уровень — как периферия внутрирегиональная (районы и небольшие города внутри регионов, удаленные от их центров);
- крупномасштабный уровень — как периферия локальная (сельские территории, удаленные от городов) [Нефедова, 2008].

В России на региональном уровне центрo-периферийные связи формируются прежде всего внутри городских агломераций. С одной стороны, неравномерность в распределении рабочих мест, учебных заведений, учреждений культуры и досуга, усугубляющаяся монофункциональностью сельской местности и особенностями сельхозпредприятий, оказавшихся после распада СССР неготовыми к рыночной экономике, вынуждает многих жителей села совершать маятниковые миграции. С другой стороны, обратный поток формируют дачники, стремящиеся покинуть город и провести некоторое время (выходные, отпуск, теплый сезон) на своих участках. Это характерно не только для столичных, но и региональных центров, причем количество дачников коррелирует с численностью населения этих городов: из первой десятки регионов-лидеров по площади некоммерческих объединений дачников лишь Иркутск и Тюмень не являются городами-миллионниками (табл. 1).

Таблица 1. Регионы-лидеры по площади некоммерческих объединений дачников в России

	Регион	Площадь, тыс. га
1	Московская область	135,1
2	Ленинградская область	67,4
3	Свердловская область	43,1
4	Красноярский край	31,2
5	Республика Башкортостан	30,4
6	Челябинская область	29,9
7	Иркутская область	26,7
8	Тюменская область	26,0
9	Самарская область	25,9
10	Новосибирская область	25,7

Источник: составлено автором по результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи-2016.

В организации садово-дачных образований, то есть коллективных садоводческих, огороднических и дачных объединений граждан, прослеживается несколько территориальных уровней и типов расположения относительно населенных пунктов, на каждом из которых формируются особые территориальные общности людей [Щенеткова, 2018]. Это обуславливает разный формат взаимоотношений садово-дачных образований как друг с другом, так и с внешней средой (местным населением и администрацией, окружающей территорией), создавая возможности диверсификации механизмов управления территорией.

Дачи в Московской области

До 2019 г. в России существовало девять возможных юридических форм объединений дачников (дачное некоммерческое партнерство, садовое товарищество и т.д.), что затрудняло их учет и типологию. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ помог решить эту проблему: остались только две организационно-правовые формы некоммерческой организации, создаваемой гражданами для ведения садоводства или огородничества:

- Садоводческие некоммерческие товарищества (СНТ). Объединение владельцев садовых земельных участков, предназначенных для отдыха граждан и выращивания гражданами для собственных нужд сельскохозяйственных культур с правом размещения садовых домов, жилых домов, хозяйственных построек и гаражей.

- Огороднические некоммерческие товарищества (ОНТ). Объединение владельцев садовых земельных участков, предназначенных для отдыха граждан и выращивания гражданами для собственных нужд сельскохозяйственных культур с правом размещения хозяйственных построек, не являющихся объектами недвижимости, предназначенных для хранения инвентаря и урожая сельскохозяйственных культур.

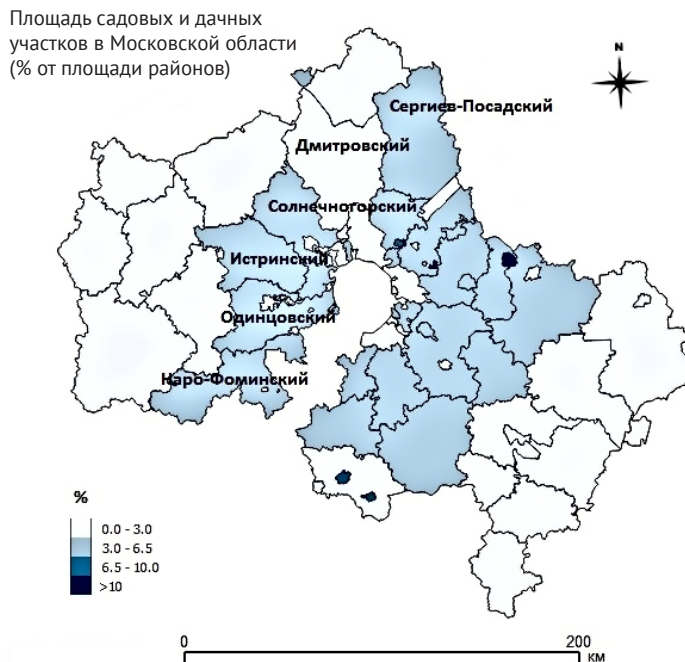
В новом законе отсутствует упоминание о дачах и дачных некоммерческих товариществах (ДНТ) — фактически они приравниваются к садовым участкам.

Основными источниками данных о дачах в Московской области является Реестр дачников Московской области⁴, который ведется с 2016 г. и регулярно обновляется, а также Всероссийская сельскохозяйственная перепись, которая проводится раз в 10 лет начиная с 2006 года. Оба этих источника незначительно расходятся в оценке общей численности дачных поселений:

³ См.: <https://rg.ru/2017/07/30/fz217-site-dok.html>.

⁴ Реестр дачников Московской области: <http://data.mosreg.ru/opendata/7725131814-reestr-dachnikov>.

по Реестру в Московской области насчитывается 11 637 подобных объединений, по переписи — 11 798. Из них СНТ — 10 468 (88,7%), ДНТ — 1240 (10,5%) (перепись проводилась до принятия нового закона), ОНТ — всего 90 (0,8%) [Всероссийская..., 2017].

Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap

Рис. 1. Площадь, занимаемая садовыми и дачными участками в Московской области

Источник: составлено автором по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи-2016 и Реестра дачников Подмосковья.

По оценкам исследователей, сеть сезонного дачного расселения Московской области включает более 7 тыс. поселков вне границ официальных населенных пунктов, что на 20% превышает общее число сельских поселений [Махрова и др., 2016]. Площадь сезонных поселений может достигать 4–6% от общей площади районов и городских округов в ближнем Подмосковье, сокращаясь по мере удаления от границ столицы до 3%. Исторически преобладают северные и западные направления (рис. 1), где сосредоточена треть дачных поселений: это Истринский (673–5,7%), Дмитровский (663–5,6%), Наро-Фоминский (640–5,4%), Солнечногорский (640–5,4%), Одинцовский (615–5,2%) и Сергиево-Посадский (602–5,1%) городские округа [Всероссийская..., 2017]. Косвенные данные мобильных операторов подтверждают данный тренд: наиболее сильно градиент между летним и зимним населением выражен именно в западном и северном секторах Московской области [Махрова, Бабкин, 2018].

Основной проблемой подмосковных СНТ является неразвитая инфраструктура, прежде всего транспортная. По данным Министерства транспорта и дорожной инфраструктуры Московской области, лишь 20% подъездных дорог к дачным и садоводческим товариществам находятся в нормативном состоянии, в то время как 80% нуждаются в ремонте. Такая ситуация сложилась в связи с тем, что большинство подъездных дорог не имеют собственника, поэтому было принято решение передать бесхозные дороги в муниципальную собственность для проведения ремонта. Москва и Московская область подписали соглашение, регулирующее взаимодействие регионов в сфере социального, инфраструктурного и транспортного обеспечения СНТ и ОНТ, по которому в 2018–2020 годах город из своего бюджета выделит 3,3 млрд руб. на улучшение транспортной доступности дачных участков⁵.

Хорошая транспортная связь москвичей с дачами важна помимо прочего потому, что многие из них проживают на своих участках несколько месяцев в году или даже круглый год, одновре-

5 См.: <http://docs.cntd.ru/document/550899979>.

менно принимая активное участие в общественной жизни столицы. Об этом свидетельствовали, в частности, намерения находящихся на дачах москвичей принять участие в выборах мэра столицы, проходивших в сентябре 2018 года. Специально для дачников было организовано 200 загородных избирательных участков, соответствовавших необходимым критериям: хорошая доступность для пешеходов и транспорта, наличие не менее 1000 москвичей в радиусе двух километров (рис. 2). Таких было 174 в Московской области, 26 в соседних — Калужской (16), Тульской (5) и Владимирской (5) областях⁶.

Открытие загородных избирательных участков является одним из косвенных свидетельств «стационаризации» сезонного жилья, в котором некоторые москвичи в течение года живут больше, чем в своих городских квартирах. В качестве таких свидетельств можно также рассматривать наличие работающих в круглогодичном режиме строительных рынков и продуктовых магазинов, так как они указывают на присутствие дачного населения, способного обеспечить спрос даже в холодное время года.

В ряде районов Московской области сформировались поселенческие объединения, в которых на относительно небольшой территории могут соседствовать несколько десятков СНТ, а численность сезонного населения — заметно превышать численность постоянного населения окрестных населенных пунктов. Такие объединения можно назвать «дачными городами», или «дачными конгломератами» (ДК), они создают импульс для развития локальной, а иногда и региональной экономики и характерны для пригородов многих крупных российских городов, в частности, Перми [Щепеткова, 2018].

Анализ распределения загородных избирательных участков позволил выделить четыре дачных конгломерата, в которых на относительно небольшой территории было расположено более трех избирательных участков. Все они обладают общей чертой: эти «дачные города» сформировались на территории бывших торфоразработок, которые исчерпали свой производственный потенциал и были сохранены в хозяйственном обороте благодаря усилиям дачников (см. рис. 2).

Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap

Рис. 2. «Дачные города» Московской области

Источник: составлено автором по результатам анализа распределения «дачных» избирательных участков по данным Мосгоризбиркома http://www.moscow_city.izbirkom.ru/.

⁶ Результаты выборов мэра Москвы 9 сентября 2018 года: http://www.moscow_city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=1&tvd=27720002197406&vrm=27720002197402&region=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720002197406&type=234. Составлен предварительный список мест размещения временных избирательных участков // Официальный сайт мэра Москвы 2 июля 2018 г.: <https://www.mos.ru/news/item/42240073/>.

Из выделенных четырех дачных городов в данной статье рассматриваются только находящиеся в северном Подмоскowie, которые, по предварительным исследованиям, отличаются от подобных на индустриальном востоке и юго-востоке области. Северное направление считается рекреационно-привлекательным благодаря наличию лесных массивов, водоемов, горнолыжных склонов для зимнего отдыха и транспортной доступности. (Савеловская железная дорога ориентирована на пригородные пассажирские перевозки, по ней не ходят поезда дальнего следования и незначителен объем грузовых перевозок, что снижает уровень шумового загрязнения.) При этом по сравнению с западным направлением для торфоразработок на севере Подмоскowie создавалась транспортно-инженерная инфраструктура (дороги, линии электропередач, связь), которая и используется для дачных поселений.

Дачи в Талдомском городском округе

Талдомский городской округ — самый северный административный район Московской области. Численность постоянного населения — 47 тыс. чел., большинство из них проживает в административном центре — г. Талдоме. Промышленность развита слабо и представлена в основном предприятиями легкой промышленности, наиболее известным из которых является фарфоровый завод, основанный в XVIII веке. В округе есть крупные залежи торфа, однако торфоразработки в настоящее время практически не ведутся. Талдомский округ известен прежде всего своими природно-рекреационными ресурсами. По территории района протекают реки Дубна и Хотча — правые притоки Волги, а также здесь находится канал имени Москвы. Более 50% территории района покрыто лесами. Широко известен заказник «Журавлиная родина».

Ввиду сочетания благоприятных природных условий, наличия свободных после торфоразработок земель, относительной транспортной доступности Талдомский городской округ весьма популярен среди дачников Подмоскowie. Согласно Реестру дачников Московской области, в округе насчитывается 310 СНТ с 39,6 тыс. земельных участков. Численность дачников в летний период может превышать численность постоянного населения округа минимум в несколько раз.

На территории городского округа между деревнями Бельское и Сорокино расположен дачный конгломерат, образованный в 1970-х годах на месте торфоразработок, где в настоящее время располагается более ста СНТ. Большинство из них объединены в три ассоциации садовых товариществ (АСТ): «Норд» — 45 СНТ, «Ветеран» — 37 и «Бель» — 17 СНТ. В рамках исследования у председателя одной из АСТ было взято интервью, продемонстрировавшее тесное взаимодействие руководства городского округа с председателями местных СНТ, направленное на объединение действий постоянного и сезонного населения в целях развития местной экономики.

Дачный конгломерат «Бельское — Сорокино» обладает такими признаками стационарного поселения, как предприятия розничной торговли, функционирующие в круглогодичном режиме. Учитывая отсутствие постоянного населения в радиусе нескольких километров, это свидетельствует об их ориентации на дачников. Летом их потребительская активность настолько высока, что установлен даже молочный вендинговый автомат (рис. 3).

Летом специально для дачников функционирует шесть автобусных маршрутов, один-два раза в месяц приезжает врач-терапевт из Талдома. На территории ДК функционирует летний водопровод (но те, кто проживает на даче круглый год, обустраивают, как правило, индивидуальные колодцы-скважины), построено несколько детских и спортивных площадок, в общественных местах ведется круглосуточное видеонаблюдение. Федеральная программа предусматривает ремонт 5,5 км подъездных дорог.

По оценке председателя одного из АСТ, здесь практически нет заброшенных участков: лишь 17 из 4000 остаются бесхозными (их владельцы умерли, а наследники либо отсутствуют, либо не заявляют о себе), в остальных случаях специально приглашенный юрист следит за тем, чтобы вовремя платились взносы, а участки обрабатывались. Около трети дачников владеют несколькими участками. Летом 2019 года был проведен опрос, направленный на поиск наиболее приемлемого для дачников способа выявления их мнения, поскольку опыт предыдущих лет показал, что не все соглашались участвовать в подобных исследованиях. Результаты выборочного опроса пятнадцати дачников показали, что они воспринимают дачу прежде всего как место отдыха. Поскольку людям на природе сложно сконцентрироваться на большом числе вопросов, опросник был значительно сокращен. По его итогам лишь двое из опрошенных считают выращенное на участке существенной частью своей продуктовой корзины. При этом все респондент-

ты отмечают, что расходы на содержание дачи превышают возможные доходы, а вложения невозможно окупить последующей продажей, то есть не рассматривают свой дачный участок в качестве инвестиции. Среди основных плюсов дачи выделяют природные условия и сложившийся местный социум, среди основных минусов — скученность участков и удаленность от Москвы (дорога в одну сторону занимает не менее двух часов даже для жителей Северного округа).

Дачники осознают свое специфическое положение как не городского, но и не сельского населения, и ассоциация садоводов обращалась к федеральным властям с просьбой об особом статусе «дачного поселения» при Талдомском городском округе. По мнению дачников, такой статус дал бы возможность передать на баланс службам ЖКХ сложные инфраструктурные объекты, за которыми в настоящее время приходится следить самостоятельно, не обладая необходимыми компетенциями. С другой стороны, данный статус стал бы большим подспорьем для бюджета Талдомского городского округа.

Дачи в Дмитровском городском округе

Дмитровский городской округ (центр — г. Дмитров) также расположен на севере Московской области, численность постоянного населения составляет 157 тыс. чел., с 2002 года наблюдается устойчивая тенденция к ее росту. Это крупнейший в Московской области производитель сельскохозяйственной продукции. Большая часть территории занята лесным фондом и сельскохозяйственными предприятиями, а доля индустриальных земель в районе крайне невелика. В окрестностях села Орудьево велись интенсивные торфоразработки, но с 1960-х годов там начали появляться садовые участки. К настоящему времени в окрестностях села насчитывается около 80 СНТ, более трети из них входят в состав некоммерческого объединения садовых товариществ (НОСТ) «Природа» (32 СНТ по Реестру дачников 2017 года, 1029 участков площадью 88,1 га) плюс 48 автономных СНТ общей численностью 4062 участка площадью 340,6 га.

В отличие от ДК «Бельское — Сорокино», ДК «Орудьево» соседствует с двумя довольно крупными населенными пунктами — селом Орудьево (постоянное население 1402 чел.) и деревней Княжево (постоянное население 1436 чел.). Поэтому дачники активно пользуются местной инфраструктурой (магазины, аптеки и т. д.). Тем не менее и в самом ДК летом работает более десяти продуктовых и строительных магазинов, на въезде, около железнодорожной платформы Орудьево Савеловского направления, летом функционирует рынок, а также несколько кафе и даже пиццерия (рис. 4).

На условиях анонимности было взято интервью у председателя одного из СНТ, в ходе которого было выявлено много схожих с ДК «Бельское — Сорокино» черт. Так, в Дмитровском ГО, как и в Талдомском, местное руководство координирует с местными властями действия перед началом дачного сезона. В отличие, например, от одного из районов юго-востока Московской области, где в период предыдущих полевых работ нами был проведен ряд интервью с председателями СНТ. В них отмечалось практически полное отсутствие взаимодействия с местными властями.

В НОСТ «Природа» так же, как в ДК «Бельское — Сорокино», функционирует система видеонаблюдения за местами общественного пользования. Подъездная дорога, долгое время остававшаяся проблемой местных дачников, была отремонтирована в 2018 году за счет средств федеральной программы. Это помогло улучшить транспортную доступность не только дачных участков, но и местных деревень. В частности, жители деревни Дядьково получили возможность быстрее и комфортнее добираться до ближайшей к ним железнодорожной станции Орудьево. Как и в Талдомском ГО, здесь распространена практика владения несколькими участками: в одном из СНТ на 98 земельных участков приходится 70 владельцев, при этом лишь три участка остаются бесхозными.

Летом 2019 года был проведен пробный выборочный опрос пятнадцати дачников в ДК «Орудьево», который показал, что и здесь люди воспринимают дачу прежде всего как место отдыха. Лишь один из респондентов считает урожай, выращенный на участке, существенной

Рис. 3. Вендинговый автомат рядом с СНТ «Нарцисс», Талдомский район

Источник: фото автора.

Рис. 4. Реклама на летнем рынке, с. Орудьево

Источник: фото автора.

частью своей продуктовой корзины; причем все респонденты отмечают, что расходы на содержание дачи превышают возможные доходы. Однако треть респондентов рассчитывает в дальнейшем при необходимости продать свои участки по цене, сравнимой со стоимостью вложений в капитальное строительство и инфраструктуру, что пока невозможно сделать из-за небольшого спроса на участки в болотистой местности. Тем не менее в СНТ наблюдается тенденция к стационаризации жилья, и дачники стремятся сделать свои дома пригодными для круглогодичного проживания. Косвенно подтверждает эту тенденцию соответствующий (хотя и сокращенный зимой) режим работы строительного рынка, расположенного на въезде в ДК, свидетельствующий о не зависящем от сезона спросе на такие товары.

Среди основных плюсов дачники выделяют природные условия и близость железнодорожной станции, среди минусов — скученность участков и сложные отношения с местными жителями — в СНТ время от времени происходят случаи вандализма и воровства, которые дачники связывают именно с ними.

Здесь также была высказана целесообразность вхождения СНТ в состав села Орудьево или создания особой административно-территориальной единицы на базе НОСТ «Природа», что позволило бы пополнять местный бюджет за счет дачников, а внутри СНТ появились бы объекты социальной инфраструктуры (опорный пункт полиции, аптека и т. д.).

Таким образом, в северном Подмоскowie сформировались «дачные города», численность летнего населения в которых значительно превышает численность постоянного населения в окрестных сельских поселениях. Также наблюдается тенденция к росту числа дачников, стремящихся проживать на даче круглый год. Эти «города» фактически созданы руками дачников, которые собственными силами рекультивировали землю на бывших торфоразработках, не дав ей выйти из хозяйственного оборота.

За несколько десятилетий развития садоводческие участки постепенно изменили свое назначение. Выделяясь изначально горожанам в качестве места для ведения подсобного хозяйства, они переросли этот функционал и в настоящее время, формально располагаясь на землях сельскохозяйственного назначения, уже, как правило, не несут идеи обеспечения продуктами. Увеличение транспортных расходов, налогов, развитие торговли и общий рост уровня жизни привели к тому, что садоводство и огородничество практически потеряли экономический смысл и уже не являются основным занятием дачников, а, скорее, остаются дополнением к рекреационному времяпрепровождению на природе, что большинство респондентов считают основным плюсом владения дачным участком.

В настоящее время эти «дачные города» уже обладают минимально необходимой инфраструктурой для постоянного проживания, но их поселенческие перспективы во многом зависят от взаимодействия с руководством административных территорий, на которых они расположены. До 1983 года в РСФСР существовали населенные пункты, официально относящиеся к типу «дачный поселок», и получение современными «дачными городами» подобного поселенческого статуса может стать импульсом для дальнейшего развития и самих дачных объединений, и территорий, на которых они расположены. По этому вопросу существуют различные мнения, но точку зрения дачников относительно надления садоводческих товариществ статусом населенных пунктов разделяют законодатели⁷, связывая это с обязательствами государства по обеспечению населения транспортной инфраструктурой, социальными учреждениями, охраной, уборкой и т. д.

Заключение

Расположение сезонных поселений в Подмоскowie демонстрирует взаимосвязь смены основной производственно-хозяйственной деятельности территории с ее дачным освоением. Так,

⁷ Садовые товарищества решили наделять статусом населенных пунктов // Российская газета. 18.02. 2019: <https://rg.ru/2019/02/18/sadovye-tovarishchestva-reshili-nadelit-statusom-naselennyh-punktov.html>.

уже с 1960-х годов под дачные поселения стали отводиться земли, освобождающиеся ввиду хозяйственного перепрофилирования. Массовое прекращение торфоразработок в связи с переходом электроэнергетики на углеводороды позволило «рекультивировать» эти территории. Нуждающихся в подсобном хозяйстве как дополнительном источнике продовольствия было множество, что привело к появлению значительных по площади дачных массивов.

В северном Подмоскowie такими массивами являются Орудьево и Бельское — Сорокино, расположенные в Дмитровском и Талдомском районах соответственно. Они объединяют на своей территории несколько десятков садовых товариществ, а численность их сезонного населения значительно превышает численность постоянного населения окрестных сельских населенных пунктов.

Проведенное исследование позволяет выдвинуть гипотезу о том, что такие крупные дачные массивы могут рассматриваться в качестве «градообразующих» отраслей, предоставляющих местному населению трудовые вакансии, а также инженерную и транспортную инфраструктуру, а дачники могут играть ведущую роль в современном развитии периферийных сельских районов. Эта гипотеза требует рассмотрения в дальнейших исследованиях, так как остается открытым вопрос, насколько способны дачники обеспечить местное население постоянной работой и какой процент местных жителей уже вовлечен в обслуживание дачных массивов. Из-за отсутствия статистических данных это можно сделать только посредством социологических методов, которые требуют значительной проработки в силу «денежной» специфики вопроса, закрытости деловой информации у предпринимателей, занятых в сфере торговли, и т. д.

В контексте изучения центрo-периферийных отношений исследование дачных поселений важно с точки зрения определения механизма взаимодействия региональных и муниципальных властей в вопросе обеспечения дачников необходимой инфраструктурой для комфортного пребывания на своих участках. Положительным примером может служить совместная программа Москвы и области по ремонту подъездных дорог к СНТ, в рамках которой город взял на себя большую часть обязательств, непосильных для местного бюджета. Хорошая транспортная доступность участков может мотивировать дачников совершать поездки даже вне традиционного сезона, что, в свою очередь, создаст дополнительные трудовые вакансии для местного населения.

В целом распространение дачных поселений меняет пространственные и социальные взаимосвязи между городскими центрами и сельскими территориями и создает импульс для развития сельских районов с сокращающейся численностью населения.

Источники

- Всероссийская сельскохозяйственная перепись населения. Том 2. (2017). Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Московской области. М.: Мособлстат.
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А. (2018) Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. № 2 (60). С. 68–78.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. (2016) Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр. № 2. С. 64–74.
- Нефедова Т. Г. (2008) Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. № 5. С. 14–31.
- Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.) (2016) Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф.
- Щепеткова И.О. (2018) Территориальная организация садово-дачных образований в пригородах Перми // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 46–54.
- Hall C.M., Müller D.K. (2004) *Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground*. Channel View, Clevedon.
- Hoogendoorn G., Visser G., Marais L. (2009) Changing Countrysides, Changing Villages: Second Homes in Rhodes, South Africa // *South African Geographical Journal*. No. 2. P. 75–83.
- McCarthy J. (2008) Rural geography: globalizing the countryside // *Progress in Human Geography*. No. 1. P. 129–137.
- Müller D.K. (2011) Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history // *Norwegian Journal of Geography*. Vol. 65. No. 3. P. 137–143.
- Paris C. (2014) Critical Commentary: Second Homes // *Annals of Leisure Research*. No. 1. P. 4–9.
- Rusanov A.V. (2019) *Dacha dwellers and gardeners: garden plots and second homes in Europe and Russia* // *Population and economics*. Vol. 3. No. 1. P. 107–124.

ALEXANDER RUSANOV

“SUMMER TOWNS” IN THE NORTH OF THE MOSCOW REGION: SEASONAL POPULATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF RURAL AREAS

Alexander V. Rusanov, Research engineer, Center for population studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie gory, Moscow, 119234, Russian Federation.

E-mail: rusanovmsu@gmail.com

Abstract

One of the main features around large cities in many countries is the presence of seasonal settlements, in which second homes of city residents are located. People use them seasonally or occasionally, most often for leisure and to escape from hustle and bustle of city life. In Russia, such settlements are represented mainly by non-profit gardening associations, and houses located on their land are traditionally called dachas. This paper focuses on the recreationally attractive northern areas of the Moscow Region, where seasonal summer towns evolved on former peat mining lands. Their summer population significantly exceeds the permanent population of the surrounding settlements. The example of summer towns illustrates the economic interaction between the city and its surroundings. The land on which peat mining was carried out in the first half of the 20th century to supply Moscow, after the transition of power plants to natural gas in the second half of the 20th century, was re-cultivated thanks to the efforts of summer residents. The role of land plots is also changing; initially issued as a place for subsistence farming in crisis years, they fulfilled the purpose of food production, and are now used mainly for recreation. Summer towns differ significantly from the countryside in which they are located, and from an economic point of view, they become drivers for the local economy. Rural residents find jobs in the service sector, and summer cafes and fast food markets are springing up in summer towns along with hardware stores and food markets, reflecting the translation of urban lifestyles into the countryside through seasonal inhabitation of dachas.

Key words: second home; allotment garden; summer town; summer home; dacha; garden plot; suburban settlement

Citation: Rusanov A. (2019) «Summer towns» in the North of the Moscow Region: Seasonal Population as a Factor of Transformation of Rural Areas. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 73–85 (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201973-85>

References

- Hall C.M., Müller D.K. (2004) Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground. Channel View, Clevedon.
- Hoogendoorn G., Visser G., Marais L. (2009) Changing Countrysides, Changing Villages: Second Homes in Rhodes, South Africa. *South African Geographical Journal*, no 2, pp. 75–83.
- Mahrova A.G., Babkin R.A. (2018) Analiz pul'sacij sistemy rasseleniya Moskovskoj aglomeracii s ispol'zovaniem dannyh sotovyh operatorov [Analysis of moscow agglomeration settlement system pulsations based mobile operators data]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no 2 (60). pp. 68–78. (in Russian)
- Mahrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G. (2016) Sadovo-dachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo rasseleniya [Garden and dacha settlements of urban dwellers in the system of rural settlements]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya geografija* [Bulletin of Moscow University. Geography Series], no 2, pp. 64–74. (in Russian)
- McCarthy J. (2008) Rural geography: globalizing the countryside. *Progress in Human Geography*, no 1, pp. 129–137.

- Nefedova T.G., Averkieva K.V., Mahrova A.G. (eds.) (2016) *Mezhdru domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and ... Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Moscow: Novyi Chronograph [New chronograph]. (in Russian)
- Müller D.K. (2011) Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history. *Norwegian Journal of Geography*, vol. 65, no 3, pp. 137–143.
- Nefedova T.G. (2008) Rossijskaya periferiya kak social'no-ekonomicheskij fenomen [The Russian periphery as a socio-economic phenomenon]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Study], no 5, pp. 14–31.
- Paris C. (2014) Critical Commentary: Second Homes. *Annals of Leisure Research*, no 1, pp. 4–9.
- Rusanov A.V. (2019) Dacha dwellers and gardeners: garden plots and second homes in Europe and Russia. *Population and economics*, vol. 3, no 1, pp. 107–124.
- Shchepetkova I.O. (2018) Territorial'naya organizaciya sadovo-dachnyh obrazovanij v prigorodah Permi [Territorial organization of garden and dacha formations in the suburbs of Perm]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 4, pp. 46–54. (in Russian)
- Vserossiyskaya sel'skokhozyaystvennaya perepis' naseleniya. Tom 2 (2017) *Predvaritel'nyye itogi vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda po Moskovskoy oblasti* [All-Russian agricultural census. Volume 2. Preliminary results of the all-Russian agricultural census of 2016 in Moscow Region]. Moscow: Mosoblstat [Mosoblstat]. (in Russian)

К.П. ГЛАЗКОВ

АРХЕОЛОГИЯ ПЕРИФЕРИИ: ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Глазков Константин Павлович¹, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, тел.: +7 977 845 52 51

E-mail: glazkov.konst@gmail.com

В декабре 2013 года на Московском урбанистическом форуме (МУФ) было представлено комплексное исследование, посвященное окраинам Москвы, – «Археология периферии». Исследование проводилось по шести направлениям: общество, политика, архитектура, культура, экономика, данные. Исследовательские команды отмечали значительный потенциал периферийных районов города, которые на тот момент были «спящими». Эти территории оставались лишь градосоставляющими, но не градообразующими. При этом критики данного проекта говорили о том, что в нем недостаточно раскрыта связь центральных и периферийных районов, которая, возможно, пролила бы свет на причины слабой реализации потенциала периферийных территорий.

Прошло шесть лет. Москва бурно развивается. Уже три года функционирует Московское центральное кольцо (МЦК), полностью пролегающее по периферийным районам. Осуществляется ввод масштабной транспортной системы – Московских центральных диаметров (МЦД), которая расположится за пределами Москвы. Открываются новые ветки метро, реализуются проекты по благоустройству («Моя улица», «Мой район»), на подходе активная фаза реновации. Интересно вспомнить «Археологию периферии», чтобы оценить вектор развития, сложившийся с тех пор. Мы решили обсудить с авторами сборника перемены, происходящие в Москве, пытающейся найти баланс между центром и периферией.

Нам удалось пообщаться с восьмью экспертами, которые в рамках работы над сборником отвечали за разные исследовательские направления. В результате мы обсудили вопросы границ Москвы, представление о московской периферии, задались вопросами нового административного расширения города и присоединения Новой Москвы, ролью МКАД в современном городе, перспективами реновации и возможностями проекта «Мой район» по формированию полицентричной городской среды, воздействием МЦК на периферийные территории, ожиданиями от запуска МЦД, а также тем, чем могла бы быть «Археология периферии 2.0».

Ключевые слова: центр; периферия; агломерация; Москва; МКАД; МЦК; МЦД

Цитирование: Глазков К.П. (2019) Археология периферии: шесть лет спустя // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 86–103. DOI: <https://doi.org/10.17323/uspr42201986-103>

Периферия: lost in translation

Начиная разговор об отношениях центра и периферии, необходимо признать, что они остаются весьма запутанными. Собственно, одно из критических замечаний [Глазков, 2014] в адрес «Археологии периферии» касалось недостаточного учета аспектов взаимосвязи так называемого центра с территорией, выделенной в качестве периферии.

Последняя, будучи изначально исключительно геометрическим понятием, обозначающим удаленность от центра применительно к разномасштабным географическим объектам, все больше обрастает социальным контекстом. Воспринятый социальными науками феномен периферии обретает характеристики процессов, описывающих ее (вос-)производство посредством социальных отношений и их пространственных воплощений [Kühn, 2015, p. 367]. Некогда ярлык для сельской местности или даже целого региона, как, например, в случае Восточной Германии [Lang, 2012], периферия — а точнее сказать, *периферизация* [Herrschel, 2011] — расширяет диапазон применения термина, охватывая отношения как между странами, так и локаль-

¹ Научные интересы: микросоциология, поведение в публичных местах, геолокационные сервисы.

ными соседствами. В такой трактовке периферизация становится все более синонимичной термину «маргинализация» [Danson, De Souza, 2012], подразумевая низкий уровень развития территории, ее неконсистентную интеграцию в городскую ткань, отсутствие инноваций, стигматизацию и бедность населения, организованную зависимость местных органов управления от центра и неспособность самостоятельного формирования повестки развития. Одновременно со структурными факторами, позволяющими центру привлекать население, экономическую активность и инфраструктурные функции [Lang, 2012, p. 1750], отношения между центром и периферией определяются дискурсивно, отражая сложившуюся на периферийных территориях политическую беспомощность, культуру принятия и сообщества бездействия [Blowers, Leroy, 1994, p. 204].

Динамичный характер (вос-)производства периферии, который рассматривался А.Э.Гутновым в рамках модели «каркас — ткань» [Гутнов, 1982], остро ставит вопрос о границах, в пределах которых существуют одни центры и их периферии и за пределами которых начинаются другие. При этом границы способны выполнять не только разделительные и барьерные функции, но и контактные, тем самым обретая собственное содержание и осуществляя инверсию «центр ↔ граница» [Каганский, 2015, с. 12]. Тем более примечательно, что на границах способны формироваться так называемые окраинные города [Garreau, 1991], или постсубурбии [Teaford, 1997; Jonas, 2013], которые обретают самостоятельность городского центра, собственную идентичность и функциональную самодостаточность. Тем самым они противопоставляют себя «центральному городу» и его пригородам, ставя под сомнение модель центристского роста агломераций [Голубчиков, Махрова, 2010, с. 63].

В случае с Москвой дополнительные трудности для определения периферии создает *столличный статус* города. «Столичный город» и «центральный город» необязательно одно и то же, но в Москве эти позиции накладываются и взаимно усиливают друг друга. Символическая функция столицы заключается в репрезентации «большого пространства государства — в пространстве столиц» [Росман, 2013]. «Так, в Москве, например, есть районы, которые до сих пор воспроизводят в названиях улиц и проспектов физическую географию целых республик или регионов СССР (например, Крым или Украину на юге Москвы)» [Там же]. Тем самым внутренние территории не соответствуют самим себе, а являются колониальным инструментом для сборки имперских территорий [Глазков, Гнилоубов, 2017].

Важно отметить, что, по мнению немецкого историка Андреаса Даума [Daum, 2010], в символические и интеграционные функции столиц необязательно входит функция экономической активности и роста. Тем не менее в поисках окраинных городов и границ агломераций основной исследовательской категорией продолжает оставаться *трудовая мобильность*, которая, с одной стороны, позволяет обнаруживать полицентричную структуру московской агломерации [Махрова, Кириллов, 2016], но, с другой стороны, может препятствовать описанию пространственной структуры полицентричной Москвы [Новиков и др., 2016]. Последняя трактовка противопоставлена идее определения городских субцентров через выявление концентрации мест приложения труда [Fujita, Ogawa, 1982] и исходит из того, что труд перестает быть единственным фактором притяжения, а ключевым индикатором центра является *поточность*. Другими словами, «истинными городскими субцентрами являются центры „добровольного посещения“». Эти места, в отличие от центров концентрации приложения труда, привлекают людей объектами торговли, обслуживания, культуры и отдыха. Такие места генерируют устойчивые потоки людей, и «оборот» их посещаемости в разы выше, чем в центрах трудоустройства [Новиков и др., 2016, с. 4].

Можно заметить, что принятие какого-либо одного индикатора в качестве основного критерия центральности навязывает специфическую картину того, что считать центром и периферией, а также определенный масштаб рассмотрения их отношений. В случае московской агломерации многие из этих вопросов обретают практическое значение. Например, проблема определения границ «реального» города, который образуется в результате сращивания Москвы со своими ближними пригородами. В результате чего «ближний пояс подмосковных районов буквально сливается с Москвой, а ряд его городов теснее интегрируется в структуру столицы, чем некоторые районы самой Москвы» [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2012, с. 8]. Не менее важен и постоянно расширяющийся ареал трудовой мобильности, который за счет скоростного железнодорожного сообщения отодвинул «изохрону двухчасовой транспортной доступности Москвы на границу области и далее», после чего «практически уже все Подмоско-

вье стало ее пригородной зоной» [Там же]. В условиях продолжающегося наращивания связей между Москвой и Московской областью внутренняя периферия города, находящаяся между ТТК и МКАД, продолжает оставаться незамеченной. Задачу осмысления этой территории ставил перед собой и сборник «Археология периферии». Спустя шесть лет имеет смысл вновь обратиться к этой проблеме, чтобы понять, что делает эту территорию столь загадочной, а саму периферию — столь неуловимой.

Состав экспертов:

Вендина Ольга Ивановна, к. г. н., ведущий научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН

Каганский Владимир Леопольдович, к. г. н., старший научный сотрудник отдела физической географии и проблем природопользования Института географии РАН

Летуновская (Серова) Екатерина, сооснователь и вице-президент компании Habidatum

Нефедова Татьяна Григорьевна, д. г. н., главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН

Новиков Алексей Викторович, к. г. н., сооснователь и президент компании Habidatum

Острогорский Александр, архитектурный критик, преподаватель Архитектурной школы МАРШ и магистратуры «Прототипирование городов будущего» НИУ ВШЭ

Ревзин Григорий Исаакович, кандидат искусствоведения, профессор факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ

Трейвиш Андрей Ильич, д. г. н., главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН

Где заканчивается Москва?

Обсуждая с экспертами отношение центра и периферии, мы постоянно сталкиваемся с противопоставлением аналитического и объективного характера выделения периферии. С одной стороны, никакой объективно существующей московской периферии не существует, она является лишь аналитической конструкцией, позволяющей с определенной степенью условности схватывать недоступный для описания феномен, который к тому же постоянно норовит ускользнуть в играх с масштабом. Если мы принимаем такое определение, то административные границы субъектов могут выступать в качестве сносного подспорья для различения центра и периферии.

О. Вендина: Центр и периферия — это категории анализа. Исследователи, как правило, выделяют множество промежуточных позиций, подчеркивают, что у каждого центра есть «своя» периферия, а у каждой периферии «свои» центры. Есть и другие возможности описания центрально-периферийных отношений, например, столица — провинция — глубинка — захолустье. <...> Порой и достаточно грубое административно-территориальное деление как фактор, организующий жизнь общества, бывает полезным для такого анализа. <...>

Периферийность всегда определяется относительно центра. По мере удаления от точки, которую мы принимаем за центр, все остальное превращается в периферию. Конечно, это упрощенное представление, требующее уточнения и учета позиционных выгод или недостатков местоположения. Еще один фактор — игра масштабами. Мы можем рассматривать Москву как город с определенными административными границами, центром и окраинами, тогда окраины окажутся периферией. Но если мы взглянем на Москву «сверху» как на столицу страны или рассмотрим менее масштабные отношения Москвы и Московской области, то определение «центр» будет относиться к городу в целом. Станет заметно, что его граница, которая в другой системе координат была периферией, является зоной взаимодействия двух разных субъектов, одновременно играя роль барьера и контактной зоны.

Идея «Археологии периферии» находится в рамках этого подхода. Анонсируемое в сборнике «открытие» периферии, или, как ее ласково называли исследовательские команды, «панельного бублика», в каком-то смысле является результатом аналитической игры, в рамках которой участникам команд были заданы четко очерченные границы периферии.

А. Острогорский: Я бы так утверждал, что это была абсолютно неизвестная реальность, которая впервые была таким образом предъявлена. Все, кто был в рабочих командах, занимались этими же территориями, но в каких-то своих проектах и моделях. Идея выделить «панельный бублик», определить, что есть город от ТТК и до МКАД, является абсурдом. Но сама эта позиция поставила всех участников перед игровой механикой этого исследования: давайте представим, что есть такая штука «без центра внутри», и все дисциплины оказались перед этим вызовом. Таким образом сформировалось пространство, которого не было, — это то, что я называю открытием.

С другой стороны, аналитически выделенная территория между ТТК и МКАД не является чьей-то выдумкой. Выбор «панельного бублика» обусловлен обстоятельствами, в которых пребывает эта территория, испытывающая двойную периферизацию — и со стороны центра, и со стороны области.

О. Вендина: Теперь о «панельном бублике». Его промежуточное положение между центром города и кольцевой автодорогой делает его дважды периферийным. Географически он расположен центральнее, но позиционно лишен многих экономических и логистических преимуществ, обладает меньшим разнообразием возможностей, чем следующие за ним урбанизированные пространства, примыкающие к МКАД.

Таким образом, в узком смысле периферия является следствием сочетания высокой плотности населения и функциональной рыхлости, которое делает эту территорию уникальной, а решение ее проблем — самым значимым проектом для городского планирования в Москве.

А. Новиков: Дело в том, что Москва — один из самых рыхлых и одновременно самых плотных городов мира. Такое положение дел толкает человека к использованию автомобиля и снижает уровень шаговой доступности товаров и услуг повседневного спроса. Рыхлость города нарастает к спальной периферии — прежде всего в связи с застройкой микрорайонного типа. То есть там, где больше всего народу, там меньше всего услуг — они просто не «салятся» в такой тип застройки, потому что пешеходный поток в микрорайоне «рассыпается», отдельных ручейков для малого и среднего бизнеса не хватает. А житель спального района предпочитает сесть в автомобиль и уехать из этого места в центр города или торговый молл, чтобы приобрести там все необходимое. Спальные районы — рыхлое пространство, плохо насыщенное коммерческими функциями, с узким спектром функционального разнообразия. При этом там огромная плотность населения.

Таким образом, рассмотрение специфики этой территории становится невозможным без учета ее связей не только с центром, но и с Московской областью, а точнее с тем, что административно ею является. Помимо Московской области, московская агломерация очевидным образом включает те территории, которые входят в состав Москвы, но находятся за пределами МКАД (анклавы), а также территории Новой Москвы, присоединенные в 2012 году. Административные границы слабо передают сложившиеся функциональные связи между субъектами, тем самым вынуждая находить теоретические эквиваленты для обозначения того, что входит в состав Москвы. Одним из таких эквивалентов является понятие «реальный город» [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2012], которое, в отличие от «агломерации», передает не маятниковые трудовые мобильности, а расширение города за счет прилегающих территорий.

Т. Нефедова: Эта идея [реального города] возникла у нас совместно с А.И. Трейвишем и А.Г. Махровой. В 2012 году мы опубликовали статью о московском мегалополисе. Когда говорят о зоне влияния Москвы, обычно речь идет о московской агломерации. Наши исследования показывают, что эта зона гораздо больше и охватывает значительную территорию, включающую многие районы соседних с Московской областей, испытывающих прямое экономическое влияние Москвы. А благодаря отходникам и дачникам — еще более значительную территорию центра России.

Мы пытались выделить разные функциональные зоны вокруг Москвы. Формально Москва до последнего расширения заканчивалась МКАД с небольшими выступами за нее. Но если

смотреть на характер застройки и плотность населения, то большинство районов Московской области, прилегающие к МКАД с внешней стороны, уже тогда представляли собой далеко не сельскую местность, даже за пределами больших подмосковных городов, таких как Мытищи, Химки и др. Поэтому мы пытались выделить зону с наиболее высокой плотностью населения, значительной долей многоэтажной застройки, где большинство жителей работают в Москве, хотя и живут за ее официальными границами. Мы назвали ее «реальный город». Получилась такая «корона» вокруг Москвы, которая все последние годы расплывалась по принципу «масляного пятна» с выплесками вдоль магистралей. В этом реальном городе за МКАД люди активно покупают квартиры в многоэтажках, причем не только дальние мигранты, но и москвичи.

Следующая зона — московская агломерация, которая определяется двухчасовой транспортной доступностью от столицы. Она почти совпадает с границей Московской области с некоторыми отклонениями. Это зона интенсивных трудовых и дачно-рекреационных перемещений. Но когда начинаешь изучать дачников, то выясняется, что ареалы дачных и садовых товариществ москвичей и жителей больших городов Московской области давно уже вышли далеко за ее пределы в соседние регионы. Формируется обширная зона летнего «расползания» москвичей и жителей МО радиусом 200–300 км от Москвы.

Радикально иная теоретическая позиция заключается в противопоставлении понятий «периферия» и «провинция», как это делает В. Каганский [1998]. В такой трактовке периферия не входит в состав города, так как это вспомогательная территория без собственной идентичности и самобытности. Провинция, напротив, обладает идентичностью, входит в состав города, имеет свое специфическое функциональное наполнение, в том числе свойства центральности. Исходя из этого различия, мы, вслед за Каганским, приходим к парадоксальному выводу: большая часть территорий Москвы, за исключением небольшого центра, не является городом, а остается безликой периферией.

В. Каганский: Не разделяю точку зрения, что внутри города должна находиться периферия. Я вообще не разделяю схему «центр — периферия». В своих работах я развиваю четырехчастную схему: центр — периферия — провинция — граница.

В этом смысле в городе как полноценном ландшафте вообще практически нет периферии или она носит временный характер. И та зона, которая названа «бубликом», являясь периферией, в нормальном городе будет провинцией. Периферией будут внешние городские уголья, которые не могут быть размещены в городе в силу их технологии и масштаба — например, дачи и аэропорты.

А внутренней периферии в городе не должно быть — это дефицит городского начала. В этом смысле Москва не вполне является городом, потому что откартированное выражение «поехать в город» описывает очень небольшую часть города. В самосознании большинства жителей Москва городом не является. «Бублик» — это несостоявшаяся провинция.

Как выше уже отмечено, в отличие от периферии, провинция обладает свойствами центральности. Однако в Москве все осложняется ее столичным статусом, из-за которого ее непосредственный центр выполняет надгородские функции.

Чем отличается провинция от центра?

В. Каганский: Центральные функции провинции лежат внутри системы, а [столица] обладает центральными функциями, которые в городе только размещаются. Москва — это вообще центр Северной Евразии, и она собирает население со всей этой территории.

Отсюда вытекает гипотеза, что развитие Москвы как города следует интерпретировать с точки зрения развития идей столичности и государственности. Неслучайно единственный период снижения численности населения Москвы в XX веке приходится на эпоху кризиса государственной власти в начале 1990-х годов.

Т. Нефедова: Москва расширяется в среднем каждые 25 лет. Если в городе становится тесно, власти решают раздвинуть границу «на вырост». Как и в советское время, Москва растет примерно на 100 000 человек в год.

Раньше это были не только советские трудовые мигранты (лимитчики), но и учебная, и брачная миграция. В начале 1990-х был короткий период сокращения численности населения Москвы, в том числе за счет оттока лимитчиков, которые столкнулись с ухудшением экономической ситуации и потеряли надежду на получение бесплатного жилья. Это вообще было экономически тяжелое время. Но москвичи почти не уезжали даже тогда. И тем более теперь.

В такой трактовке развитие Москвы происходит под влиянием российского властного ландашафта, который отличается высокой степенью иерархичности и гиперстоличности. Из-за чего наблюдается, в частности, нарушение закона Ципфа: численность населения следующих по величине после Москвы городов должна быть обратно пропорционально их рангу. То есть в Санкт-Петербурге должно проживать около 6,3, а не 5,3 млн, в Екатеринбурге — 2,1, а не 1,6 млн и т. д.

По поводу перспектив административного роста Москвы эксперты предлагают два сценария, которые условно обозначаются как «пессимистичный» и «реалистичный». «Пессимистичный» заключается в том, что возможный экономический рост рано или поздно вынудит Москву раздвинуть свои границы, тем самым продолжить модель экспансивного роста. «Реалистичный» сценарий исходит из предположения, что уже произошло истощение модели административного роста, из-за чего «реальный город» продолжит расти, но административные границы Москвы больше пересматриваться не будут.

«Пессимистичный» сценарий:

Если подтверждается ваша гипотеза, значит ли это, что мы к 2040-м годам ждем очередное расширение Москвы?

Т. Нефедова: Теоретически может быть.

Когда она схлопнется?

Т. Нефедова: На самом деле это будет зависеть от того, что будет в стране. Ведь это результат централизации финансов и власти. Если изменится природа управления, то определенно надо ждать изменений и в территориальной структуре.

А. Трейвиш: Если в стране начнется экономический рост, то он не сможет уместиться в рамках Москвы и существующей московской агломерации.

«Реалистичный» сценарий:

О. Вендина: Модель экспансии хороша, когда большие проекты, как в лужковское время, реализуются на новом месте. Это всегда проще, чем заниматься переустройством города. Однако экстраполируя то, что было ранее, в будущее, мы забываем, что жизнь постоянно меняется. Мы, по крайней мере на идейном уровне, уже ушли от модели пространственной экспансии городов. Внутренний город предоставляет много возможностей для развития. Это не значит, что урбанизация остановится, я полагаю, что московская агломерация еще будет расширяться, но административные границы вряд ли будут пересматриваться.

В поисках новой центральности

Возможные причины того, почему произошел «уход от модели пространственной экспансии городов», кроются в тех проблемах, с которыми пришлось столкнуться после присоединения Новой Москвы в 2012 году. Как можно заметить, в рамках исследования «Археология периферии», представленного в конце 2013 года, рассматриваются территории внутренней периферии в пределах МКАД. Но складывается впечатление, что понимание Москвы, в том числе аспектов центральности и периферизации, становится возможным только в том случае, если мы учитываем прилегающие территории Новой Москвы и Московской области.

В этом случае обнаруживается высокая степень поляризации в распределении функциональной насыщенности между Москвой и ее соседями. При этом Московская область (МО) демонстрирует большую схожесть с Москвой, чем с соседними областями, тем самым приближаясь по уровню зарплат и качества жизни к столице.

Т. Нефедова: В результате поляризация пространства нарастает. Если МО по многим параметрам приближается к уровню Москвы, то разрыв между МО и соседними областями растет.

Впрочем, и вне МО есть свои полюса роста. Это столицы регионов и их пригороды, хотя и значительно меньшие, чем у Москвы. Это ареалы вдоль основных транспортных магистралей, поскольку вся территории тесно связана со столицей. Так формируется некая структура московского мегалополиса с «дырами» между магистралями и на территориях, удаленных от больших городов. Из таких «дыр» уезжает местное население, но летом они частично заполняются московскими дачниками.

Возможная причина несоответствия между городским содержанием и самописанием Москвы кроется в отторжении территорий Новой Москвы, которые спустя семь лет после присоединения остаются для города безликой периферией. Однако по поводу субъекта отторжения в этих отношениях есть разные версии. По одной из них, не Москва отторгает территории Новой Москвы, а, наоборот, жители Новой Москвы продолжают считать себя жителями самостоятельных городов и поселений, что иногда приводит к забавным казусам, когда на дорожных указателях «Москва на новых территориях находится, например, в 60 км от... Москвы» [*Нефедова, 2018, с. 216*].

Стала ли Новая Москва частью Москвы?

В. Каганский: Нет, конечно. Если большая часть Старой Москвы — это не город, то что говорить про Новую Москву? Это такая же периферия.

Почему все еще происходит отторжение территории Новой Москвы?

Т. Нефедова: Это не отторжение. Жители Троицка не видят себя москвичами. И местные власти, видимо, не видят себя москвичами. Если вы въезжаете в Новую Москву по Калужскому шоссе, то видите табличку, на которой написано, что люди там живут, как и жили, только пенсии у них стали московскими.

Расширение Москвы в 2012 году связано с идеей того, что московская агломерация и так уже покрывает значительную часть области. Еще до проекта Новой Москвы были планы административно признать сложившиеся размеры агломерации. Тем не менее, по мнению экспертов, реализованный проект по присоединению юго-западного сектора области был необоснованным решением, осуществленным в интересах девелоперов и слабо связанным с задачами агломерационного развития.

А. Новиков: Лужковский проект [расширения Москвы] был другим. Он заключался в объединении Москвы и Московской области и в создании единой агломерации. Тоже не лучшая идея, но это меньше из двух зол. Присоединение такого спонтанного, ничем не обоснованного «отростка» я не мог предположить даже в страшном сне. Объединение Москвы и Московской области казалось чрезмерным бюрократическим излишеством, координацию работы двух субъектов Федерации в отношении общих проблем Большой Москвы можно было бы решить с помощью различных межведомственных комиссий. <...>

Москву с Московской областью не нужно было объединять. Но в этом хотя бы была логика: тот факт, что московская агломерация накрывает собой большую часть Московской области. Никому в голову не приходило выделять совершенно случайный сектор. Речь шла о живой агломерации и ее административной институализации (что плохо, конечно).

По мнению других экспертов, в этом прослеживается колониальная логика освоения пустого пространства, максимально отвечающая задачам плантационной экономики.

В. Каганский: Если поставить задачу вырезать из Московской области максимально большой кусок, с которым можно делать все, что угодно, в котором нет военно-стратегических объектов, который малозаселен, который к тому же обладает земельными ресурсами для строительства, — этому требованию подобное решение отвечает идеально. Это реализация колониальной логики: где бы нам найти относительно пустое пространство, которое мы можем переработать под жилую застройку.

Однако Новая Москва сыграла нетривиальную роль в истории развития Москвы в целом. По одной из версий, именно благодаря конкурсу проектов по развитию Новой Москвы профессиональное сообщество смогло обратить внимание московского правительства на важность развития внутренних территорий. Сама по себе Новая Москва продолжила развиваться по инертному сценарию застройки, характерному для прилегающих территорий Московской области. Однако именно с тех пор обозначился кризис модели экспансивного роста, а приоритеты развития Москвы сместились в пользу актуализации ценности общественных пространств².

О. Вендина: Конкурс на проект развития Большой Москвы, который был парафразом конкурса на проект Большого Парижа, сделал большой прорыв в развитии градостроительных идей. Конкурс задумывался как престижная акция, он ставил амбициозную цель: развитие Москвы как глобального города с использованием наиболее современных концепций и достижений. В конкурсе приняли участие многие мировые и российские архитектурные звезды. Все иностранные участники в один голос говорили о ценности городских общественных пространств и необходимости формирования среды жизни человека, а также второстепенности коммерческих задач. <...>

Они сказали, что Большая Москва — это не лучшее решение. Они также отметили, что Москва и без расширения территории обладает огромным количеством территориальных ресурсов, что город нужно перестраивать и реконструировать, а не только «растягивать» в разные стороны. Многие специалисты попытались осмыслить, какую функциональную и социальную пользу для Москвы можно извлечь из волюнтаристского политического решения.

А. Острогорский: Идея о периферии казалась правильным и гуманистическим ходом. Если помните, сборник «Археология периферии» открывается текстом о культе центра. Со стороны правительства Москвы это совпадало со многими актуальными повестками. Одна из очень важных вещей: это все происходило в продолжающемся шоке от проекта «Новая Москва» — проекта, который проблематизировал центробежное движение. «Археология периферии» является ответом на эту проблему. На необходимость обратить внимание на эту территорию.

Новая Москва обратила внимание на Старую Москву — вы согласны с этим тезисом?

А. Острогорский: Да. Как минимум большинство участников конкурса заняли однозначную позицию, что они очень скептически относятся к новой территории, что обсуждать отдельные части агломерации — это странная затея, это большой город, у него есть разные части, есть центр. Это заставило многих задуматься над тем, что происходит с центром и с разными слоями, что там находится. <...>

Мне неизвестно, как был сформулирован заказ на это исследование. Но по последующим крупным проектам мы видим, что они каким-то образом к этому адресуются. МЦК и общее развитие транспортного каркаса. Даже реновация, не даже, а в первую очередь. Описание одного из вызовов реновации как выравнивание плотности между центром и дальней периферией — это описание содержится в описании двух центров — центра и МКАД — в сборнике.

Следующая, не менее масштабная, проблема, с которой еще предстоит столкнуться Москве, это проект реновации. Смещение интереса властей в пользу развития внутренних территорий можно трактовать по-разному. По мнению одних экспертов, проект реновации является прямым продолжением колониальной логики развития города, который за счет тех же механизмов переделывает периферийные территории, но уже не пустые, как это было с Новой Москвой, а наполненные. Причем проект реновации вступает в конфликт с существующими про-

² Здесь уместно привести замечание рецензента, который указывает на то, что в связи с присоединением новых территорий в 2017 году был утвержден проект внесения изменений в Генплан Москвы, который направлен на «развитие полицентрической структуры города и его столичных функций». С документами можно ознакомиться по ссылке: <https://www.mos.ru/mka/documents/normativnye-pravovye-akty-g-moskvy/view/144646220>.

ектами территориального развития на территории Новой Москвы, переключая строительные мощности на себя.

В. Каганский: Реновация стала альтернативой Новой Москве. Нужно заработать на постройке N млн кв. метров для размещения M количества людей. Один проект был внутренний, разместить за счет уплотнения, а другой внешний — за счет новых территорий. Поэтому застройка Новой Москвы при запуске программы реновации идет сейчас не очень активно. Совместное наступление этих проектов — это противоречия авторитарной власти, которой все сложнее согласовывать разные интересы. Это конкурирующие проекты. <...>

Реновация является типичной колониальной политикой, которую центр проводит по отношению к периферии, тем самым решая свои собственные задачи. Одна из этих задач — загрузка мощностей гиперцентрализованного строительного комплекса. <...>

Надо заметить, что реновация стала возможной только в условиях высокой степени централизации и Москвы, и государства. Если централизация остановится, то не будет такого спроса на московское жилье. Проблемы внутренней периферии — «бублика» — производны от проблем Российского государства.

По мнению других экспертов, проект реновации не является следствием Новой Москвы. За каждым проектом скрываются разные группы интересов и разные концепции. Однако в случае с реновацией произошло совпадение коммерческого интереса и социальной логики развития города.

О. Вендина: Городское пространство является одновременно категорией стоимости и общественного блага. Мне кажется, что за последние пять-шесть лет, после конкурса на проект развития Большой Москвы, мысль о городе как общем достоянии вошла в сознание чиновников и людей. Проект реновации, пожалуй, один из проектов, которые сочетают в себе эти две функции. И здесь явно происходит конкуренция коммерческого и социального подходов. <...>

Можно ли сказать, что проект реновации — это следующий этап, необходимость которого обозначилась после того, как проект Новой Москвы себя исчерпал?

О. Вендина: Нет. Стадиальный подход для рассмотрения московских проектов не годится. Одно себя исчерпало, поэтому беремся за другое. Такой последовательности нет. Это разные группы интересов и разные проекты, которые следуют разным концепциям. Дело не в том, что Новая Москва себя исчерпала, она еще долго себя не исчерпает, а в том, что есть реальные проблемы с пятиэтажным жилым фондом.

Другая позиция заключается в том, что, признавая девелоперскую модель развития Москвы и проблемы плантационной экономики, нам все же стоит обратить внимание на то, что на данный момент застройщикам все труднее игнорировать качество городской среды. Принцип “location location location” перестает играть исключительную роль в вопросе ценообразования на рынке недвижимости. К тому же объявление о начале реновации как перформативное высказывание не только снизило цены на жилье в определенных районах Москвы, но и передвинуло интересы застройщиков в Подмосковье. Тем самым мы можем наблюдать картину грандиозного передела сложившихся поясов застройки, некоторые из которых могут быть «затронуты» спустя десятилетия.

А. Новиков: Недавно произошла масштабная интервенция в рынок строительства Москвы, она пока что больше словесная, но все же мощная — это программа реновации. Программа затрагивает 10% населения, 15% территории, правда, сейчас ее параметры становятся скромнее: раньше начинали с 15 000, а сейчас около 7000 домов. <...>

Тем не менее эта словесная интервенция и начало работ по вводу новых объемов жилья привели к падению цен на рынке жилья. В рабочих группах настойчиво предупреждали: «Вы не знаете, как поведет себя цена на квадратный метр». Казалось неизбежным, что при таком предложении нового жилья спрос должен среагировать однозначно — стоимость ме-

тра должна упасть. Что и произошло. Причем не одинаково во всей Москве, а в поясе, где стали появляться новые форматы предлагаемого жилья. Стоимость квартир, например, у метро «Университет» в долларовом измерении упала более чем в 1,5 раза за два года. Тут и девальвация валюты, конечно, помогла, но не только она. <...>

Этот процесс покончил с устойчивостью московского рынка жилья. Инвесторы потеряли часть своего капитала. Притом что в Московской области, по данным Института экономики города, была обратная ценовая динамика. Вся плантационная экономика ушла в сторону области. Жилье там дешевое, появляются новые стандарты, оно там растет, а Москва теперь слишком непредсказуема. Следующим, видимо, будет спальный пояс Москвы, где типаж домов однообразный и все менее соответствует нормам и запросам среднего класса. Сюда, возможно, придет следующая волна падения цен. Сейчас удар принял срединный пояс Москвы. <...>

Следующим объектом реновации, скорее всего, будут новостройки за МКАД. И об этом нужно думать. Подмосковные компактные города могут стать реальной альтернативой московским микрорайонам. И тогда микрорайоны начнут проваливаться по цене и по престижу — и с ними надо будет что-то делать.

Обозначенная перспектива переустройства города поднимает вопросы о перераспределении баланса между центром и периферией. Напомним, что по этому поводу в «Археологии периферии» вводилось противопоставление двух концепций: расширения центральности и полицентричности [Вендина, Муратов, 2013, с. 432–433]. Первая из них предложена итальянскими урбанистами Бернардо Секки и Паола Вигано и исходит из необходимости поддержания социальной и физической непрерывности города. В контексте развития московской агломерации эксперты обращают внимание на непропорционально маленький центр Москвы по отношению ко всему городу. Размер центра, который в такой интерпретации в лучшем случае ограничен Третьим транспортным кольцом (ТТК), является не центром обычного города, а всего лишь столичной резиденцией, а потому не нуждается в решении вопросов территориального развития по отношению к периферии.

Правильно ли я понимаю, что Москву сложно воспринимать как город и что она ведет себя больше не как центр, а как столица или как государство?

В. Каганский: Как имперская резиденция, расплывшаяся в огромной городской агломерации. Пятно застройки давно вышло за МКАД. При этом для 20-миллионной Москвы поразительно маленький центр. Получается, что у города с таким населением должен быть огромный центр, который бы вышел за пределы ТТК, — и тогда неизбежно «бублик» бы стал провинцией, а центральные функции были бы распределены.

Необходимости расширения центральности противопоставлен подход, направленный на развитие полицентричности — появления функциональных узлов притяжения (центров второго порядка) на территории периферии.

О. Вендина: Полицентричность подразумевает преодоление недостатков периферийного положения, прежде всего функциональной бедности жизни спальных окраин за счет целенаправленного развития и поддержания центров второго порядка, где концентрировались бы значимые торговые, транспортные и культурные объекты. Такие центры второго порядка могли бы замыкать многие жизненные потребности людей на себя, освобождая их от необходимости ехать в центр города, теряя при этом массу времени и сил. А концепция расширяющейся центральности — про то, что периферийности в принципе не должно быть в городском пространстве, потому что оно чрезвычайно ценное и тесное. Понятие центральности должно быть более дифференцированным, учитывать не только разнообразие функций, но и разнообразие социальных позиций. Центральность должна быть распределенной, позволяя избежать «вымороченных» периферийных зон. Периферии в привычном смысле слова в данной концепции не существует, поскольку то, что является периферийным с точки зрения одних видов деятельности, может быть центральным с точки зрения других. Расширяется понятие центральности — расширяется и его пространственное воплощение.

Однако и та и другая концепции сталкиваются с реальностью. Принципиального расширения центральности не происходит: центр Москвы остается все так же ограничен, качество жизни внутри центра и за его пределами продолжает сильно отличаться, что символически отражается в престижности и стоимости недвижимости. С другой стороны, системные попытки создать очаги центральности за пределами центра сталкиваются с тем, что фрагментарная функциональная насыщенность не позволяет сделать качественный скачок (как это, например, происходит с окраинными городами) и кардинально изменить качество жизни на периферии. В связи с этим возникает ощущение, что реновация является тупиковым инструментом, который реализуется в рамках уже привычных сценариев развития Москвы и не способен предложить новых идей для переустройства города.

А. Острогорский: Если реновация — это системный ответ, то возникает вопрос: должна ли Москва так развиваться? Потом мы снесем все следующие серии домов? И так мы будем волнами все перестраивать? Я думаю, что опыт реновации скоро покажет, что это нереализуемо. Идея суперпарка, которая предлагала по-новому трактовать пространство, а не отрицать его, увидеть новые качества — эта идея не прошла, потому что она не получает экономической поддержки, связанной со стройкой.

Возможно, решение проблемы нужно искать в «расширении» центральности, но понимая под этим не территориальную экспансию центра, а переосмысление того, что вообще считать центром, какими свойствами и качествами он должен обладать.

О. Вендина: Возможно, со временем можно будет говорить и о расширяющейся центральности. Однако подчеркну: реализация данной концепции не предполагает, что Москва от Кремля «до самых до окраин» будет однородной средой «как в центре». Напротив, данная концепция предполагает поддержку разнообразия и развитие контактности городской среды, что и позволяет центральности расширяться за счет социальных и пространственных связей.

Отчасти проявления такого концептуального смещения мы можем наблюдать в рекламных манипуляциях застройщиков, предлагающих недвижимость на окраинах, которая, по их заверениям, будет не просто соответствовать жизни «как в центре», а будет якобы самим центром. Отсюда слоганы: «Центр — там, где я», «Мой центр мира» и «Мой район — мой центр»³.

В результате эксперты сталкиваются с необходимостью поиска новых ценностей, без которых невозможно переосмысление отношений между центром и периферией. Взятый в рамках программы «Мой район» курс на развитие полицентричности не предлагает радикально новых ценностей для жизни за пределами центра. Неслучайно в своем выступлении на МУФ-2019 Г. Ревзин предлагает уйти от концепции полицентричности в пользу развития периферийных территорий как отдельно взятых городов.

Г. Ревзин: Когда говорят, что «Мой район» является продолжением программы «Моя улица», то это в смысле хозяйственно-строительной деятельности, но концептуально это жуткая проблема. <...>

Пять лет назад мы считали, что там нужно делать что-то морфологически похожее на центр. Сегодня я так не считаю. Я не считаю, что спальные районы можно делать так же, как и центры. Мы должны делать что-то другое. <...>

Сейчас я исхожу из того, что каждый район нужно решать как город. Наши районы в Москве — это поселения с населением около 100 000 человек. Это вообще-то малый город. И когда мы говорим про мастер-план районов, то мы должны понимать, что идеология этого мастер-плана должна быть сделана так, как будто это отдельный город — то есть у него свой центр, своя центральная улица, своя объездная зона, своя периферия, свое зонирование.

³ Слоганы застройщика «Инград»: http://img.advertology.ru/aimages/2019/06/10/ingrad_1.jpg; https://www.sostav.ru/images/news/2019/03/29/slides/zu78nnYl_m.jpg; <https://www.sostav.ru/images/news/2018/05/17/s71psana.jpg>.

Эти мастер-планы должны быть основаны на других ценностях, чем ценности в центре. Мы не можем дотянуть жизнь в спальнях районах по качеству до уровня центра. Мы можем создать альтернативу центру, где есть свои ценности, не похожие на те, что в центре.

Принципиально иное направление поиска альтернативных ценностей жизни за пределами центра предлагает А. Новиков. Его идея отталкивается от концепции аэрополиса Дж. Казарды [Kasarda, 2001] и предлагает смотреть на периферию Москвы и ближайших областных центров как на пригороды, но не Москвы, а московских аэропортов. По мнению А. Новикова, противопоставление этих территорий центру обрекает их на невыгодные сравнения, а переориентация на принципиально иные преимущества, например, на близость к аэропортам, позволяет периферии найти собственные аспекты центральности.

А. Новиков: У меня есть представление о том, что малые и средние города (Кашира, Тула, Серпухов, Зарайск, Клин) — это города, которые в скором будущем окажутся более привлекательными для москвичей, чем [внутренние] микрорайоны. Это шикарные места с фантастическими ландшафтами вокруг, с удобной исторической планировкой и старой жилой застройкой с разнообразной квартирографией, а также с высокой доступностью аэропортов. А пока логика у местных властей в этих городах, как правило, такова: мы не Москва, мы сами по себе. Но эта логика противостояния затягивает, и эти города начинают проигрывать Москве, становясь сателлитами, вместо того чтобы стать настоящей Москвой, с центральным качеством городской среды.

Старые и новые инфраструктуры

На примере близости к аэропорту мы можем заметить, каким потенциалом обладает транспортная инфраструктура в плане перераспределения баланса между центром и периферией. В данном контексте представляется важным обсудить, какое функциональное наполнение привносят и привнесут имеющиеся (МКАД, МЦК) и строящиеся (МЦД) системы.

Если говорить о МКАД, то сразу же возникает противопоставление ее барьерных и контактных функций. С одной стороны, МКАД продолжает оставаться физическим барьером, пересечение которого возможно лишь в определенных точках доступа, что сильно ограничивает потоки в Москву извне. С другой стороны, МКАД превратилась в полноценную торговую артерию, которая привлекает потоки посетителей как из области, так и из города.

А. Трейвиш: МКАД мешает физически, как стена. Въехать и съехать трудно. Пересечь этот барьер можно только по вылетным магистралям. Вдоль МКАД с обеих сторон жилые районы, но связи между ними нет. С тех пор как Москва выплеснулась за МКАД, эта дорога все равно превратилась во внутригородское или внутриагломерационное кольцо. Сейчас это фактически торговая улица. Не как Тверская, а как улица для автомобилистов.

О. Вендина: Чтобы убедиться в сказанном, достаточно проехать по МКАД. Эта трасса, призванная разгрузить транспортные потоки Москвы, превратилась в главную торговую и деловую «улицу» Московской области, ее центр. Характерно, что внешняя сторона МКАД довольно плотно застроена, а внутренняя — не очень, здесь много зелени, из-за которой в отдалении выглядят крыши домов. Территории, отвечающие представлению о городе и создающие его образ, оказались снаружи, а о пригороде — внутри. Вот такая инверсия.

Другой не менее важный вопрос заключается в том, продолжает ли МКАД оставаться физической или символической границей Москвы. Если раньше символический каркас города однозначно сложно было представить без МКАД [Глазков, Гнилорыбов, 2017], которая являлась дополнительной шкалой удаленности от центра, то сейчас после существенной территориальной экспансии Москвы в область МКАД все больше обретает свойства центральности.

В. Каганский: МКАД становится новым утилитарным центром, не символическим. Функцию границ она продолжает выполнять в транспортном отношении, так как не везде ее можно пересечь.

Признавая за МКАД некоторые аспекты центральности, эксперты тем не менее считают, что в дальнейшем потребуются существенная реконструкция кольцевой дороги, которая бы повысила связанность урбанизированных территорий по обеим ее сторонам.

Продолжает ли МКАД быть границей?

А. Острогорский: Нет, конечно. Она все больше становится проблемой непереходимого барьера. Понятно, что плотность вдоль МКАД будет повышаться. Значит, вокруг всех этих развязок возникнет город. С ростом города его придется убирать, сносить, переделывать, как неправильно вросшую кость. Был такой проект на «Стрелке»: «МКАД как бульвар» — можно себе такое представить.

С другой стороны, благодаря своим барьерным функциям МКАД продолжает технически и символически ограничивать Москву, вынуждая администрацию города обращать внимание на потенциал развития внутренних территорий.

А. Новиков: Понятно, что идет застройка МКАД с обеих сторон. Со стороны Московской области — моллы. Это точно нельзя назвать центром, потому что это среда абсолютно не городская, а, скорее, логистическая. Внутри молл, может быть, и представляет собой мини-город, но не более того. Это контрсреда. Это барьер, через который очень мало пешеходных смычек. <...>

Он остается крепостью. Количества низовых смычек там очень не хватает. Отчасти это и хорошо, и плохо. Плохо — понятно почему. Хорошо — потому что МКАД символически выполняет роль зеленого пояса вокруг Лондона как ограничителя расползания. У вас полно внутри Москвы места, давайте реорганизуем пространство, нечего выходить за пределы Москвы.

Другое транспортное кольцо — МЦК — интересно тем, что после своего запуска в 2016 году стало наиболее значимым инфраструктурным объектом, полностью расположенным за ТТК. Обсуждая, удалось ли МЦК создать новые точки притяжения, эксперты сходятся во мнении, что пока его станции не стали полноценными субцентрами. Этому мешает в том числе сильная конкуренция со стороны центра и МКАД, однако в конце концов высокий пересадочный потенциал и новый пассажирский поток поднимут уровень функционального наполнения МЦК.

В «Археологии периферии» делался прогноз, что МКЖД (прежнее название МЦК) и МКАД будут новыми точками притяжения, — прогноз сбился?

О. Вендина: Любая инфраструктура, и особенно пересадочная, выполняет узловые функции, а значит, является фокусом притяжения различных видов деятельности. И если прогноз, данный в «Археологии периферии», еще не сбился, то он сбудется. Нужно время. Территория, по которой проходит МЦК, находится в зоне двойной периферии. Она испытывает сильную конкуренцию как со стороны линейного центра, которым является МКАД, так и центра Москвы. Процесс формирования точек притяжения небыстрый. Помимо пересадочного узла и обычных сопутствующих ему торговых киосков, в таких местах должно появиться еще что-то, повышающее символическую ценность места.

Получается ли у МЦК уже сейчас привносить центральность?

А. Новиков: О да! Наполняемость МЦК прекрасна. Кольцо сгенерировало новый поток даже в большей степени, чем помогло разгрузить радиальные линии. Это означает, что раньше жители спальной периферии отказывали себе в поездке, и такие маршруты даже в голове не держали, а сейчас доступность резко выросла. И это замечательно для города. Потому что чем больше трафик, тем лучше работает пересадочный узел и тем сильнее он притягивает потребительский спрос и функционирует как центр экономической активности. Правда, это процесс не быстрый, но иначе и быть не может.

Судя по названию, Московские центральные диаметры (МЦД) вслед за МЦК тоже претендуют на привнесение свойств центральности на территории, по которым будут проложены

маршруты. Однако данный инфраструктурный объект интерес тем, что он в явном виде покидает пределы Москвы. Отсюда вопрос: кто же будет основным бенефициаром от его ввода и эксплуатации, Москва или Московская область?

По мнению экспертов, МЦД — агломерационный проект. С одной стороны, он должен помочь разгрузить локальную транспортную инфраструктуру. С другой стороны, сам факт реализации этого проекта показывает, что в сложившемся конфликте интересов между Москвой и Московской областью МЦД отвечает на общий запрос о росте функциональной связанности в пределах реальной агломерации.

О. Вендина: В данном случае речь идет не о «реальных размерах», а о функциональном единстве агломерации, в которой функционируют не только иерархические связи, направленные в центр и из центра, но и горизонтальные — между разными точками, прилегающего к агломерационному ядру пространства. Иногда это ядро является лишь зоной транзита.

К тому же заявленная тенденция на поиск функционального наполнения за пределами Москвы может позволить внутренней периферии изменить свою ориентацию в пользу других центров, например, тех же аэропортов.

Е. Летуновская: Мы затрагивали эту тему в одном из конкурсов по реновации, еще до ярких публичных анонсов МЦД. Район, которым мы занимались, был бусинкой на этой устаревшей железной дороге. И если бы это была удобная скоростная дорога, то этот район начал бы работать вовне больше, чем внутри Москвы. Обычный спальный район [Головинский], скорее, превращается в самодостаточный пригород, но не Москвы, а в нашем случае — Шереметьево, за счет этой ж/д связи. О проекте МЦД мы еще не знали. Мы ссылались на опыт Большого Парижа.

Так или иначе, развитие транспортной инфраструктуры, а также ее взаимное пересечение с остальными дорогами и рекой создает, по мнению экспертов, неплохой потенциал для возникновения настоящих субцентров.

А. Новиков: МЦК и Третье кольцо обсуждались еще во времена Лужкова. Однако жизнь инфраструктурных проектов длиннее, чем политическая жизнь мэров. Оно было задумано еще тогда, и это один из лучших современных проектов Москвы. У Москвы есть замечательный инфраструктурный каркас, который позволяет получить зрелые центры на пересечениях МЦК, ТТК и Москвы-реки. Получается как минимум четыре отличных перехватывающих центра. Это отражено и в Генплане. Вопрос лишь в том, сколько понадобится времени и усилий для того, чтобы эти пересечения стали реальными субцентрами Москвы.

Вместо заключения. Археология периферии 2.0

Обсуждая необходимость проведения повторного исследования по следам «Археологии периферии», эксперты не приходят к единому мнению. В основном расхождения возникают по поводу выбора исследовательской оптики, а именно в понимании периферии.

Одни продолжают считать, что территория между ТТК и МКАД (внутренняя периферия) все так же остается наиболее непонятной и неизведанной территорией.

В. Каганский: Нужны полевые исследования, пешие маршруты, с аудио- и видеосъемкой. Чтобы откартировать внутреннюю периферию Москвы, чтобы понять, какие типы зон там есть. Чтобы понять морфологию этого пространства. Нащупать очаги новой центральности. Пока что она остается недостаточно изученной.

Другие эксперты придерживаются мнения, что повторение исследования в границах той же территории носило бы исключительно мониторинговый характер. При этом как тогда, так и сейчас выделение этой территории само по себе не позволяет наделить ее особым онтологическим статусом.

А предметным фокусом «Археологии периферии 2.0» был бы тот же «бублик»?

А. Острогорский: Не думаю. Разве что если в риторическом смысле, в качестве какого-то регулярного мониторинга — наверное, это было бы интересно читать. Но повторюсь, что тогда выделение периферии было чисто аналитическим ходом. Это не связано с реальностью. Ее как таковой не существует.

Третьи эксперты расценивают возможность проведения повторного исследования как способ сместить фокус на изучение отношений между Москвой, Московской областью и прилегающими регионами. Причем принципиальное значение имело бы изучение собственно фронта — неуправляемого перехода между московским мегалополисом и другими субъектами.

Т. Нефедова: Для меня было бы важно поговорить о том, как изменились различия между Москвой, Московской областью, соседними и более удаленными регионами. Как эта «ступенчатость» определяет поляризацию нашего пространства и что будет на каждом из этих уровней. Даже больше всего интересовал бы переход от Московской области к окружающим ее регионам, ведь это очень «болезненная часть» России.

Однако увеличение масштаба не означает снижения интереса к внутренней периферии. Наоборот, когда деление на внутреннее и внешнее приобретает высокую степень условности, становится более очевидным, что изменения любой части агломерации приводят к новому перераспределению баланса между центром и периферией, а значит, интерес к территориям за административными пределами Москвы позволит лучше понять специфику процессов внутренней периферии.

А. Новиков: Московская спальная периферия — фантастически интересный объект, нигде в мире такого не сыщешь. Огромный город, который, если сделать правильно, получит колоссальный рост качества жизни и экономической выгоды.

В связи с проектами реновации возникла совсем другая ситуация. Ее необходимо осмыслить уже не только в границах «бублика», а в пределах всей агломерации. Я не имею в виду только Новую Москву, а говорю о всей живой агломерации. Раньше пробки были в центре города, потом перешли в «бублик». А сейчас «пробки» сместились в Московскую область. Москва даже по этому параметру — по повседневным проблемам передвижения — уходит туда, в область. Появляются новые модели жизни, связанные с аэропортами. Аналитически надо точно выходить за пределы не только области, а дотягиваться до центров ближайших областей (Владимир, Рязань, Тула, Калуга, Смоленск, Тверь, Ярославль). <...>

Некоторые эксперты при этом считают, что академически и интеллектуально идеи «Археологии периферии» остаются все еще неосвоенными. Заложенные в сборник соображения требуют дополнительного раскрытия и могут послужить вектором для новых исследований исследований.

О. Вендина: Я думаю, что такие знаковые исследования, которые отражают поворот урбанистической мысли, должны случаться не чаще одного раза в 10 лет. Мне кажется, что те мысли, которые тогда были сформулированы, еще и сейчас не до конца освоены, а сформулированные там тезисы не отвергнуты и не нуждаются в пересмотре. Мне кажется, что более правильный путь — реализация проектов, которые бы проверяли сформулированные в «Археологии периферии» новые идеи, не получившие достаточного обоснования.

Таким образом, московская периферия все еще остается малоизученной. Попытки ее административного, аналитического, поточного и онтологического выделения сталкиваются с проблемой концептуальных противоречий между разными подходами по поводу того, что считать центром, периферией, периферизацией, центральностью, полицентричностью, агломерацией и т. д. На данном этапе нам удалось лишь кратко обозначить основные точки соприкосновения различных взглядов на данные вопросы. Одно не вызывает сомнений: бурно меняющаяся Москва еще не раз предложит вопросы для теоретических дискуссий и эмпирических исследований.

Источники

- Археология периферии (2013) Сборник статей. М.: Strelka Institute.
- Вендина О., Муратов А. (2013) На пути к суперпарку//Археология периферии. Сборник статей. М.: Strelka Institute. С. 432–453.
- Глазков К., Гнилорыбов П. (2017) «Кочующая» топонимика: транспортная система как движущая сила названий в Москве//Неприкосновенный запас. Т. 2. № 112. С. 232–252.
- Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г. (2010) Современные процессы урбанизации в Подмоскowie: феномен «окраинного города»//ACADEMIA. Архитектура и строительство. Т. 4. С. 63–68.
- Гутнов А.Э. (1984) Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат.
- Каганский В.Л. (1998) Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта//Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований: семинар «Культурный ландшафт». С. 72–101.
- Каганский В.Л. (2015) Ситуация границы и логико-семиотические типы границ//Международный журнал исследований культуры. Т. 4. № 21. С. 5–27.
- Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. (2012). Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? //Демоскоп Weekly. № 517–518. С. 1–26.
- Махрова А.Г., Кириллов П.Л. (2016) Маятниковые трудовые миграции как образ жизни в агломерациях. Пример Московской области//Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России/Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева, А.Г. Махрова (ред.). М.: Новый хронограф.
- Нефедова Т. (2018) Новая Москва за пределами ее городов//Старая и Новая Москва: тенденции и проблемы развития. М.: Изд. ИП Матушкина И.И.
- Новиков А., Котов Е., Гончаров Р., Никогосян К., Городничев А. (2016) Москва: курс на полицентричность. Оценка эффектов градостроительных проектов на полицентрическое развитие Москвы. М.: Высшая школа урбанистики.
- Россман В. (2013) Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. Издательство Института Гайдара.
- Blowers A., Leroy P. (1994) Power, Politics and Environmental Inequality: A Theoretical and Empirical Analysis of the Process Of 'Peripheralisation'//Environmental Politics. Vol. 3. No. 2. P. 197–228.
- Danson M., De Souza P. (eds.) (2012) Regional Development in Northern Europe. Peripherality, Marginality and Border Issues. London: Routledge.
- Daum A. (2000) America's Berlin 1945-2000: Between Myths and Visions//Berlin: The New Capital in the East. A Transatlantic Appraisal/F. Trommler (ed.). Washington, D.C: American Institute for Contemporary German Studies, The Johns Hopkins University. P. 49–73.
- Fujita M., Ogawa H. (1982) Multiple Equilibria and Structural Transition of Non-Monocentric Urban Configurations//Regional Science and Urban Economics. Vol. 12. No. 2. P. 161–196.
- Garreau J. (1991) Edge City: Life on the New Frontier//American Demographics. Vol. 13. No. 9. P. 24–31.
- Herrschel T. (2011) Regional Development, Peripheralisation and Marginalisation – And The Role of Governance//The Role of Regions? Networks, Scale, Territory/T. Herrschel, P. Tallberg (eds.). Kristianstad: Kristianstad Boktryckeri. P. 85–102.
- Jonas A. E. (2003) Making Edge City: Post-Suburban Development and Life on the Frontier in Southern California//Changing Suburbs: Foundation, Form and Function/R. Harris, P. J. Larkham (eds.). London, New York: Routledge. P. 202–221.
- Kasarda J. (2001) From Airport City to Aerotropolis. Airport World. No. 6. P. 42–47.
- Lang T. (2012) Shrinkage, Metropolization and Peripheralization in East Germany//European Planning Studies. Vol. 20. No. 10. P. 1747–1754.
- Teaford J.C. (1997) Post-Suburbia: Government and Politics In the Edge Cities. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

KONSTANTIN GLAZKOV

THE ARCHEOLOGY OF THE PERIPHERY: SIX YEARS LATER

Konstantin P. Glazkov¹, PhD in Sociology, Lecturer at the Sociological Department, HSE University; 20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation, tel.: +7 977 845 52 51

E-mail: glazkov.konst@gmail.com

Abstract

In December 2013, comprehensive research on the outskirts of Moscow was presented at the Moscow Urban Forum (MUF) – The archeology of the periphery. It included six areas: society, politics, architecture, culture, economics, and data. Research teams noted the significant potential of the peripheral parts of the city, which are still in mode of “dormitory” centers. Nevertheless, these territories still remained only urban parts, not city-forming. One of the criticisms of this project was the insufficient disclosure of the relationship between the center and the periphery, which could shed light on the reasons for the poor realization of the potential of the peripheral territories.

Six years have passed. Moscow is booming. For three years now, the Moscow Central Circle (MCC), which lies on the territory of the periphery, has been functioning. The introduction of a new large-scale transport infrastructure – the Moscow Central Diameters (MCD) – which will spread outside Moscow has been announced. The city is experiencing the opening of new metro lines, several improvement projects (“My Street”, “My District”) and an active phase of housing renovation. It makes sense to recall the old results and conclusions in order to evaluate the development that has formed since the publication of “The Archeology of the Periphery”. To do this, we talked with the authors to comprehend the changes taking place in Moscow, which is trying to find a balance between the center and the periphery.

Eight interviews with the experts who were responsible for various research areas were analyzed. We discussed where Moscow ends, what can be called the periphery of Moscow, whether we should wait for the next administrative expansion of the city, how the accession of New Moscow affected the development of the whole city, whether the “My District” project will be able to form a polycentric urban environment, what the prospects of the Moscow housing renovation are, what role the MKAD plays in modern Moscow, how the three-years of the MCC operation has affected the peripheral territories, what to expect from the launch of the MDC, and what “The Archeology of the Periphery 2.0” could be about.

Key words: center; periphery; peripheralization; agglomeration; Moscow; MKAD; MCC; MCD

Citation: Glazkov K.P. (2019) Archeology of the Periphery: Six Years Later. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 86–103 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201986-103>

References

- Arheologija periferii [Archeology of the periphery] (2013) Sbornik statej [Digest of articles], M.: Strelka Institute. (in Russian)
- Blowers A., Leroy P. (1994) Power, Politics and Environmental Inequality: A Theoretical and Empirical Analysis of the Process of ‘Peripheralisation’. *Environmental Politics*, vol. 3, no 2, pp. 197–228.
- Danson M., De Souza P. (eds.) (2012) Regional Development in Northern Europe. Peripherality, Marginality and Border Issues. London: Routledge, pp. 49–64.
- Daum A. (2000) America’s Berlin 1945–2000: Between myths and visions. *Berlin: The New Capital in the East. A Transatlantic Appraisal*, pp. 49–73.
- Fujita M., Ogawa H. (1982) Multiple equilibria and structural transition of non-monocentric urban configurations. *Regional science and urban economics*, vol. 12, no 2, pp. 161–196.
- Garreau J. (1991) Edge city: life on the new frontier. *American Demographics*, vol. 13, no 9, pp. 24–31.

¹ Research interests: microsociology, public behavior, location-based services.

- Glazkov K., Gnilorybov P. (2017) «Kochujushhaja» toponimika: transportnaja sistema kak dvizhushhaja sila nazvanij v Moskve [“Nomadic” toponomy: transport system as a driving force for names in Moscow]. *Neprikosnovennyj zapas* [Untouchable reserve], vol. 2, no 112, pp. 232–252. (in Russian)
- Golubchikov O.Ju., Mahrova A.G. (2010) Sovremennye processy urbanizacii v Podmoskov’e: fenomen «okrainnogo goroda» [Modern processes of urbanization in the suburbs: the phenomenon of the “edge city”]. *ACADEMIA. Arhitektura i stroitel’stvo* [Architecture and construction], vol. 4, pp. 63–68. (in Russian)
- Gutnov A.E. (1984) Evolyuciya gradostroitel’stva. [The Evolution of Urban Planning]. M.: Strojizdat. (in Russian)
- Herrschel T. (2011) Regional development, peripheralisation and marginalisation—and the role of governance. *The Role of Regions? Networks, Scale, Territory*/T. Herrschel, P. Tallberg (eds.). Kristianstad: Kristianstad Boktryckeri, pp. 85–102.
- Jonas A. E. (2003) Making edge city: Post-suburban development and life on the frontier in southern California. *Changing Suburbs: Foundation, Form and Function*/R. Harris, P.J. Larkham (eds.). London, New York: Routledge, pp. 202–221.
- Kaganskij V.L. (1998) Centr-provincija-periferija-granica. Osnovnye zony kul’turnogo landshafta [Center-province-periphery-border. The main areas of the cultural landscape]. *Kul’turnyj landshaft: voprosy teorii i metodologii issledovanij: seminar «Kul’turnyj landshaft* [Cultural landscape: issues of theory and research methodology: seminar “Cultural landscape], pp. 72–101. (in Russian)
- Kaganskij V.L. (2015) Situacija granicy i logiko-semioticheskie tipy granic [The situation of borders and logical-semiotic types of borders]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul’tury* [International Journal of Cultural Studies], vol. 4, no 21, pp. 5–27. (in Russian)
- Kasarda J. (2001) From airport city to aerotropolis. *Airport world*, no 6, pp. 42–47.
- Lang T. (2012) Shrinkage, Metropolization and Peripheralization in East Germany. *European Planning Studies*, vol. 20, no 10, pp. 1747–1754.
- Mahrova A., Nefedova T., Trejvish A. (2012) Moskva: megapolis? aglomeracija? megalopolis? [Moscow: a megalopolis? agglomeration? megalopolis?]. *Demoskop Weekly*, no 517–518. pp. 1–26. (in Russian)
- Mahrova A.G., Kirillov P.L. (2016) Majatnikovye trudovye migracii kak obraz zhizni v aglomeracijah. Primer Moskovskoj oblasti [Pendulum labor migrations as a way of life in agglomerations. An example of the Moscow region]/*Mezhdum Domom I... Domom. Vozvratnaja Prostranstvennaja Mobil’nost’ Naselenija Rossii*. [Between House And ... House. Return Spatial Mobility of the Population of Russia]. M: Novyj Hronograf [New chronograph]. (in Russian)
- Nefedova T.G. (2018) Novaja Moskva za predelami ee gorodov [New Moscow outside its cities]. *Staraja i Novaja Moskva: tendencii i problemy razvitija* [Old and New Moscow: development trends and problems]. M.: Izd. IP Matushkina I.I. (in Russian)
- Novikov A., Kotov E., Goncharov R., Nikogosjan K., Gorodnichev A. (2016) Moskva: kurs na policentrichnost’. Ocenka jeffektov gradostroitel’nyh proektov na policentricheskoe razvitie Moskvy [Moscow: course on polycentricity. Assessment of the effects of urban development projects on the polycentric development of Moscow]. M: Vysshaja shkola urbanistiki [Moskva Graduate School of Urban Studies]. (in Russian)
- Rossmann V. (2013) Stolicy. Ih mnogoobrazie, zakonomernosti razvitija i peremeshhenija [Capital Cities. Their diversity, patterns of development and movement]. Izdatelstvo Instituta Gaidara [Gaidar Institute Press]. (in Russian)
- Teaford J.C. (1997) Post-suburbia: government and politics in the edge cities. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Vendina O., Muratov A. (2013) Na puti k Superparku [On the way to Superpark]/*Arheologija periferii. Sbornik statej* [Archeology of the periphery. Digest of articles], M.: Strelka Institute, pp. 432–453. (in Russian)

Я.А. ГОЛУБЕВА, Д.И. ВЕРЕТЕННИКОВ,
В.И. КОРОТЫЧ, Л.В. КРУТЕНКО, Г.Н.МАЛЫШЕВ,
Г.Р. НИЗАМУТДИНОВА

НЕСТОЛИЧНАЯ РЕНОВАЦИЯ

Голубева Яна Анатольевна, магистр архитектуры, генеральный директор ООО МЛА+СПБ; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д.12; тел.: +7 981 848 78 21

E-mail: yana.golubeva@mlaplus.com

Веретенников Даниил Игоревич, магистр архитектуры, исследователь, преподаватель СПбГАСУ, архитектор, ООО МЛА+СПБ; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д.12; тел.: +7 981 848 78 21

E-mail: daniil.veretennikov@mlaplus.com

Коротыч Виктор Игоревич, бакалавр архитектуры, архитектор, ООО МЛА+СПБ; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д.12; тел.: +7 931 307 82 23

E-mail: viktor.korotych@mlaplus.com

Крутенко Любовь Викторовна, MA in Urban Studies, архитектор, ООО МЛА+СПБ; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д.12; тел.: +7 901 731 75 99

E-mail: lubov.krutenko@mlaplus.com

Малышев Гавриил Николаевич, MA in Urban Planning, архитектор, ООО МЛА+СПБ; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д.12; тел.: +7 981 802 09 41

E-mail: gavriil.malyshev@mlaplus.com

Низамутдинова Гульназ Разябовна, MA in Design of Urban Ecosystems, архитектор, ООО МЛА+СПБ; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д.12; тел.: +7 981 955 23 65

E-mail: gulnaz.nizamutdinova@mlaplus.com

Крупные города России сегодня – это значительные материальные ресурсы, накопленные в недвижимости и инфраструктуре, объемы ветшания которых превосходят возможности финансирования ежегодного ремонта. Неравномерность развития страны приводит к сверхконцентрации людей и ресурсов в крупных городах и агломерациях, что, с одной стороны, усугубляет неравенство социально-экономического развития регионов, с другой – усиливает разрыв в развитии центров и периферий внутри самих крупных городов. Так, крупные города России, столкнувшиеся с массовым миграционным притоком, развиваются экстенсивно, расплываясь на периферию и оттягивая ресурсы из пределов освоенной урбанизированной территории, что приводит к деградации существующей застройки, усугублению социального и инфраструктурного неравенства. Прежде чем нас накроет волной катастрофических обрушений, разрывов сетей и других подобных проблем, следует предусмотреть новые механизмы реновации фондов, а также найти альтернативу экстенсивному развитию.

Реновация за пределами Москвы – это проблема, в рамках которой необходимо найти инструменты работы с существующими фондами без их тотального сноса. Мы в качестве базовой гипотезы принимаем, что при размещении новых объемов в границах застроенных территорий и привнесении на недосформированные территории пространственной структуры возникнут возможности развития имеющегося фонда и инфраструктур. Размещение новой застройки должно улучшать качество сложившейся среды, а не порождать градостроительные конфликты.

В рамках исследования на примере кейса Санкт-Петербурга были выделены восемь морфотипов, характерных для среды постсоветского города. Для каждого из них определены пространственные инструменты работы с застроенными территориями, предполагающие скрупулезную работу с контекстом, включающую в том числе привлечение к участию в городском развитии максимального числа собственников жилья. С помощью проектирования как исследовательского инструмента был оценен примерный емкостный ресурс освоенных урбанизированных территорий при их развитии по предложенной компактной модели.

Ключевые слова: уплотнение; разрастание; морфотип; компактный город; неравномерное развитие; постсоциалистический город; нестоличная реновация; экстенсивное развитие; интенсивное развитие

Цитирование: Голубева Я.А., Веретенников Д.И., Коротыч В.И., Крутенко Л.В., Малышев Г.Н., Низамутдинова Г.Р. (2019) Нестоличная реновация//Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 104–128. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp422019104-128>

Введение. Экстенсивное развитие или интенсивное развитие?

Процесс урбанизации в последние десятилетия идет все быстрее, городское население продолжает расти, при этом города теряют плотность и все более растягиваются [UN Habitat, 2011]. Крупные российские города не исключение. Объемы строительства жилого фонда превысили в них рекордные позднесоветские показатели, причем новое строительство идет посредством расширения территориальных границ урбанизированного ядра за счет неосвоенной периферии [Стариков, 2019]. Вариантом такой модели роста является и Санкт-Петербург, кейс которого был нами исследован.

Как будет показано ниже, такой формат пространственного развития, особенно в купе с моноцентричностью, характерной для крупных российских агломераций, включая петербургскую [Лимонов, 2015], влечет за собой множество социальных, экономических и инфраструктурных проблем. Например: отток ресурсов от существующей селитебной зоны в новую, рост инфраструктурных неравенств и маятниковых миграций, усиление диспропорций в доступе к образованию, доступности общественных благ, отдыха и развлечений, ликвидация природных и сельскохозяйственных активов вблизи городского ядра и т. д. [Аношкин, 2011].

Причины экстенсивного развития

Несмотря на то что некоторые проблемы, вызываемые таким форматом пространственного развития, схожи в разных городах мира, причины расположения российского города имеют свою специфику. Они связаны как с социалистическим градостроительным и институциональным наследием, так и с современным неолиберальным типом градостроительной политики, ориентированным на рыночные отношения. В отличие от советской системы управления, также нацеленной на освоение новых территорий, сегодня муниципалитеты не столь значимы в пространственном развитии города. Механизмы управления новым строительством на внутренних территориях городов практически отсутствуют, городские администрации не могут стимулировать перепродажу участков в бывших промзонах, не располагают инструментами работы с собственниками. К этому добавляется рост объемов аварийного и ветхого жилья ввиду многолетнего отсутствия инвестиций в капитальный ремонт жилых домов [Сиваев, 2018]. Из-за роста изношенности транспортной и инженерной инфраструктур, а также жилого фонда работа с застроенными территориями требует все больше финансовых ресурсов, одновременно в городе растет спрос на новое жилищное строительство, стимулируемый несколькими факторами. Во-первых, это колоссальный приток населения в крупные города, вызванный сложившимся после краха советской распределительной модели неравномерным развитием страны. Это проявляется в сверхконцентрации людей и ресурсов в крупных городах на фоне стремительного их оттока из малых и средних [Голубчиков и др., 2013]. Во-вторых, невысокий уровень доходов, ненадежность коммерческой аренды и недоступность социального жилья для большей части населения порождают спрос на дешевое массовое коммерческое жилье. В-третьих, спрос на жилищное строительство отражается и на государственных приоритетах — в рамках проекта «Жилье» предусмотрен рост объемов жилищного строительства не менее чем до 120 млн кв. м в год к 2024 году [Президент России, 2018]. Расположение этих метров на городской территории регулируется не столько городской администрацией, сколько рынком и интересами девелоперов, для которых освоение незастроенной периферии оказывается проще и рентабельнее — риски конфликтов с существующими интересантами минимальны, как и стоимость земельных участков.

Проблемы экстенсивного развития

Типологически большинство объектов, возводимых таким образом на городской периферии, представляют собой микрорайонный формат застройки, во многом продолжающий модернистскую градостроительную практику. Однако в условиях неолиберального капитализма и ограниченного контроля со стороны государственных и общественных институтов освоение территорий происходит сразу большими площадями строительства при значительно отстающих качестве и количестве транспортной и социальной инфраструктуры [Чиркунов, 2011]. Несмотря на то что программы комплексного освоения территорий декларируют само-

достаточность возводимых районов как один из ключевых принципов, фактически для них характерна монофункциональность, удаленность от мест приложения труда и одновременно недостаточность локальных мест приложения труда, культурных учреждений, спортивных объектов и т.д. [Королев, 2018]. «Спальный» характер новых микрорайонов при экстенсивном развитии города усугубляет транспортные проблемы, вынуждая жителей совершать ежедневные маятниковые миграции. Удаленность, изолированность периферийных территорий вместе с низкой связностью улично-дорожной сети и низкой обеспеченностью маршрутами общественного транспорта приводят к повышенному автомобилепользованию в новых районах. Это усугубляет транспортные проблемы, увеличивает экологическую нагрузку, а также расходы муниципальных бюджетов на новые автомагистрали и парковки. Помимо перечисленных социальных и инфраструктурных проблем, экстенсивное расплозание городских территорий приводит к потере сельскохозяйственных территорий и природных ландшафтов, что наносит непоправимый ущерб экосистемам. В то же время бюджетные и частные инвестиции на прокладку инженерных и дорожных сетей, строительство новой инфраструктуры оттягиваются от существующей застройки, что приводит к деградации городского ядра вследствие недофинансирования работ по поддержанию и реконструкции.

Альтернатива – в интенсивном развитии

Таким образом, экстенсивной модели развития крупных российских городов спальными микрорайонами свойственна социальная, экономическая и экологическая неустойчивость, приводящая к росту неравенства внутри города, когда периферия застраивается массовым недорогим жильем, центр постепенно джентрифицируется, а срединная зона деградирует без инвестиций [Badyina, Golubchikov, 2005]. Сегодня, когда издержки такой модели на фоне истощенности внешних территориальных резервов роста становятся все более очевидными, важным является поиск разумной альтернативы.

Мы видим ее в градостроительной концепции компактного города, основополагающей идеей которой является интенсификация использования уже освоенных городских территорий через их реорганизацию и преобразование [Dielmann, 2004]. Мы понимаем, что политика компактного развития имеет ряд недостатков, в частности, также может приводить к росту социального неравенства, усугублять жилищный кризис [Burton, 2001], быть причиной сокращения озелененных территорий в городе и, как следствие, роста экологических проблем [Van Der Waals, 2000]. Кроме того, недостаточно исследовано влияние компактности на риск распространения заболеваний и эпидемий. Осознавая справедливость критики буквального переноса западных градостроительных концепций на постсоветскую политическую, социальную и институциональную городскую форму, мы хотим тем не менее продемонстрировать, как применение отдельных фрагментов модели компактного города может разрешать существующие проблемы российских городов, связанные с экстенсивным развитием. Мы разделяем отдельные принципы компактного городского развития, в частности предполагающие высокую транспортную проницаемость районов города и плотность застройки, эффективное использование территорий, равномерное покрытие города инженерной, коммунальной и социальной инфраструктурой [Катаева, 2013], и видим в них потенциал для применения к отечественным реалиям.

В нашей работе мы, будучи практиками градостроительного проектирования, хотим остановиться на пространственных аспектах развития города и попытаться ответить на следующие вопросы: какими пространственными методами можно создать условия для интенсивного развития освоенных внутренних городских территорий, сохранив при этом присущие им ценности? Каким ресурсом для интенсивного развития при таком подходе обладают освоенные городские территории?

Московская реновация или нестоличная реновация?

Рассмотрим сначала тот способ интенсивного развития, который активно применяется в Москве и, вероятно, будет распространен в ближайшее время в других регионах. Программа реновации массового жилья, запущенная в 2017 году мэром Москвы Сергеем Собяниным, предполагала снос более пяти тысяч жилых зданий преимущественно послевоенных серий и замену

их на новые с расселением около миллиона человек. Новая застройка, возводимая на высвобожденной территории, типологически не отличается от той, что строится на городской периферии, и представляет собой микрорайоны высотных секционных домов. Такое решение действительно позволяет интенсифицировать использование застроенного городского ядра и использовать существующую транспортную, инженерную и социальную инфраструктуру, направив инвестиции на ее реконструкцию, а не на строительство новой. Однако несмотря на заявленные преимущества, программа реновации вызвала противоречивую реакцию в экспертном сообществе и спровоцировала самое крупное протестное движение в новейшей истории Москвы. Критика такого способа интенсивного развития затрагивает множество аспектов, в том числе экономические, социальные, экологические. Во-первых, такая модель реновации не гибка — она не предусматривает создание условий для дальнейшего саморазвития территории, ее изменчивости, а предполагает полную замену одного морфотипа на другой. Во-вторых, эта замена противоречит принципу градостроительной преемственности, поскольку предполагает уничтожение целого морфотипа сформированной городской среды, полностью отвергая его архитектурную, историческую и социальную ценность. Помимо этого, критику вызывает и экономика проекта: большие объемы строительства, высокая стоимость демонтажных работ и необходимые затраты на отселение приводят к тому, что программа не может быть реализована исключительно за счет частных инвесторов и требует крупных вложений муниципального бюджета, что возможно исключительно в Москве. Наконец, московская реновация стала причиной социального конфликта, поскольку многие жители сносимых домов отказались от переселения, но столкнулись с тем, что даже право частной собственности не гарантирует им защиту их собственности. Таким образом, московская модель интенсивного развития внутренних городских территорий неустойчива, не предусматривает полноценного участия в процессе всех заинтересованных сторон, разрушает сложившуюся в морфотипе среду и сформировавшиеся сообщества.

Мы полагаем, что реализация интенсивной модели развития в условиях российских городов требует более тонкого и аккуратного подхода, учитывающего всю сложность и многообразие внутригородской среды, экономически реалистичного и обоснованного. А главное, являющегося результатом совместной работы всех заинтересованных субъектов, открывающим возможности для саморазвития территорий. Рассматривая сложившуюся городскую ткань как набор морфотипов, мы хотим продемонстрировать тот потенциал для интенсивного развития, который несет каждый из них, и пространственные методы, позволяющие его раскрыть.

Опираясь на предложенную Семенцовым модель периодизации градостроительного развития [Семенцов, 2007], мы выделяем следующие морфотипы: «исторический центр» (кварталы с преобладанием дореволюционной застройки), «серый пояс» (преимущественно нежилые территории исторического промышленно-селитебного пояса), «временный город» (частный сектор, кварталы индивидуальной или блокированной застройки), «рабочие поселки» («города-сады»; 2–4-этажная застройка городских кварталов советского доиндустриального периода 1918–1957 гг.), «сталинки» (застройка вдоль главных проспектов советского доиндустриального периода), «хрущевки» (микрорайоны первого поколения массовых серий 1958–1974 гг.), «брежневки» (микрорайоны поздних поколений массовых серий 1975–1991 гг.), «постсоветская застройка» (кварталы и микрорайоны, построенные после 1991 г.). С точки зрения устойчивости решений и градостроительной преемственности важно, чтобы при интенсивной модели развития были учтены средовые особенности каждого из морфотипов. Однако сегодня мы наблюдаем попытки интенсивного девелопмента, при которых уникальности каждого морфотипа не уделяется должного внимания, что влечет за собой множество проблем, описанных, в частности, в обзоре московской модели реновации.

В основе предлагаемого нами подхода находится модель интенсивного развития, разработанная индивидуально для каждого морфотипа сложившейся городской ткани, учитывающая его особенности и исключающая потерю ценных средовых качеств. Преобразование сложившейся ткани городов нам представляется правильным осуществлять не за счет сноса существующей застройки и замены ее на новую, а в первую очередь за счет привнесения планировочной структуры в недоформированные участки территорий, застройки неэффективно используемых земель и уплотнения существующей застройки.

Понимая важность градостроительной преемственности, разделяя, в частности, мнение Гутнова, что при изменении города необходимо сохранение стабильных, устойчивых эле-

ментов городской структуры [Гутнов, 1984], основываясь на концепции компактного города [Чиркунов, 2011], опираясь на опыт работы бюро «Меганом» в рамках проекта «Дворулица» с недоформированными, рыхлыми городскими структурами по организации на их базе новых пространственных связей [Шляховая, 2018] и соглашаясь с необходимостью регенерации городской среды на принципах самоорганизации и аутентичности [Яблонская, 2011], мы утверждаем: при работе с застроенными территориями важно не только увеличение их плотности, но и исправление существующих недостатков среды, а также сохранение их достоинств и особых качеств, создание условий для гибкого саморазвития. На этих основаниях нами были сформулированы принципы исследования, которые в ходе проектирования позволят выработать необходимые «пространственные» средства:

1. Поддержка малого девелопмента. Уплотнение и повышение пространственного разнообразия застроенных территорий будет осуществляться за счет локальных проектов надстройки/пристройки небольших объектов новых типологий. Чтобы такие инструменты стали массовыми, необходимо формирование системы поддержки малого девелопмента. Агентом преобразования территорий должны стать сами собственники.
2. Приватизация внутриквартальных территорий. Огромное количество территорий внутри сформированных кварталов сегодня являются неразмежеванными в кадастре участками в муниципальной собственности. Такая ситуация тормозит изменения. Необходима инвентаризация земельных участков и сплошное межевание, ставящие целью рациональное распределение земельных ресурсов в пользование. Не должно оставаться ничьей земли.
3. Межевание участков под существующей застройкой с перспективой дальнейшего развития. Межевание должно быть проведено таким образом, чтобы открывать возможности развития существующей недвижимости. Необходимо выделить общественные пространства, зафиксировать их границы, функционал и характеристики. Оставшиеся земли могут быть переданы в частное пользование, что позволит сократить расходы муниципалитетов на содержание земли. Земельный участок под зданием становится полноценным активом собственников. Когда заказчиками малого девелопмента выступают сами выгодополучатели, снижается риск градостроительных конфликтов и эксплуатации территории «пришлым» инвестором, с другой стороны, укрепляется соседское сообщество как сообщество ответственных собственников.
4. Пробивка и реабилитация улиц как общественных пространств. Для формирования полноценной пространственной структуры, в рамках которой организуются полноценные земельные участки, необходима реабилитация улиц в качестве полноценного общественного пространства. Каждый размежеванный участок должен иметь выход к территории общего пользования. Увеличение протяженности улиц улучшает связность территорий, а также расширяет возможности развития малого бизнеса.
5. Формирование связного и интуитивно читаемого каркаса бульваров, садов и парков. Дополнительно к улицам необходимо формировать целостную систему общественных пространств. Общественные пространства должны работать как единая система разно-масштабных и интересных мест, между которыми можно перемещаться, не встречая серьезных препятствий. Также четкая система общественных пространств позволит решить проблему несанкционированной парковки. Необходима инвентаризация парковочных мест и установка предсказуемой парковочной политики.

Для применения этих принципов при проведении собственного исследования посредством проектирования городских морфотипов нами была выработана следующая методология. С одной стороны, мы опирались на подход *Research by Design*, предполагающий последовательность фаз исследования: предпроектный анализ территории и понимание контекста, сбор исходных данных, непосредственно проектирование, теоретический анализ его результатов [Roggeta, 2017]. С другой стороны, на этапе проектирования мы применяли часто используемый в нашей практике подход *Massing Study*, предполагающий оценку емкостных характеристик территории проектирования через размещение на ней архитектурных объектов согласно существующим пространственным и нормативным ограничениям (в нашем случае — сформулированным принципам) [Donath, 2008]. Ключевой особенностью нашей методологии являлся поиск ответа на исследовательский вопрос непосредственно в проектной фазе исследования. То есть поиск таких пространственных инструментов работы с морфотипами застройки, ко-

торые позволили бы вести интенсивное развитие территорий в соответствии с заявленными нами принципами.

Для определения границ исследования, морфотипов застройки, расчета показателей-индикаторов использовались GIS-инструменты работы с геопривязанными данными, которые предоставил нам Комитет по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга: здания и сооружения (года застройки), водные объекты, улично-дорожная сеть, красные линии, зеленые насаждения общего пользования (тип зеленых насаждений охранного статуса), кадастровые участки (виды разрешенного использования), ППТ по Санкт-Петербургу. Для расчетов показателей использовались также геоданные Open Street Map (OSM) и цифровой платформы «Реформа ЖКХ»¹.

Для параметрической характеристики среды и застройки каждого из морфотипов необходимо было выбрать параметры, по которым можно было бы оценить показатели интенсивности застройки, объем уплотнительного ресурса, эффективность использования территории. Параметры были выбраны согласно модели описания городской формы Space Matrix [Berghauser, 2018].

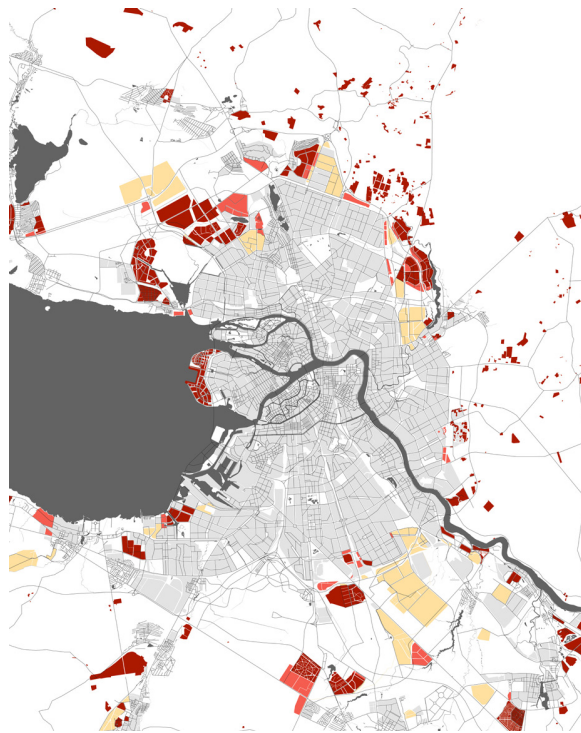
1. «Баланс частного и общественного» показывает соотношение приватного и публичного пространства и характеризует структурированность и эффективность использования городских территорий.
2. FSI — floor space ratio. Показывает плотность застройки территории. Вычисляется как отношение суммарной поэтажной площади зданий к площади исследуемой территории.
3. GSI — ground space ratio. Показывает застроенность территории. Вычисляется как отношение суммарной площади пятен застройки к площади исследуемой территории.
4. High-index показывает среднюю этажность зданий на исследуемой территории.
5. OSR — open space ratio. Показывает количество свободного пространства на территории. Вычисляется как отношение суммарной площади незастроенной территории к общей площади исследуемой территории.
6. «Плотность УДС» показывает связность территории, ее структурированность. Вычисляется как отношение суммарной протяженности улиц к площади исследуемой территории.
7. Параметр «парки» показывает количество общедоступных озелененных пространств. Вычисляется как отношение суммарной площади общедоступных озелененных пространств к общей площади исследуемой территории.

Исследование инструментов и потенциала интенсивного развития через проектирование. Кейс-стади Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург — второй по численности населения мегаполис страны, демонстрирует прирост числа своих жителей уже более десяти лет подряд, причем рост осуществляется как за счет постоянно увеличивающегося миграционного потока, так и естественного прироста населения. Обеспечение жильем растущего населения происходит главным образом путем экстенсивной застройки на бывших сельскохозяйственных периферийных территориях, что приводит к эрозии ценного зеленого пояса, окружающего город (рис. 1). Уже сложились районы нового жилья на окраине Санкт-Петербурга: Мурино, Девяткино, Парнас, Кудрово, Шушары, ЖК «Балтийская жемчужина», Колтуши, Бугры, Заневское, ЖК «Солнечный город», Ленсоветовский. Они строятся на вылетных магистралях, и для них характерны монофункциональность, высокая плотность и этажность застройки, дефицит социальных объектов и точек бытового обслуживания, транспортные проблемы с въездом в город, ежедневные маятниковые миграции [Бабенко, 2013]. Кроме того, города-спутники Санкт-Петербурга растут за счет строительства высотного многоквартирного жилья: Всеволожск (микрорайон Южный), Пушкин (ЖК «Славянка», ЖК «Пушгород», 9-й квартал), Колпино (Новая Ижора), Новогорелово, Сертолово (ЖК «Золотые Купола», микрорайон «Новое Сертолово»). При этом на местах нет увеличения спроса на труд. В Ленинградской области объем ввода жилой недвижимости в эксплуатацию идет практически вровень с новым строительством в городе: в Ленобласти по итогам 2018 года

¹ OSM: здания и сооружения, водные объекты, пешеходные переходы и улично-дорожные сети по Ленинградской области, коммерческие и социальные объекты и сервисы. Платформа «Реформа ЖКХ»: данные о жилых зданиях Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

введено 2,64 млн кв. м, а в Петербурге за тот же период — 3,2 млн кв. м жилья (Администрация Санкт-Петербурга, Ввод жилья за 2018 год, 2018 г). Рост строительной активности в пригородах Петербурга продолжается: планируется реализация комплексного освоения территорий ЖК «Планетоград» (1,5 млн кв. м) и города-спутника Южный (4 млн кв. м).

Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap

Рис. 1. Проекты планировок территорий вне городского ядра на 2018 г.

Источник: составлено авторами.

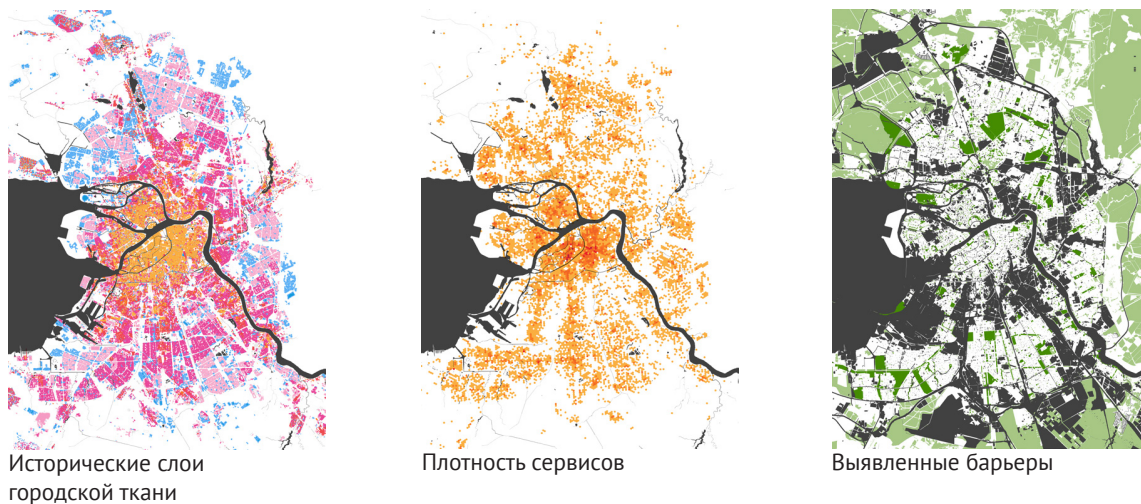
При этом на фоне экстенсивного развития перед Петербургом стоят проблемы износа жилого фонда на внутренних территориях города [Сиваев, 2018], нехватки социальной инфраструктуры и низкой транспортной доступности. Ресурсы и внимание администрации города тратятся на решение проблем, связанных с его разрастанием, а на застроенных территориях инженерные сети, жилой фонд и городская среда приходят в упадок. В результате город сталкивается с двумя проблемами: периферийные пригороды, требующие все новых инвестиций и деградирующие внутригородские территории. Мы считаем, что для Петербурга особенно актуален поиск подходов к реализации модели компактного города и тестирование новых пространственных решений по размещению нового жилья на внутренних территориях, созданию условий для интенсивного развития.

Определение границ и выбор пилотных территорий

Чтобы в перспективе оценить потенциал освоенной урбанизированной территории с точки зрения ее возможностей для интенсивного развития, необходимо точно определить ее границы. В европейском градостроительстве границы урбанизированной территории определяются в соответствии с непрерывностью плотной застройки и высокой степенью связности городской ткани [Монастырская, 2017]. Для определения границ связной, плотной и непрерывной городской ткани мы использовали GIS-инструменты, совместив между собой три пространственных слоя: исторические слои городской ткани (года застройки и исторические районы города); плотность сервисов; средовые барьеры (промышленные территории, железная дорога, водные объекты, крупные зеленые территории) (рис. 2).

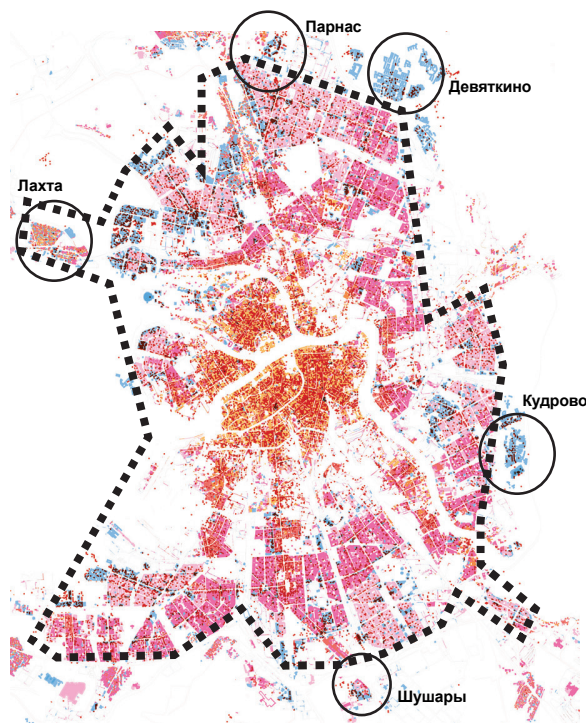
Определенные таким образом границы рассмотрения не включают ряд эксклавов высокоплотной застройки (Девяткино, Кудрово, Лахта, Шушары). На приведенной ниже карте (рис.3) показана разновозрастная застройка с наложенным на нее слоем городских сервисов (их ступки иллюстрируют интенсивность использования городского пространства). Территории-барьеры на данной схеме выделены — таким образом хорошо иллюстрируются относительно непрерывные фрагменты городской ткани.

Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap

Рис. 2. Слои, по которым определялась граница освоенных урбанизированных территорий

Источник: составлено авторами.

Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap

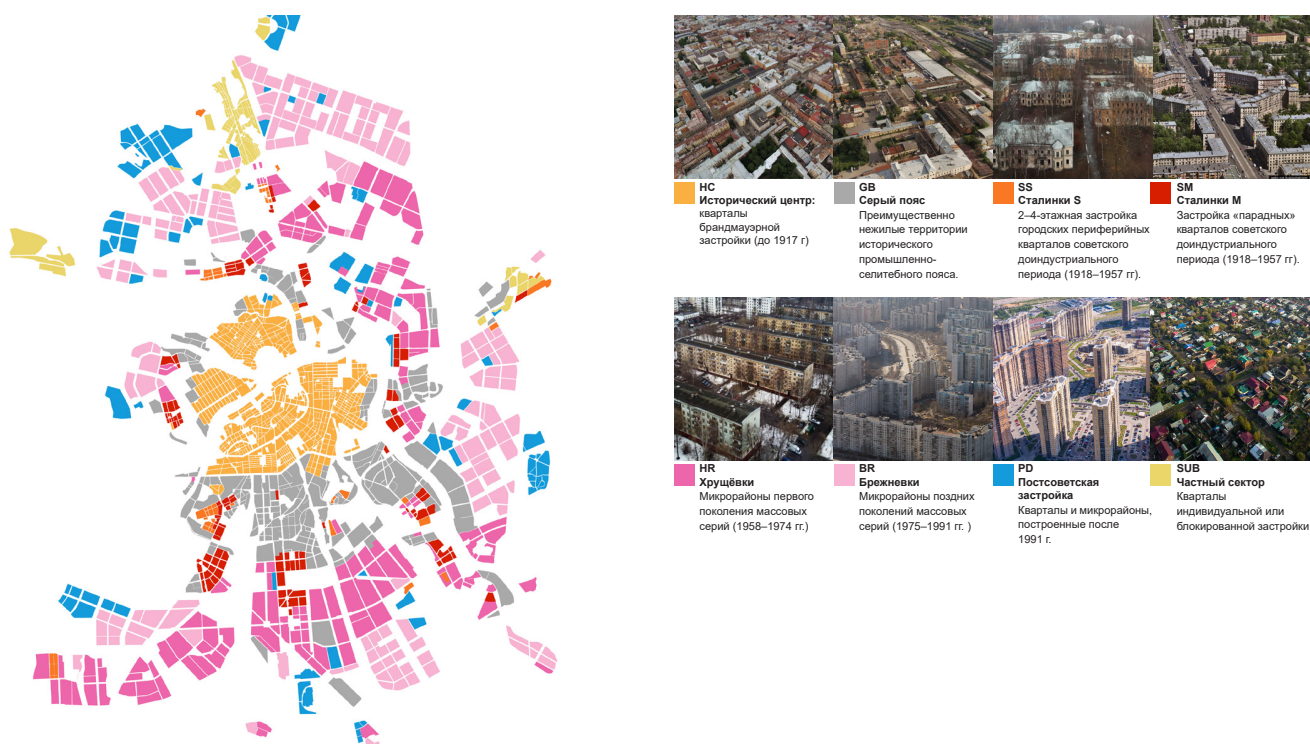
Рис. 3. Границы освоенной урбанизированной территории Санкт-Петербурга

Источник: составлено авторами.

Согласно предложенной модели рассмотрения урбанизированной территории города как набора морфотипов, отражающих пространственные и функциональные особенности среды в каждый исторический период, была разделена территория Санкт-Петербурга (рис. 4).

Распределение проводилось в GIS-инструментарии путем агрегации данных о времени постройки и функции зданий по кварталам города как единицам планировочной структуры. Морфотип для каждого квартала назначался исходя из преобладающей на его территории застройки, относящейся к конкретной исторической эпохе или имеющей конкретные функционально-средовые качества (индустриальные объекты для морфотипа «Серый пояс», частные жилые дома для морфотипа «Временный город»). Схема, отражающая деление города на морфотипы застройки, демонстрирует кольцевую структуру, которая складывалась в результате нескольких волн его расширения (см. рис. 4).

Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap

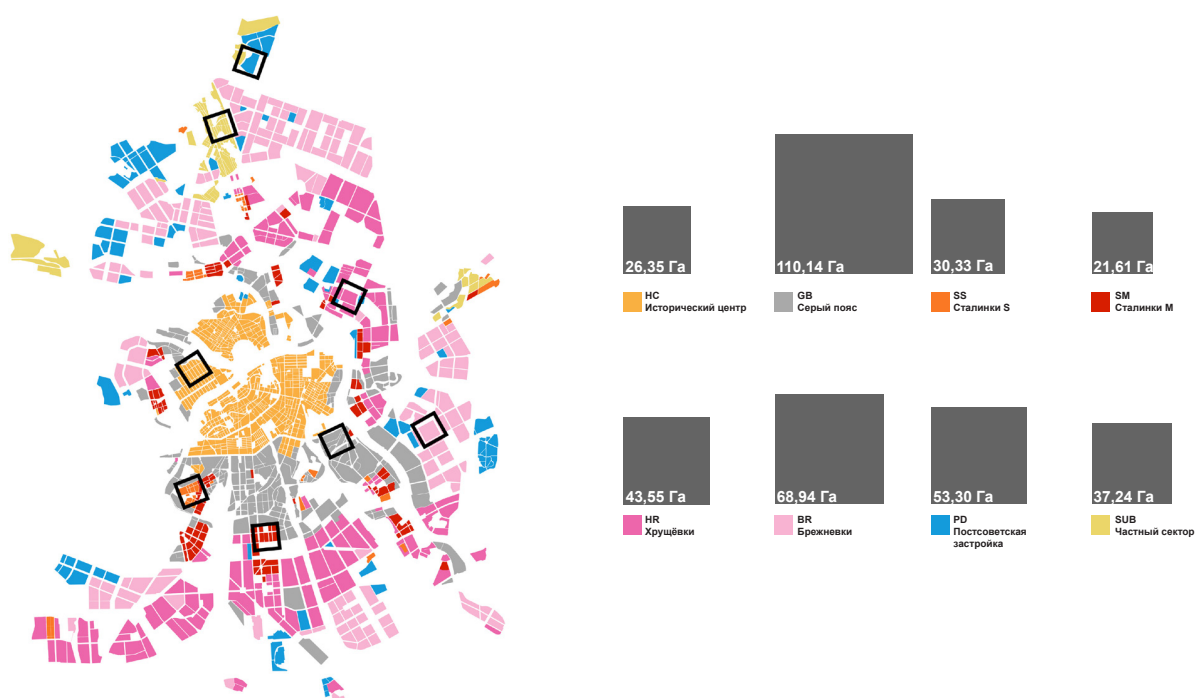
Рис. 4. Морфотипы урбанизированных территорий Санкт-Петербурга

Источник: составлено авторами.

Для проектирования были выделены характерные «представители» каждого из морфотипов (рис. 5). Критерием отбора была гомогенность ткани: застройка пилотной территории должна наиболее полно характеризовать соответствующий морфотипу тип среды. Размер тестовой площадки определялся исходя из типичных размеров планировочных элементов того или иного морфотипа.

Предпроектный анализ пилотных территорий

Летом 2018 года были проведены полевые исследования, которые позволили понять специфические черты пилотных участков, относящихся к одному из восьми морфотипов. Для каждого морфотипа на основе полевых и теоретических исследований выявлены ценности, которые следует сохранить, и проблемы, которые необходимо решить. Кроме того, для каждого из пилотных участков были рассчитаны параметры-индикаторы, которые приведены в табл. 1.

Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap

Рис. 5. Расположение пилотных территорий каждого морфотипа на карте города и данные о площади пилотного участка

Источник: составлено авторами.

Исторический центр

К морфотипу исторического центра Петербурга может быть отнесена вся застройка, производившаяся в городе с момента его основания по 1920-е годы XX века, она занимает почти 8% городского ядра. Несмотря на разнообразие архитектурных стилей и периодов постройки, практически для всего исторического центра характерны общие средовые признаки: плотная квартальная сетка, непрерывный фронт улиц за счет брандмауэрной застройки, малая и средняя этажность. Все перечисленные особенности присутствуют и на выбранной для исследования территории рядом со станцией метро «Василеостровская». Строгое деление на кварталы и высокая плотность, наряду с существующими нормами охраны объектов культурного наследия, резко ограничивает возможности для девелопмента, поэтому исторический центр редко рассматривается как перспективный с точки зрения нового строительства. Между тем центральное расположение дает колоссальные имиджевые преимущества для потребителей недвижимости, поэтому площадки в историческом центре всегда будут рентабельны и востребованы. Исторический центр — уже сегодня инвестиционно привлекательный участок внутренней городской ткани, наблюдается его активная джентрификация.

Основные выявленные ценности: наличие сильной идентичности, узнаваемости; низкая этажность, сомасштабность застройки человеку; подчиненность застройки ясной иерархии городских пространств — улица/квартал/земельный участок; мелкоячеистость квартальной структуры.

Основные выявленные проблемы: возникающий юридический конфликт дворовых и общественных пространств — приватизированные и закрытые зеленые зоны и, напротив, транзитные дворовые пространства с публичным доступом; наличие заброшенных зданий; эрозия уличного фронта — лакуны в застройке, появившиеся в результате сноса или разрушения строения.

Серый пояс

Промышленные территории Санкт-Петербурга, расположенные практически в самом центре города. «Серый пояс» создает буфер между центральной исторической застройкой и более новыми

районами советского и постсоветского периодов. Такие сформированные во время индустриализации XIX века промышленные зоны чрезвычайно обширны — занимают 11,8% территории городского ядра. Для тестового проекта был выбран участок на берегу Французского ковша и Обводного канала, в непосредственной близости от площади Александра Невского. Близость территорий «серого пояса» к центру, а также благодаря существующим транспортно-пересадочным узлам и инфраструктуре делает их крайне привлекательными для осуществления девелоперских проектов. Значительная их часть уже выделена генеральным планом как перспективная зона с переводом производственной функции в смешанную, общественно-деловую. С другой стороны, «серый пояс» изобилует памятниками архитектуры, а его близость к центру накладывает на застройку нормативные ограничения в виде охранных зон и строгого высотного регламента. Сложная структура собственности также является определенным барьером для редевелопмента.

Основные выявленные ценности: памятники архитектуры и индустриальные артефакты; цельная идентичность «индустриального наследия»; выходы к воде и сложившиеся экосистемы; наличие современных «чистых» производств, не представляющих экологической угрозы; значительное число разномасштабных пространств для бизнеса.

Основные выявленные проблемы: несформированность городской структуры; непроницаемость вследствие наличия инфраструктурных и прочих барьеров; санитарные ограничения в нормативной базе; множество заброшенных и неэффективно используемых участков.

Временный город

Это кварталы индивидуальной или блокированной застройки, построенные как временное жилье вокруг промышленных предприятий, деревни, включенные в состав города. Советские генпланы не признавали территорий индивидуальной застройки, предполагалось их постепенное замещение многоквартирными домами, однако это случилось не везде. Такого рода городская ткань сохранилась и на территории Санкт-Петербурга, в основном на периферии — к данному морфотипу можно отнести 5,8% территории городского ядра. Для исследования был выбран фрагмент, находящийся в окрестностях станций метро «Озерки» и «Проспект Просвещения». Основная причина стагнации частного сектора — иррациональное землепользование, ввиду которого упускается возможность более рентабельно удовлетворять спрос на индивидуальные земельные участки и малоэтажное строительство в непосредственной близости к городскому ядру. В настоящее время потенциал частного сектора раскрыт далеко не полностью, земля используется неэффективно, формируется и закрепляется «некачественная» среда. Тем не менее высокая стоимость земли и привлекательность загородного стиля жизни в индивидуальном доме делает немногочисленные территории частного сектора крайне привлекательными для строительства новых объектов недвижимости.

Основные выявленные ценности: идентичность места с особенной «негородской» атмосферой; малоэтажный масштаб застройки; дисперсность застройки и высокая плотность УДС; значительные объемы озеленения, сложившаяся экосистема.

Основные выявленные проблемы: неразвитая вследствие низкой плотности и недофинансирования инфраструктура; уличный фронт образован заборами, отсутствует визуальная проницаемость среды и, как следствие, социальный контроль; запущенное состояние общественных пространств и аттракторов; неблагоустроенные природные объекты, бесконтрольная эксплуатация которых может вести к потере этого ценного ресурса и угрожать развитой экосистеме; отсутствие центральности в районе, нехватка базовых сервисов.

Рабочие поселки

Это 2–4-этажная застройка городских кварталов советского доиндустриального периода (1918–1957 гг.), сформированная в связи со строительством крупных предприятий. Уникальная среда «города-сада», обладающая специфическими характеристиками. Нарвская застава — одна из нескольких территорий сталинской застройки в Санкт-Петербурге, для которой характерны низкая этажность (2–3 этажа), облегченность конструкций, богатый архитектурный декор фасадов, разнообразие планировок зданий в плотном квартале. Несмотря на то что застройка, относящаяся к данному морфотипу, достаточно редко встречается и занимает лишь 1% городского ядра Петербурга, ее уникальность интересна для исследования. Достаточно высокая плотность

застройки, наряду с комфортностью сложившейся среды, формируемой «человеческим» масштабом зданий, приватностью дворов и большим количеством зелени, делает жилье в таких кварталах приятным для жизни и до сих пор востребованным на рынке недвижимости. Однако эти факторы, а также существующий запрет на снос делают такие территории достаточно сложными для девелопмента. Тем не менее уплотнение с использованием обозначенных преимуществ морфотипа, сохранением уникального характера и масштаба застройки «города-сада» при исправлении существующих недостатков застройки (например, низкого качества строительства) несет в себе мощный потенциал по созданию высокорентабельной недвижимости в условиях уже сформированной комфортной городской среды и инфраструктуры.

Основные выявленные ценности: комфортный малоэтажный масштаб застройки, близкий по характеру к частному домостроению, но при этом со значительно более высокой плотностью; уникальная планировка «города-сада», дисперсный характер застройки; архитектурная ценность построек; озелененные дворы.

Основные выявленные проблемы: деградация внутриквартальных территорий; наличие заброшенных строений; игнорирующая среду уплотнительная застройка.

Сталинки

Застройка «парадных» кварталов советского доиндустриального периода (1940–1957 гг.) реализована преимущественно в стилистике сталинского ампира. Сталинская застройка, к которой могут быть отнесены территории, застраиваемые с конца 1930-х до середины 1960-х годов, составляет чуть больше 3% городского ядра. Квартиры в сталинках до сих пор крайне востребованы на рынке недвижимости за счет уникальных характеристик зданий (высокое качество строительства и удобные планировки) и сформированной среды (целостные архитектурные ансамбли, невысокая этажность, приватные озелененные дворы). Для исследования выбран типичный квартал сталинской застройки у парка Победы на Московском проспекте. Расположение в обжитых районах рядом с историческим центром, станциями метро и основными магистралями, доступность инфраструктуры делает территории сталинской застройки привлекательными для девелопмента. Однако наличие сформированных единых архитектурных ансамблей и сохранение первоначальной планировки квартала вместе с высоким качеством существующих зданий (и высоким спросом на них) ограничивает возможности для нового строительства здесь.

Основные выявленные ценности: композиционная целостность застройки, квартальная структура; полноценные зеленые дворы-парки; архитектурная ценность фасадов зданий и планировки.

Основные выявленные проблемы: парковочная политика: междомовые территории заняты гаражными боксами; однотипность застройки и среды.

Хрущевки

Это микрорайоны первого поколения массовых серий (1958–1974 гг.). Типовая панельная застройка, массово проводившаяся с конца 1950-х по начало 1980-х годов, известная как хрущевки, широко распространена по всей стране. В Петербурге территории, застроенные хрущевками, занимают 15% общей площади городского ядра. Для исследования был выбран квартал «Полюстрово» на углу пр. Металлистов и Пискаревского пр. Архитектура функционализма наложила отпечаток и на планирование территории — так сформировался ряд особенностей, свойственных этому району. Это однообразие, безликость, отсутствие зонирования и иерархии пространств. Связанная с этим стигматизация привела к тому, что основным способом redevelopment стал полный снос существующих зданий с последующей застройкой освобожденных участков. Однако такой подход крайне сложен, затратен и возможен лишь как масштабный госпроект. Кроме того, исследованиями установлено, что снос приводит к потере территорией доверия жителей, разрушаются сложившиеся локальные сообщества, уничтожаются положительные характеристики места. При этом распространенность данного морфотипа на территории города позволяет получить значительное количество дополнительных квадратных метров при условии сохранения как существующих зданий, так и положительных свойств среды, что достигается предложенной моделью реновации в рамках интенсивного развития освоенных урбанизированных территорий.

Основные выявленные ценности: озелененность внутримикрорайонных территорий; наличие сформировавшихся сообществ.

Основные выявленные проблемы: тотальная проницаемость, неразделенность публичных и частных пространств, транзитный характер дворов является источником конфликтов; деградировавшее благоустройство вследствие размывания ответственности за поддержание дворовых пространств между собственниками и муниципалитетом; однотипность застройки — все фасады решены в одном стиле, что затрудняет ориентирование; практически отсутствуют возможности для бизнеса и необходимые сервисы.

Брежневки

Это микрорайоны поздних поколений массовых серий (1975–1991 гг.) — наиболее распространенный тип застройки в Советском Союзе. Принято считать, что к брежневкам относятся здания, построенные с середины 1960-х до конца 1980-х годов. Жилые дома строились в основном от 9 до 12 этажей в формате микрорайонной застройки. Такая морфология широко распространена и занимает около 16% площади городского ядра. Для исследования взята территория микрорайона в непосредственной близости к станции метро «Проспект Большевиков». Данный морфотип характеризуется разнообразием типологий застройки, отсутствием структуры пространств, читаемых границ общественного и частного и, как следствие, низким качеством среды. Количество территорий, застроенных брежневками, огромно — это один из наиболее распространенных морфотипов в городском ядре Петербурга, что делает его чрезвычайно привлекательным для девелопмента. Кроме того, микрорайонная застройка характеризуется большим количеством неиспользуемых пространств и пустырей, что предоставляет широкие возможности для нового строительства, которое уже достаточно активно ведется на таких территориях. Однако, как правило, это высотная точечная застройка, которая не решает существующих проблем, свойственных брежневкам, а только усугубляет их.

Основные выявленные ценности: озелененность внутримикрорайонных территорий; наличие доминант, разнообразие в планировке микрорайона.

Основные выявленные проблемы: схожи с хрущевскими сериями, тотальная проницаемость, неразделенность публичных и частных пространств, транзитный характер дворов как источник конфликтов; деградировавшее благоустройство вследствие размывания ответственности за поддержание дворовых пространств между собственниками и муниципалитетом; однотипность застройки — все фасады решены в одном стиле, что затрудняет ориентирование; большое количество пустырей.

Постсоветская застройка

Это кварталы и микрорайоны, построенные после 1991 года. Резкий рост численности населения Петербурга, наряду с низкой обеспеченностью горожан жильем, привел к масштабному жилищному кризису. В попытке удовлетворить растущий спрос на жилье с начала 2000-х годов развернулось массовое строительство, как правило, в формате проектов комплексного освоения территорий. Здесь, на свободных от застройки территориях городской периферии, не будучи связанными строгими нормативами, застройщики реализуют стратегию извлечения максимальной выгоды с минимальным количеством затрат, причем подобные проекты занимают уже 7% городского ядра. Именно так развивалась и выбранная для исследования территория ЖК «Северная долина» у станции метро «Парнас». Акцент на количественные, а не на качественные характеристики застройки позволил множеству нуждающихся улучшить свои жилищные условия. Однако микрорайонная застройка новых жилищных комплексов повторяет проблемы морфологий предыдущих эпох — монотонность архитектуры и среды, отсутствие ориентиров и иерархии пространств. Их усугубляет высокая этажность, отсюда низкое качество благоустройства и озеленения, большие пространства между домами, занятые исключительно беспорядочной парковкой, дефицит инфраструктур, их низкое качество. Тем не менее проблематизация инфраструктурных вопросов приводит к активизации на территории подобных жилых комплексов «инфраструктурных гражданств», то есть связей жителей с сообществами, проявляющихся через практики взаимодействия с инфраструктурами [Головнева, Чернышева, 2017]. Формирующиеся активные городские сообщества, в том числе существующие только

онлайн, позволяют говорить о наличии потенциала для саморазвития, решения собственных проблем силами самоорганизации и давления жителей на власть и управляющие компании. Однако, несмотря на наличие такого запроса, перспективная реконструкция подобных территорий сейчас практически не рассматривается. В подобных масштабах повлиять на качество архитектуры представляется практически невозможным. Но посредством введения новых типологий и перепланировки территории возможно значительно улучшить качество среды.

Основные выявленные ценности: благоустроенные общественные пространства; детские площадки.

Основные выявленные проблемы: гигантский масштаб монотонной застройки в отсутствие ориентиров делает ориентирование на территории затрудненным; запаркованность дворовых пространств и проездов; низкая связность территории с городом; неразделенность пространств на общественное и частное порождает конфликты и оставляет значительную часть территории без ответственного актора.

Анализ слоев, из которых преимущественно состоит постсоветский город, позволяет сделать следующие выводы: трехсотлетняя история развития городских центров, а также гибкость территорий индивидуальной застройки помогают формировать современную градостроительную модель с понятным делением на участки, кварталы и общественное пространство. Крупное планировочное деление «серого пояса» и микрорайонной застройки требует привнесения новой, более компактной и гибкой структуры. Массовая постсоветская застройка угрожает уничтожить специфику и идентичность предыдущих слоев и заместить их, не оставив тем самым гибкости в сценариях будущего городского развития.

Разработка тестовых проектов для пилотных территорий

Опираясь на сформулированные принципы, выявленные в ходе исследования ценности и проблемы, мы разработали для каждой пилотной территории свой проект реновации, учитывающий как перемержевание и изменение структуры, так и строительство новых улиц и уплотнение застройки. При проектировании пространственные инструменты выбирались таким образом, чтобы, с одной стороны, сохранить и усилить ценности каждого морфотипа, с другой стороны — решить выявленные характерные проблемы территории. Для каждой территории на основании проведенного massing study были рассчитаны новые значения показателей-индикаторов. Далее будут перечислены выбранные пространственные решения для интенсивного развития на территории каждого морфотипа, проиллюстрированы проектные решения, а также приведены данные о новых показателях-индикаторах, позволяющих оценить изменения, привнесенные на территорию (см. табл. 1).

Исторический центр

Применяемые инструменты:

1. Подчинение новой застройки исторической структуре межевания.
2. Пристраивание к брандмауэрам.
3. Надстраивание дворовых корпусов.
4. Отдельно стоящие здания малого масштаба.
5. Заполнение разрывов уличного фронта новой застройкой.
6. Конверсия/реконструкция существующих зданий.

Рис. 6. Тестовый проект реновации территории морфотипа «Исторический центр»

Источник: разработано авторами.

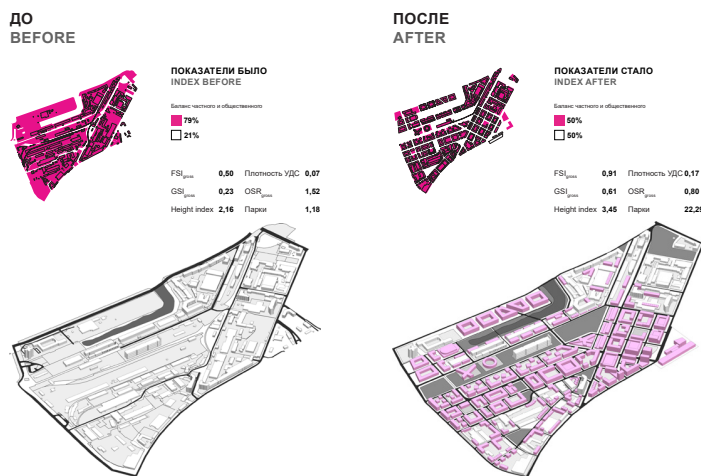

Рис. 7. Тестовый проект реновации территории морфотипа «серый пояс»

Источник: разработано авторами.

насыпей и дворы складских площадок формируют стихийные экокоридоры. На их основе рекомендуется создавать новые системы открытых зеленых общественных пространств.

5. Гибкая реновация. Развитие участков «чистых производств» и небольших участков складского назначения через внедрение в них новой недвижимости жилого, делового и производственного назначения. Оптимизация границ собственности через пробивку сети обслуживающих улиц.
6. Внедрение новых уникальных объектов. Уникальные культурные институции должны оживить создаваемую среду, привлечь новых пользователей на территорию.
7. Интенсивная реновация. Преобразование крупных неэффективно используемых участков в кварталы новой застройки смешанного использования.

Серый пояс

Применяемые инструменты:

1. Формирование планировочной структуры территории — пробивка новых связей.
2. Развитие инфраструктурных проектов как импульсов роста. Существующие, преимущественно грузовые, железнодорожные пути могут быть преобразованы в маршрут городской электрички. Остановки магистрального общественного транспорта вскроют некогда недоступные территории, преобразовав их в локальные центры реновированных районов.
3. Сохранение индустриальных артефактов.
4. Сохранение и развитие существующих экосистем. Заросшие товарные и подъездные железнодорожные пути, склоны

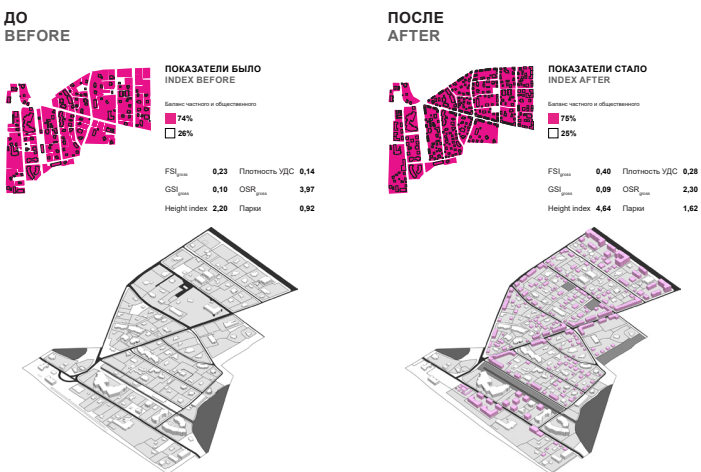

Рис. 8. Тестовый проект реновации территории морфотипа «Временный город»

Источник: разработано авторами.

Временный город

Применяемые инструменты:

1. Включение типологий застройки, не характерных для частного сектора. Увеличение типологического разнообразия с целью выработки более гибкой ценовой политики сектора.
2. Повышение этажности вдоль магистральных улиц и возле ТПУ. Возведение буферного фронта с целью обеспечения барьера между зоной малоэтажного строительства и магистралями с высоким уровнем трафика и транспортного шума. Более плавный переход от высотной застройки к малоэтажной.
3. Регламент для отступов от красных линий, высоты и расстояния между зданиями.
4. Скверы и бульвары организуются как связи между ценными ландшафтами.

5. Санация уличных коридоров. Возвращение связующей функции для малых улиц с целью увеличения проницаемости территории.
6. Приведение местных аттракторов к более качественному функционированию.
7. Ограничение максимальной площади вновь образованных участков. Введение регламента, устанавливающего максимальное число квадратных метров незастроенной территории при новом межевании с целью минимизации интеграции крупного девелопмента и получения качественной модели землепользования.
8. Перевод пассивного земельного капитала в активный. Развитие программ, способствующих объединению земельных участков и использованию избыточного пространства участка с целью получения прибыли.
9. Правила застройки участка определяются типом примыкающей к участку улицы. Развитие пешеходно-транспортной инфраструктуры через выделение разных категорий улиц: приоритетных (магистральных), второстепенных, местного значения и вспомогательных. Новый девелопмент осуществляется с учетом качественного ранжирования УДС. Вдоль магистральных улиц используются типологии со средней этажностью и протяженным фронтом. Вдоль второстепенных улиц протяженные фасады блокированных домов формируют уличные фронты кварталов. Застройка вдоль улиц местного значения имеет более дробный, дискретный характер за счет использования типологий индивидуальных домов и урбан-вилл.
10. Решение проблемы глухих заборов путем ввода ограничивающих высоту и проницаемость забора регламентов дизайн-кода.

Рабочие поселки

Применяемые инструменты:

1. Организация вспомогательных улиц и новых зданий за счет дворовых территорий при условии сохранения масштаба и характера застройки. Обратная сторона «города-сада» — недостаточная интенсивность использования городских инфраструктур. Интенсификация землепользования может происходить за счет образования новых участков на внутриквартальных территориях. Для обеспечения доступа к новым домам рекомендуется сформировать вспомогательную улицу, которая бы проходила по оси существующих кварталов.
2. Надстройка мансард.
3. Замена деградировавшей застройки на новые дома — при условии сохранения элементов ансамбля со стороны улиц.
4. Увеличение этажности вдоль основных улиц с общественным транспортом. Уплотнение застройки вдоль путей общественного транспорта позволяет проекту работать более эффективно. Включение нового масштаба в застройку района привносит в городское пространство иерархию и разнообразие.

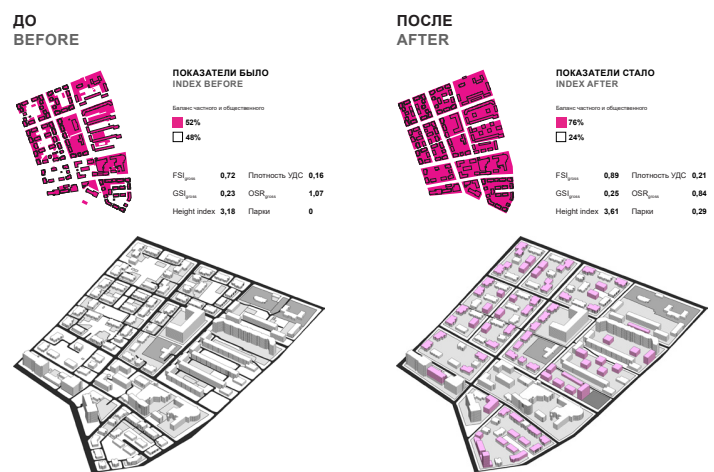

Рис. 9. Тестовый проект реновации территории морфотипа «рабочие поселки»

Источник: разработано авторами.

Рис. 10. Тестовый проект реновации территории морфотипа «сталинки»

Источник: разработано авторами.

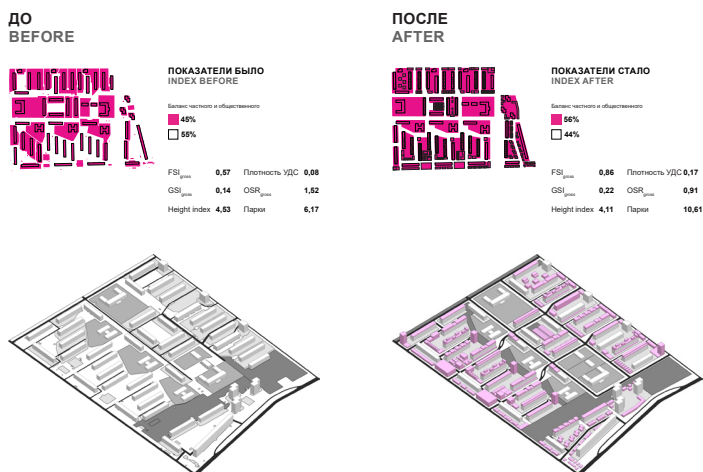

Рис. 11. Тестовый проект реновации территории морфотипа «хрущевки»

Источник: разработано авторами.

димости. На данном этапе они могут стать эффективным компонентом парковочной политики.

7. Заужение коридоров магистральных улиц и застройка по новому фронту.
8. Внедрение выразительных зданий-маяков в ключевых местах микрорайона.

Сталинка

Применяемые инструменты:

- 1.Трассировка вспомогательных улиц, разделение уличного и дворового пространств. Формирование ландшафта улиц и измельчение квартальной структуры позволит сделать среду более проницаемой и интуитивно понятной.
- 2.Надстройка мансард.
- 3.Формирование новой застройки на месте гаражей.
- 4.Межевание дворов как открытых общественных пространств.

Хрущевки

Применяемые инструменты:

- 1.Измельчение квартальной структуры: пробивка новых транзитных улиц.
- 2.Разделение междомовых пространств на дворовые и уличные; приватизация и замыкание дворов.
- 3.Формирование полноценных парков и бульваров общего пользования.
- 4.Новая застройка вдоль фронта транзитных улиц.
- 5.Надстройка этажей.
- 6.Строительство многоэтажных арендных паркингов вдоль главных улиц. Многоэтажные паркинги с активными первыми этажами (с включением магазинов, спортзалов и т.д.), в отличие от подземных парковок, легко конвертируются в общественные здания в случае необходимости.

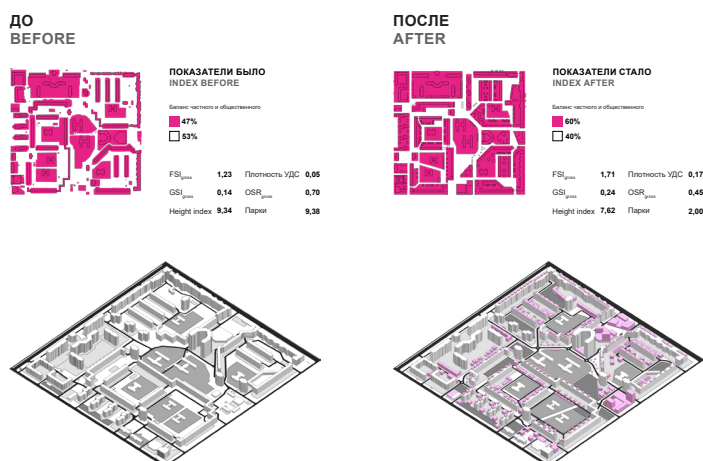

Рис. 12. Тестовый проект реновации территории морфотипа «брежневки»

Источник: разработано авторами.

3. Элементы зеленого каркаса соединяются в единую цепь с помощью улиц с активным озеленением.
4. Работа на четырех уровнях: суперблок (микрорайон), группа кварталов, квартал, участок.
5. Формирование полноценных парков и бульваров общего пользования. В каждой группе кварталов свое общественное пространство.
6. Разделение междомовых пространств на дворовые и уличные; приватизация и замыкание дворов.
7. Формирование кварталов с двумя фронтами: брежневка + малоэтажная застройка.
8. Формирование кварталов «брежневка + брежневка» с застройкой торцов квартала.
9. Надстройка этажей.
10. Строительство многоэтажных арендных паркингов вдоль главных улиц.
11. Оптимизация и «выпрямление» внутримикрорайонной уличной сети. Улучшение проницаемости, просматриваемости и интуитивной читаемости улиц внутри суперблока.
12. Уплотнение фронта основных улиц временными павильонами на «неудобных» участках. Для эффективной работы новых улиц рекомендуется максимально использовать имеющиеся возможности для застройки вдоль красных линий.

Постсоветская застройка

Применяемые инструменты:

1. Разделение пространства на уличное и дворовое.
2. Оптимизация и «выпрямление» внутримикрорайонной уличной сети.
3. Уплотнение «неудобных» участков мелкозернистой типологией.
4. Гуманизация масштаба дворов через включение рядов блокированной застройки. Ряды блокированной застройки вокруг участков детских садов не только уменьшают масштаб визуального бассейна игровых площадок и окружающих улиц, но и создают новые форматы жилья и пространственные ячейки для новых бизнесов.
5. Ландшафтные инструменты гуманизации масштаба среды. Если «пони-

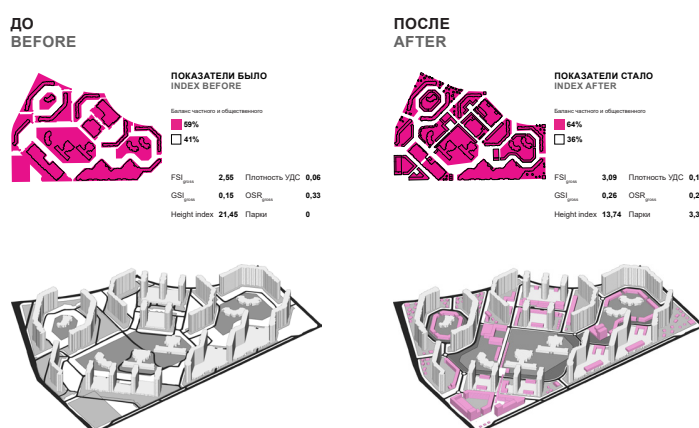

Рис. 13. Тестовый проект реновации территории морфотипа «постсоветская застройка»

Источник: разработано авторами.

- зить» масштаб междомового пространства с помощью внедрения новой застройки не получается, возможно использование ландшафтных приемов (геопластики и посадки деревьев).
6. Внедрение выразительных «зданий-маяков» в ключевых местах микрорайона.
  7. Формирование сомасштабного человеку коридора улицы на пути «метро — парк».
  8. Усиление функционального разнообразия / развитие нежилых функций.
  9. Формирование узла плотной многофункциональной застройки у метро.

Таблица 1. Параметры-индикаторы городских морфотипов

Морфотип	Исторический центр		Серый пояс		Временный город		Рабочие поселки		Сталинки		Хрущевки		Брежневки		Постсоветская застройка	
	Сейчас	Проект	Сейчас	Проект	Сейчас	Проект	Сейчас	Проект	Сейчас	Проект	Сейчас	Проект	Сейчас	Проект	Сейчас	Проект
Доля площади городского ядра, занимаемая морфотипом, %	8		11.8		5.8		1		3		15		16		7	
Площадь пилотной зоны, Га	26.35		110.14		37.24		30.33		21.61		43.55		68.94		53.3	
Доля приватного, %	65	75	79	50	74	75	52	76	36	62	45	56	47	60	59	64
Доля публичного, %	35	25	21	50	26	25	48	24	64	38	55	44	53	40	41	36
FSI	1.32	1.68	0.50	0.91	0.23	0.40	0.72	0.89	1.27	1.46	0.57	0.86	1.23	1.71	2.55	3.09
GSI	0.37	0.38	0.23	0.61	0.10	0.09	0.23	0.25	0.20	0.24	0.14	0.22	0.14	0.24	0.15	0.26
OSR	0.44	0.37	1.52	0.80	3.97	2.30	1.07	0.84	0.63	0.52	1.52	0.91	0.70	0.45	0.33	0.24
High-index	3.83	4.49	2.16	3.45	2.20	4.64	3.18	3.61	6.46	6.33	4.53	4.11	9.34	7.62	21.45	13.74
Плотность УДС	0.13	0.13	0.07	0.17	0.14	0.28	0.16	0.21	0.11	0.16	0.08	0.17	0.05	0.17	0.06	0.15
Площадь озеленения, Га	2.36	1.16	1.18	22.29	0.92	1.62	0	0.29	0.20	1.93	6.17	10.61	9.38	2	0	3.34

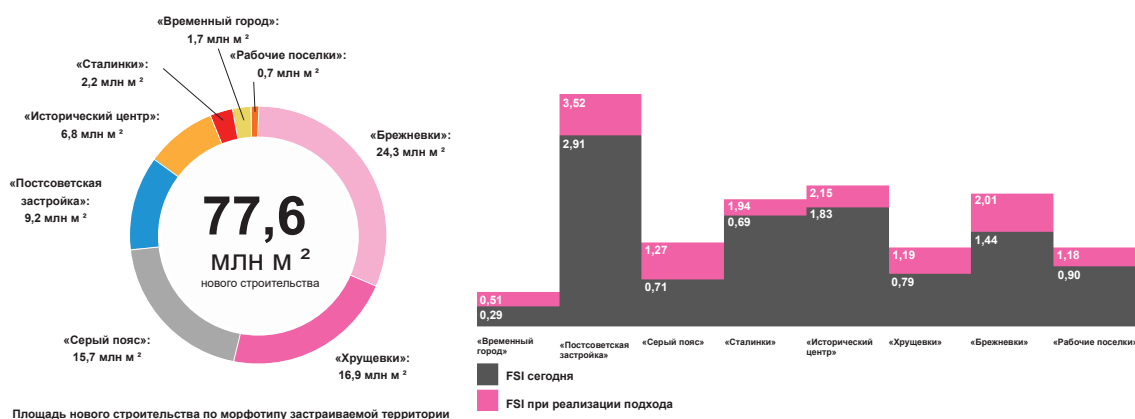
Источник: составлено авторами.

Послепроектный анализ

Экстраполяция рассчитанных в ходе проекта значений уплотнительного ресурса каждого морфотипа на всю освоенную урбанизированную территорию Санкт-Петербурга позволяет оценить примерный потенциал интенсивного развития по предложенной модели. Расчет показал, что в пределах урбанизированной территории города может быть размещено около 70 млн кв. м новой как жилой, так и нежилой недвижимости. Эта цифра с лихвой покрывает потребность в жилищном, деловом и социальном строительстве на многие годы вперед и дает основания полагать, что Петербург способен развиваться по модели компактного города, прекратив экстенсивное расширение. Три четверти этого объема нового строительства может быть реализовано за счет уплотнения территорий, занятых застройкой трех морфотипов — «серый пояс», «хрущевки», «брежневки», эти три морфотипа имеют наибольшую емкость для уплотнения (рис. 14). К примеру, микрорайоны одних только «хрущевок» способны вместить около 17 млн кв. м новой застройки. Важно отметить, что такой объем новой недвижимости может быть получен практически без сноса существующих строений, с сохранением ценностей каждого морфотипа и решением характерных для него проблем.

Предложенный нами морфотипный метод может успешно применяться для предварительной грубой оценки способности застроенной территории к уплотнению. Однако он имеет ряд ограничений, которые не позволяют применять его в качестве универсального способа вычисления добавленной емкости территории. Например, метод лучше всего работает в случаях с фрагментами «чистой», гомогенной застройки, в то время как в реальной практике проектировщикам часто приходится иметь дело со смешанной застройкой, составленной из зданий разных исторических эпох и типологических групп. Другим важным ограничением служит тот факт, что разработанные пространственные инструменты интенсивного развития урбанизированных территорий опираются на ряд выбранных принципов, отражающих авторское представление о качественном городском пространстве; однако принципы градостроительной политики, выбранные каждым отдельным городом, могут не совпадать с принятыми в настоящем исследовании. Кроме того, исследование принимает в расчет лишь пространственные качества различных типов застроенных сред,

а в реальной ситуации на выбор проектных решений неизбежно влияет множество труднопредсказуемых факторов, связанных с санитарно-экологическими условиями, локальными нормативными ограничениями, архитектурно-градостроительными традициями, специфическими предпочтениями местных жителей и т.д. Реальный проект уплотнения какого-либо из типов застройки должен учитывать все это многообразие факторов; предлагаемая модель служит всего лишь способом оценки максимально возможного объема добавляемых площадей, который не приведет к уничтожению ценных качеств пространства.

Рис. 14. Потенциал освоенных урбанизированных территорий города Санкт-Петербург по размещению на них застройки по интенсивной модели развития согласно принципам концепций градостроительной преемственности и компактного города

Источник: разработано авторами.

Заключение

В нашей работе мы продемонстрировали концептуальную модель интенсивного развития освоенных урбанизированных территорий, являющуюся альтернативой распространенным сейчас отечественным моделям экстенсивного развития и московскому проекту реновации. В своем исследовании мы, опираясь на принципы градостроительной преемственности и компактного города, предложили способ рассмотрения освоенных урбанизированных территорий как набора сложившихся морфотипов городской ткани, отражающих исторические и функциональные слои городской эволюции и обладающие специфическими средовыми особенностями. С помощью исследования через проектирование нам удалось выработать набор пространственных методов, которые позволили бы создать условия для развития города по компактной модели, причем оценка емкостного потенциала по предложенной модели показала колоссальный ресурс городской ткани для уплотнения. Будучи практиками проектирования, мы получили подтверждение, что, используя предложенные инструменты, возможно покрыть потребности города в новой недвижимости на многие годы вперед, при этом сохранив многообразие среды и избежав расползания урбанизированных территорий. Гибкость предложенной модели выгодно отличает ее от московского проекта реновации — она направлена на самоорганизацию и устойчивое развитие территорий силами в первую очередь самих собственников и малого девелопмента, а не крупными корпорациями в рамках проектов комплексного освоения территории.

Предлагаемые решения не просто создают альтернативу распространенным сейчас подходам экстенсивной и интенсивной генерации новой недвижимости, но и предполагают принципиально иное отношение к сформированной застройке урбанизированного ядра. Представленная концепция исходит из ценности среды каждого морфотипа застройки, решения направлены на сохранение достоинств, раскрытие потенциалов и исправление характерных недостатков вместо замещения одного морфотипа другим путем сноса либо фокусирования усилий, инвестиций и политик на конкретных пространственных формах. Вместо форми-

рования «внутренней периферии» в результате оттока ресурсов от застроенных территорий на экстенсивное расширение за их пределами и в инвестиционно привлекательный центр, роста инфраструктурных и социальных неравенств путем концентрации больших объемов доступного жилого строительства в изолированных и недостаточно обеспеченных социальной и транспортной инфраструктурой периферийных районах предлагаемые решения направлены на максимальное раскрытие потенциала уже существующих инфраструктур, создание условий для их реконструкции, самоорганизацию собственников и поддержку малых форм развития, смещение типологий, недвижимости различных ценовых сегментов (таунхаусов и многоквартирных домов) и, как следствие, пространственное снижение социальной дифференциации.

Однако, остановившись исключительно на пространственных методах, мы считаем нужным отметить, что реализация политики интенсификации внутренних территорий невозможна без законодательных и экономических инициатив, работы с городскими сообществами и изменений в градостроительном регулировании. Предложенная нами концепция может лечь в основу стратегий пространственного развития городов и служить способом оценки ресурса внутренних городских территорий для интенсивного развития, однако стратегическое планирование должно включать широкий круг лиц в процесс обсуждения, предоставлять возможность высказывать свою проблематику и влиять на принимаемые решения. Вопрос о том, как развиваться городу — расти вширь или интенсифицировать внутренние территории, — должен открыто обсуждаться на уровне стратегии развития города. Только после достижения консенсуса по политическим вопросам развития можно обсуждать детали — какие точки роста приоритетны для инвестиций, а какие территории требуют ограничения роста и защиты. Видение стратегии и ее принципы легализуются через документы территориального планирования, регламенты и местные нормативы. План уплотнения или матрицы оптимальной плотности застройки жилых районов города, этапность и показатели роста определяют уже как ключевые показатели эффективности достижения целей стратегии или детализации отдельных глав стратегии.

В нашей работе мы постарались показать пагубность экстенсивного развития города и предложить пространственные методы для реализации модели интенсивного развития освоенных урбанизированных территорий, показали перспективы такой модели. Тем не менее дальнейшего исследования требуют не только пространственные, но и социально-экономические и политические методы ухода от экстенсивного развития городов к компактному интенсивному развитию, включающие в себя градостроительное регулирование, политику землепользования, экономические поощрения и ограничения, кредитную и ипотечную политику, политику в отношении социального и арендного жилья.

Источники

- Аношкин П.А. (2011). Пространственная модель современного города//Проблемы современной экономики. Т. 40. № 4. С. 259–264.
- Бабенко С.В. (2013) Проблемы и перспективы реализации концепции комплексного освоения территории в крупных городах России//Журнал правовых и экономических исследований. № 2. С. 137–140.
- Головнева А.В., Чернышева Л.А. (2017) Пластик, велосипеды и городские гражданства: два случая реорганизации инфраструктур в Санкт-Петербурге//Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 20. № 3. С. 7–31.
- Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г. (2013) Факторы неравномерного развития российских городов//Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 54–60.
- Гутнов А.Э. (1984) Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат.
- Катаева Ю.В., Лобанова И.Л. (2013) Территориальная организация крупного города как фактор его развития (на примере г. Перми)//Проблемы современной экономики (Новосибирск). № 13. С. 76–82.
- Королев В.А. (2018) Смешанная жилая застройка как инструмент комплексного освоения периферийных территорий крупнейших городов (на примере периферийных районов Санкт-Петербурга и прилегающих территорий Ленинградской области)//Аллея науки. Т. 22. № 6.
- Лимонов Л.Э. (2015) Пригородный пояс Санкт-Петербургской агломерации: социально-экономические и институциональные особенности пространственного развития//Журнал исследований социальной политики. С. 162–167.

- Монастырская М.Е., Песляк О.А. (2017) Современные методы делимитации границ городских агломераций//Градостроительство и архитектура. Т. 7. № 3. С. 80–86.
- Семенцов С.В. (2007) Градостроительное развитие Санкт-Петербурга в 1703–2000-е годы. Автореф. дис. ... д-ра. архит.
- Сиваев С.Б. (2018) Жилищно-коммунальный комплекс между политикой и экономикой. М.: Центр стратегических разработок.
- Стариков А.А. (2019) Развитие планировочных структур городов и качество жизни граждан//Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования Российской академии архитектуры и строительных наук по научно-му обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2018 году. М.: Издательство АСВ. С. 475–486.
- Чиркунов О. (2011) Компактный город//Экономическая политика. № 2. С. 85–94.
- Шляховая А.А., Дохов Р.А. (2018) Дворулица: перезапуск периферии постсоциалистического города//Городские исследования и практики. Т. 3. № 1. С. 40–62.
- Яблонская А.Д. (2011) Организация высокоплотной городской среды. Регенерация микросайтов сложившейся жилой застройки на принципах самоорганизации и аутентичности//Містобудування та територіальне планування. № 42. С. 456–465.
- Badyina A., Golubchikov O. (2005) Gentrification in central Moscow – a market process or a deliberate policy: money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka // Geografiska Annaler, Series B: Human Geography. Vol. 87. No. 2. P. 113–129.
- Berghauer Pont M., Olsson J. (2018) Typology based on three density variables central to Spacematrix using cluster analysis//24th ISUF International Conference. Book of Papers. Editorial Universitat Politècnica de València. P. 1337–1348.
- Burton E. (2001) The compact city and social justice//Housing, Environment and Sustainability. Housing Studies Association Spring Conference, New York.
- Dieleman F., Wegener M. (2004) Compact city and urban sprawl. Built Environment. Vol. 30. No 4. P. 308–323.
- Donath D., Lobos D. (2008) Massing study support. Proceedings eCAADe25.
- Habitat UN (2011) Urban Sprawl Now a Global Problem. A report on state of World Cities, 2012.
- Roggema R. (2017) Research by design: Proposition for a methodological approach//Urban science. Vol. 1. No. 2. P. 1–19.
- Van Der Waals J. (2000) The compact city and the environment: A review//Tijdschrift voor economische en sociale geografie. Vol. 91. No. 2. P. 111–121.

YANA GOLUBEVA, DANIIL VERETENNIKOV,
VICTOR KOROTICH, LYUBOV KRUTENKO,
GAVRIIL MALYSHEV, GULNAZ NIZAMUTDINOVA

RENOVATION OUTSIDE MOSCOW: SEARCHING FOR ALTERNATIVE DEVELOPMENT METHODS IN POST-SOVIET CITIES

Yana A. Golubeva, MA in Architecture, chief director, architectural bureau OOO MLA+ Saint-Petersburg; 12, Birzhevaya line, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation, tel.: +7 921 770 26 71

E-mail: yana.golubeva@mlaplus.com

Daniil I. Veretennikov, MA in Architecture, tutor, researcher, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (SPbGASU), architect, architectural bureau OOO MLA+ Saint-Petersburg; 12 Birzhevaya line, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation, tel.: +7 981 848 78 21

E-mail: daniil.veretennikov@mlaplus.com

Victor I. Korotich, BA in Architecture, architect, architectural bureau OOO MLA+ Saint-Petersburg; 12 Birzhevaya line, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation, tel.: +7 931 307 82 23

E-mail: viktor.korotych@mlaplus.com

Lyubov V. Krutenko, MA in Urban Studies, architect, architectural bureau OOO MLA+ Saint-Petersburg; 12 Birzhevaya line, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation, tel.: +7 901 731 75 99

E-mail: lubov.krutenko@mlaplus.com

Gavriil N. Malyshev, MA in Urban Planning, architect, architectural bureau OOO MLA+ Saint-Petersburg; 12 Birzhevaya line, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation, tel.: +7 981 802 09 41

E-mail: gavriil.malyshev@mlaplus.com

Gulnaz R. Nizamutdinova, MA in Design of Urban Ecosystems, architect, architectural bureau OOO MLA+ Saint-Petersburg; 12 Birzhevaya line, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation, tel.: +7 981 955 23 65

E-mail: gulnaz.nizamutdinova@mlaplus.com

Abstract

Large contemporary Russian cities have accumulated significant material resources in real estate and infrastructure, however their rate of decay exceeds their annual repair budgets. The uneven development of the country has led to an overconcentration of people and resources in large cities and metropolitan areas which exacerbates the inequality of the socio-economic development of regions on a national scale and widens the gap between the development of centers and peripheries within large cities themselves. In this way, large Russian cities, faced with a massive immigration, are developing extensively today, spreading to the periphery and pulling resources from the developed urban areas, leading to the degradation of built-up areas, and aggravating problems of social and infrastructural inequality. Before we face a wave of catastrophic collapse, network breaks and other problems, it is necessary to plan new mechanisms for renovating the existing housing stock, and for finding an alternative to extensive development.

Renovation outside the city of Moscow ("Nestolychnaya renovatsia") is a challenge which requires developing tools for working with the existing housing stock, rather than demolishing it. Our basic hypothesis is that with the densification of built-up urban areas, placing new volumes within their boundaries and introducing a spatial structure into unformed territories, will create opportunities for updating and developing the existing housing stock and infrastructure. The placement of new buildings should improve the quality of the existing environment and should not create urban conflicts.

Using the example of St. Petersburg, the study identifies eight morphotypes characteristic of the post-Soviet city. For each of the morphotypes, spatial tools were identified for working with built-up territories, to work in detail with the context, including involving the maximum number of owners of the existing housing stock in the process of urban development. Using research through design, we estimated the approximate capacitive resource of the developed urbanized territories during their development according to the proposed compact model.

Key words: compact city; infill development; urban sprawl; morphotypes; uneven development; post-socialist city

Citation: Golubeva Y., Veretennikov D., Korotich V., Krutenko L., Malyshev G., Nizamutdinova G. (2019) Renovation outside Moscow: Searching for Alternative Ways of Development in Post-Soviet Cities. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 104–128 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp422019104-128>

References

- Anoshkin P.A. (2011) Prostranstvennaya model' sovremennogo goroda [Spatial model of a modern city]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of the modern economy], no 4, pp. 259–264. (in Russian)
- Babenko S.V. (2013) Problemy i perspektivy realizatsii kontseptsii kompleksnogo osvoyeniya territorii v krupnykh gorodakh Rossii [Problems and prospects for the implementation of the concept of integrated development of the territory in large cities of Russia]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of Legal and Economic Studies], no 2, pp. 137–140. (in Russian)
- Badyina A., Golubchikov O. (2005) Gentrification in central Moscow — a market process or a deliberate policy: money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka. *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, vol. 87, no 2, pp. 113–129.
- Berghauer Pont M., Olsson J. (2018) Typology based on three density variables central to Spacematrix using cluster analysis. *24th ISUF International Conference. Book of Papers*. Editorial Universitat Politècnica de València, pp. 1337–1348.
- Burton E. (2001) The compact city and social justice. In *Housing, Environment and Sustainability, Housing Studies Association Spring Conference*.
- Chirkunov O. (2011) Kompaktnyy gorod [Compact city]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], no 2, pp. 85–94. (in Russian)
- Dieleman F., Wegener M. (2004) Compact city and urban sprawl. *Built Environment*, vol. 30, no 4, pp. 308–323.
- Donath D., Lobos D. (2008) Massing study support. *Proceedings eCAADe25*.
- Golovnova A.V., Chernysheva L.A. (2017) Plastik, velosipedy i gorodskiyе grazhdanstva: dva sluchaya reorganizatsii infrastruktur v Sankt-Peterburge [Plastic, bicycles and urban citizenship: two cases of reorganization of infrastructures in St. Petersburg]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 20, no 3. (in Russian)
- Golubchikov O.U., Makhrova A.G. (2013) Faktory neravnomernogo razvitiya rossiyskikh gorodov [Factors of the uneven development of Russian cities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Herald. Series 5. Geography], no 2. (in Russian)
- Gutnov A.E. (1984) Evolyutsiya gradostroitel'stva. [The Evolution of Urban Planning] M.: Stroyizdat. (in Russian)
- Habitat UN (2011) Urban Sprawl Now a Global Problem. A report on state of World Cities, 2012.
- Katayeva U.V., Lobanova I.L. (2013) Territorial'naya organizatsiya krupnogo goroda kak faktor yego razvitiya (na primere g. Permi) [The territorial organization of a large city as a factor in its development (on the example of Perm)]. *Problemy sovremennoy ekonomiki (Novosibirsk)* [Problems of the modern economy (Novosibirsk)], no 13, pp. 76–82. (in Russian)
- Korolov V.A. (2018) Smeshannaya zhilaya zastroyka kak instrument kompleksnogo osvoyeniya periferiynykh territoriy krupneyshikh gorodov (na primere periferiynykh rayonov Sankt-Peterburga i prilgayushchikh territoriy Leningradskoy oblasti) [Mixed typology residential development as a tool for integrated development of peripheral territories of the largest cities (by the example of peripheral regions of St. Petersburg and adjacent territories of the Leningrad Region)]. *Nauchno-prakticheskiy elektronnyy zhurnal Alleya Nauki* [Scientific and Practical Electronic Journal "the Alley of Science"], vol.22, no 6. (in Russian)
- Limonov L.E. (2015) Prigorodnyy poyas Sankt-Peterburgskoj aglomeratsii: social'no-ekonomicheskie i institucional'nye osobennosti prostranstvennogo razvitiya [The suburban belt of the St. Petersburg agglomeration: socio-economic and institutional features of spatial development]. *Zhurnal issledovaniy social'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], pp. 162–167. (in Russian)
- Monastyrskaya M.Ye., Peslyak O.A. (2017) Sovremennyye metody delimitatsii granits gorodskikh aglomeratsiy [Modern methods of delimiting the boundaries of urban agglomerations]. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Urban Planning and Architecture], vol. 7, no 3, pp. 80–86. (in Russian)
- Roggema R. (2017). Research by design: Proposition for a methodological approach. *Urban science*, vol. 1, no 2, pp. 1–19.

- Sementsov S.V. (2007) Gradostroitel'noye razvitiye Sankt-Peterburga v 1703-2000-ye gody : dis. – avtoref. dis.... d-ra. arkhitektury./S.V. Sementsov [Urban development of St. Petersburg in the 1703-2000s: Doctoral dissertation]. (in Russian)
- Shlyakhovaya A., Dokhov R. (2018) Dvorulitsa (Yardstreet): A Reboot Method for the Semi-Periphery of a Post-Socialist City. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 1, pp. 40–62. (in Russian)
- Sivayev S.B. (2018) Tsentral'naya strategicheskikh: razrabotok, zhilishchno-kommunal'nyy kompleks mezhdru politikoy i ekonomikoy [Center for Strategic: Development, Housing and Communal Complex between Politics and Economics, Moscow]. (in Russian)
- Starikov A.A. (2019) Razvitiye planirovochnykh struktur gorodov i kachestvo zhizni grazhdan [The development of urban structures and the citizens quality of life]. *Fundamental'nye, poiskovye i prikladnye issledovaniya Rossijskoj akademii arhitektury i stroitel'nykh nauk po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noj otrasli Rossijskoj Federacii v 2018 godu* [Fundamental, search and applied research of the Russian Academy of architecture and construction Sciences on scientific support for the development of architecture, urban planning and the construction industry of the Russian Federation in 2018], pp. 475–486. (in Russian)
- Van Der Waals J. (2000) The compact city and the environment: A review. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, no 91 (2), pp. 111–121.
- Yablonskaya A.D. (2011) Organizatsiya vysokoplotnoy gorodskoy sredy. Regeneratsiya mikrosaytov slozhivsheysya zhiloy zastroyki na printsipakh samoorganizatsii i autentichnosti [Organization of a high-density urban environment. Regeneration of microsites of existing residential buildings based on the principles of self-organization and authenticity]. *Místobuduvannya ta teritorial'ne planuvannya* [Urban planning and territorial planning], no 42, pp. 456–465. (in Russian)

**МЫ ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ»**

«Городские исследования и практики» (печатная версия ISSN 2500-1604, электронная версия ISSN 2542-0003) – это международный научный рецензируемый журнал, выпускаемый факультетом городского и регионального развития НИУ ВШЭ.

Журнал является новой площадкой, на которой начинающие и уже опытные городские исследователи и практикующие специалисты в области градостроительства могут обмениваться опытом и знаниями с помощью эмпирических и теоретических исследовательских статей, рецензий, обзоров статей, монографий российских и зарубежных авторов.

Мы будем рады сотрудничеству с авторами, область научных интересов которых затрагивает городские исследования, городское планирование, транспорт, экономику городов, социологию и антропологию города, географию, экистику, искусство в городе, архитектуру, дизайн и новые городские технологии и т.п.

Дизайн журнала позволяет задействовать в тексте разнообразные средства презентации: формулы, графики, карты, фотографии и пр.

К публикации принимаются оригинальные, ранее не опубликованные рукописи на русском и английском языках, сопровождающиеся любыми необходимыми визуальными материалами. Объем статей – до 60 тыс. знаков, объем рецензий, обзоров – до 10 тыс. знаков.

Если вы планируете написать для нас рецензию, пришлите заявку на электронный адрес редакции журнала, указав в ней название рецензируемой монографии и краткую информацию о себе.

Материалы с пометкой «Статья» («Рецензия») в теме письма присылайте на нашу электронную почту: usp_editorial@hse.ru

Более подробную информацию о журнале можно получить по ссылке <https://usp.hse.ru/>

Call for Papers

THE URBAN STUDIES AND PRACTICES JOURNAL INVITES AUTHORS TO CONTRIBUTE PAPERS FOR PUBLICATION

The Journal of Urban Studies and Practices (Print ISSN 2500-1604, Online ISSN 2542-0003) is a high-quality open access peer-reviewed research journal that is published by Faculty of Urban and Regional Development at National Research University Higher School of Economics.

The journal provides a platform for starting and experienced researchers and urban planning practitioners to share their knowledge and expertise in the form of high-quality empirical and theoretical research papers as well as reviews of books and academic literature. It publishes research papers in the fields of urban studies, urban planning, urban transportation, urban economics and sociology, anthropology, urban geography, ekistics, new city technologies, urban art, architecture and urban design.

The journal is published on a quarterly basis and is available both in print and online. A typical article should be limited to 60,000 characters including abstract, references, notes, appendices, tables and figures. A book review should not exceed 10,000 characters. The articles/reviews are accepted in English or Russian. The design of the journal is tailored to accommodate plain text, formulas, graphs, maps, photos, etc.

We kindly invite you to submit papers for the next issues of the Journal of Urban Studies and Practices.

Please send your manuscript for review to usp_editorial@hse.ru (email subject "Article" or "Review").

For more information about the journal please visit <https://usp.hse.ru/en/about>.

Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в филиал «Чеховский печатный
двор» ОАО «Первая образцовая типография»,
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НИУ ВШЭ.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Бакалавриат:

Городское планирование

Форма обучения: очная

Срок обучения: 5 лет (набор ведется как на бюджетные, так и на «коммерческие» места)

Направление подготовки: «Градостроительство» (диплом государственного образца)

Вступительные испытания: по результатам ЕГЭ: русский язык, математика, иностранный язык

Образовательная программа бакалавриата «Городское планирование» направлена на подготовку новых профессионалов — городских планировщиков.

В процессе обучения студенты получают практические и прикладные навыки территориального планирования, управления городскими проектами, разработки и реализации стратегий и программ развития городов. Выпускники программы смогут работать в администрациях городов, девелоперских и консалтинговых компаниях, а также в исследовательских центрах.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Магистерская программа: Управление пространственным развитием городов

Форма обучения: очная

Срок обучения: 2 года (набор ведется как на бюджетные, так и на «коммерческие» места)

Направление подготовки: «Градостроительство» (диплом государственного образца)

Вступительные испытания: конкурс портфолио + английский язык

Одна из первых в России магистерских программ, объединяющая научно-исследовательский подход в урбанистике (urban studies) и практические аспекты городского планирования и управления (urban planning).

Мы готовим специалистов в области пространственного развития городов и градостроительного зонирования. Наши выпускники работают в системе государственного и муниципального управления, в области анализа городских данных, в сфере девелопмента, градостроительного консалтинга и инфраструктурного развития.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Магистерская программа: Транспортное планирование

Форма обучения: очная

Срок обучения: 2 года (набор ведется как на бюджетные, так и на «коммерческие» места)

Направление подготовки: «Градостроительство» (диплом государственного образца)

Вступительные испытания: конкурс портфолио + английский язык

Программа направлена на развитие навыков и компетенций в сфере устойчивой мобильности, планирования и организации работы общественного транспорта, организации и безопасности дорожного движения, проектирования пешеходной и велосипедной инфраструктуры, экономики и правового регулирования городского транспорта.

Большое внимание уделяется значимости транспортного планирования для всех сфер городского развития и новейшим трендам в этой области.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Магистерская программа:
Прототипирование городов будущего

Форма обучения: очная, **обучение ведется на английском языке**

Срок обучения: 2 года (набор ведется на «коммерческие» места)

Направление подготовки: «Градостроительство» (диплом государственного образца)

Вступительные испытания: конкурс портфолио

В основе программы лежит проектный подход, основанный на принципе learning by doing («обучение в процессе работы»). Студенты научатся разрабатывать прототипы проектов, анализировать данные, интегрировать технологии в городскую среду, которые изменят текущую реальность.

Программа реализуется на базе «Шухов Лаб» — международной лаборатории экспериментального проектирования городов НИУ ВШЭ. Преподавание ведут российские и зарубежные исследователи и практики, формирующие современную повестку в области разработки и внедрения умных технологий для городского развития.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ